

Джейд Дэвлин

Звезда Амонтильера. Возвращение

Глава 1

Парни привыкли, что утром Иллис уже нет в комнате, когда они просыпаются. И сегодня сразу не поняли, что изменилось. Уже оделись и были готовы к выходу, когда Майс случайно заметил белый прямоугольник на письменном столе.

— А это что?

«Простите, я так и не нашла сил сказать вам вчера. Я должна уехать, может быть надолго. Я вас люблю. Не скучайте и берегите друг друга. Иллис».

Майс прочел еще раз, будто не поверив бумаге: «должна уехать... может быть надолго...» — и поднял на друзей растерянный взгляд.

— Это она, значит... вчера знала, что уедет?

— Куда уедет? — Габриэль вырвал лист из ослабевших пальцев. — Я так и знал! Я еще вчера чувствовал, что должно случиться что-то плохое! — Он в отчаянии махнул рукой и отвернулся.

— Не просто так, значит, сигнал был. Нам следовало догадаться — по пустякам сигналы из Ордена слать бы не стали, — Норр в свою очередь взял бумагу и пробежал по ней глазами, будто надеялся найти разгадку в этих нескольких строчках.

— Мне это не нравится, — письмо перекочевало в руки Льена, и он нахмурился, вчитываясь не менее внимательно. — Мне это очень не нравится... Зачем ее вызвали? Она же должна закончить академию, и она только младший мастер. Мне это очень-очень не нравится...

— Камень! Какого цвета был камень, когда он звонил? — закричал вдруг Норр, меняясь в лице.

— К-красный... кажется... — неуверенно ответил Майс, бледнея. — А что?

— Красный. Сигнал общей тревоги... — сказал Норр безжизненным голосом и опустился на кровать. — Последний раз использовался в Ордене больше пятнадцати лет назад... Какой же я идиот, что прохлопал это вчера! — простонал он.

— Что-то случилось, — непослушными губами выговорил Льен, тоже садясь, только прямо на пол. — Что-то на границе. Что-то очень страшное...

— От... откуда ты знаешь? — дрожащим голосом проговорил Гай.

— Орден — это стражи границы, — безжизненно отозвался Норриан. — На первом курсе изучали...

— Тогда нам надо догнать Иллис, быстрее! Ну, что вы сидите?! — Майс сорвался с места.

— Майс, остынь, — Льен с трудом встал и поймал друга за плечо. — Мы ее не догоним. А если бы догнали... Она мастер Ордена. Ее место там... Она бы не вернулась, даже если бы мы ее силой назад тащили.

— К черту вернуть! Мы поедem с ней! — запальчиво вступился за Маиса Габриэль.

— Куда? — горько усмехнулся Норриан, не делая попытки подняться. — Кто нас пустит? И чем мы ей поможем, если за радужный щит могут ходить только мастера Ордена?..

У Гая опустились плечи. Все верно... Это тоже проходили на первом курсе... Но как это невыносимо — знать, что дорогой им человек в опасности и нет возможности ничем помочь.

— Не раскисайте, — неожиданно жестко приказал Льен. — Что бы ни случилось, она

вернется. И потом... — он сбился, но продолжил: — Иллис только младший мастер. Еще года не прошло, как окончила обучение. Никто не отправит ее туда, где самая большая опасность. — Неизвестно, кого он старался больше убедить — остальных или себя.

— Да, не будем впадать в отчаяние раньше времени, — подвел итог Норр. — Иллис у нас... «не тонкой ниткой шита». Она не пропадет. — «Надеюсь», — добавил он уже про себя.

На разминку они едва не опоздали. Однако мастер ди Хасс, вопреки обыкновению, сделал вид, что так и надо. И это тоже показалось четверке тревожным признаком. Но остальные курсанты ничего не заметили. Правда, отсутствие Иллис вскоре стало очевидно, но пока никто никаких вопросов не задавал. Мало ли у нее своих дел.

Кириан в этот день проснулся, как обычно, рано. Это был его час. В это время никто не отвлечет и не полезет с дурацкими вопросами, можно спокойно размышлять и смотреть на Иллис. Украдкой, из окна, прячась за занавеской.

Однако сегодня она впервые за все время не вышла во двор. Князь ждал ее к тренировке, но она не появилась и там. В классе ее тоже не было. Впервые за долгое время место рядом с Кейрошем осталось пустым. Сердце тревожно дернулось.

На перемене он поймал за грудки Габриэля и спросил его как можно небрежней: — Куда это вы подевали свою боевитую подругу, а?

Гай и так был на пределе — тревога не отпускала с самого утра, хотя они все четверо старались успокоить друг друга. А тут еще этот гаденыш белобрысый лезет со своими идиотскими вопросами!

— Отвали, урод, — процедил он сквозь зубы, едва сдерживаясь, чтобы с ходу не съездить в морду

— Что это ты такой... неласковый? — приподнял бровь Князь, про себя решив непременно выяснить, куда делась Иллис. По всей видимости, куда-то уехала, раз Габриэль так кипит.

— Где бы она ни была, тебя это не касается, — Норриан подошел со спины и легко потряхнул руку Князя с груди Гая. — Забудь о ней.

— Хо-хо! Значит, уехала. Я бы легко забыл о ней, друг мой Норр, было бы о чем забывать... Вот только у нас совместный проект по планированию не закончен. И я не намерен делать работу вместо всяких прогульщиц. Так ей и передай.

— С удовольствием передам, — процедил Норр, поворачиваясь к Кейрошу спиной.

— Даже не знаю, как вы теперь проживете без присмотра... — бросил Кириан ему вслед. Ясно, что от этих больше ничего узнать не удастся. Ну ладно, у него есть и свои источники, надо только...

И тут он, словно на неожиданное препятствие, наткнулся на внимательный, пристальный взгляд Льена. Торк!

Кейрош быстро развернулся и зашагал по коридору

«Вот и хорошо! Все складывается как нельзя лучше. Пока ее нет, я смогу излечиться от этой болезни по имени Иллис», — думал он на ходу. И ему действительно стало легче. На какое-то время.

А к вечеру по академии поползли слухи. Они варьировались от «что-то неладно на границе» до «падения всей юго-западной линии». Значит, истина где-то посередине. Само собой разумеется, проблемы на границе — дело «полуденных». Вот вам и ответ — куда могла поехать Иллис... Ее, конечно же, не отправят в горячую точку, скорее всего туда поедут старшие мастера. А младших созвали присмотреть за Орденом и малышкой. И когда заварушка кончится, она вернется. Успокоив свою неясную тревогу таким образом, Кириан приободрился.

«Да хоть бы и не возвращалась совсем, мне что за дело! — попытался сам себе внушить

он. И добавил с улыбкой: — Утром хоть выспаться можно будет».

Но утром он проснулся в привычное время и, сколько ни ворочался с боку на бок, уснуть больше не смог. Чертыхнувшись про себя, Кириан встал с кровати и подошел к раскрытому окну. Постоял. Без Иллис все это было как-то... бессмысленно. Тогда он огляделся, вскочил на подоконник и с него по-кошачьи перепрыгнул на ветку. Ветка закачалась. Как это у нее получалось — скользнуть вниз, не задев и листика? Кир перехватил руки, он столько раз смотрел, как спускается Иллис, что знал ее маршрут наизусть. Вот эта ветка, теперь вот эта... вон тот сучок — и можно прыгать.

Кириан медленно обошел двор. Вот тут она любила разминаться, а тут кружила с Анеллой...

«Тьфу! Ты решил забывать или вспоминать?!» — Князь заставил себя упасть на кулаки и отжаться сто раз в бешеном темпе. Потом выполнил пережат и рывком подскочил на ноги. Выпад... прыжок... сальто назад... Он выучил всю ее программу и теперь, с особой яростью выполняя движения, пытался вытеснить лишние мысли. Час пролетел как одна минута, и подошло время всеобщей утренней тренировки.

Ди Хасс с утра был непривычно мрачен и — неслыханное дело! — почти не делал замечаний. Курсанты встретили новшество тихим гулом. Что-то происходило в мире, и это что-то внушало неясные опасения. Впрочем, скоро все разъяснилось...

Тревога горьким дымком пропитывала все вокруг. Даже в городе от нее было не укрыться. Люди притихли, все разговоры велись вполголоса, не слышно было обычного гама рыночной площади, криков играющей детворы. Новости пришли с беженцами, просочились с курьерами из пограничья. Слухи, один другого нелепее и страшнее, будоражили и без того напуганных горожан. Но паники удавалось не допустить.

В академии, преподаватели которой были в курсе настоящего положения вещей, напряжение становилось почти невыносимым. Даже занятия сократили.

Никто не собирался посвящать курсантов в подробности, но общая картина была доведена до их сведения. Захвачена одна из пограничных башен, артефакт уничтожен или заблокирован. Пока удалось растянуть силу двух соседних радужных камней и закрыть проход во внутренние области королевства, но Аркадрийский выступ захвачен, и те немногие беженцы, что успели спастись, рассказывают ужасные вещи.

Полуденный Орден объявил мобилизацию. Только его мастера могут проникнуть сквозь ослабленный щит на захваченные территории. За щит ушли все, от удалившихся на покой ветеранов до вчерашних выпускниц. Если в течение недели они не прорвутся к старой границе и не восстановят артефакт, начнут выходить из строя остальные башни, и радужный щит, защищавший королевство от агрессии кархов, исчезнет.

Это будет даже не война, это будет нашествие... без щита и без Эйро им не выстоять.

Так прошла неделя, и с каждым днем ожидание становилось все невыносимее. В городе уже были вспышки массовой истерии, но умелыми и довольно жесткими действиями властей их удалось ликвидировать. Люди сидели по домам и ждали, ждали...

Глава 2

Кириан вздохнул и привычно обвел взглядом двор. Мир вокруг был серым и скучным. Она увезла с собой все краски.

Прошло уже столько дней с отъезда Иллис! Первоначальная «радость» Князя сменилась тоской, унынием и непреходящей тревогой. Он успокаивал себя, что младшему мастеру даже на границе ничего не грозит, но все чаще пробивалась в голову страшная мысль: «Что, если она не вернется?»

Как пережили эту бесконечную неделю парни — плохо помнили все четверо. Первоначальная надежда на то, что девушка отсидится в Ордене с малышами, пошла прахом почти сразу. Когда Норр не выдержал неопределенности и пошел к рессу Грарарду, стало еще хуже. На прямой вопрос он получил прямой ответ.

Ректор был сух и немногословен. Иллис ушла за барьер. Точка. Больше обсуждать нечего. И болтать об этом не следует. Можно только ждать. И надеяться.

И они ждали. Каждую минуту, каждую секунду эти бесконечные несколько дней надежда сменялась обжигающим ужасом — а вдруг...

Иногда казалось — а не сон ли это был? Эта невероятная девчонка исчезла так же неожиданно, как появилась, и...

Но ее вещи, книги, магографии... Все это можно потрогать, взять в руки, еще раз убедиться, что она им не привиделась и не исчезла без следа.

И разве это могло присниться — солнечные глаза, улыбка, против которой невозможно устоять? Они за всю жизнь столько не смеялись и не радовались жизни, как за последние полгода. Даже торков «Арсенал»! Да пусть бы хоть каждый день!

Не сговариваясь, они поставили ее магографию на стол — на самое видное место, и даже вечный неряха Майс охранял это место от беспорядка.

А еще были слухи. И невеселые мысли. Все они верили, что Орден справится и граница выстоит. Так всегда было раньше. Но все равно, все равно... Страх, охвативший королевство, проникал и в академию. И выливался слезами самых младших, тишиной в компаниях подростков, нахмуренными бровями выпускников. У всех были семьи. У всех был повод беспокоиться за них. И за себя.

Что уж говорить о четверых друзьях

В тот последний день бесконечной недели было солнечно. Их разбудили в обычное время, хотя уже несколько дней тренировки шли спустя рукава. Как, впрочем, и занятия. Нет, преподаватели старались загрузить курсантов по максимуму, чтобы не оставлять им времени на бесполезные терзания. Но по большей части их старания уходили впустую, как вода в песок. Казалось, никто не способен сосредоточиться на учебе. Ожидание повисло в воздухе, почти осязаемое, тяжелое и вязущее.

Четверо друзей сидели под любимым деревом Иллис, чуть в стороне от многолюдных дорожек, в глубине парка. Раньше оно было просто любимым деревом компании, но теперь помнилось только, что именно тут чаще всего проводила время она.

Майс рассеянно перебирал в коробке какие-то свои железки и магеми. Норриан пытался читать, но уже на протяжении часа не перелистывал страницу. Габриэль просто лежал, закинув руки за голову, и смотрел, как резные ладошки листьев протирают небо. Льен даже сейчас не расставался с гитарой, хотя назвать мелодией тихий перебор струн вряд ли кто-то бы отважился.

— Может, еще раз сходим к ректору? — Майс тоскливо брякнул очередную железку о дно коробки.

— Если бы были новости, он бы сообщил, — Норриан отложил книгу.

Они и не подозревали, что сверху их напряженно слушают. Любимое дерево Иллис интересовало не только четверку. Кириан последнее время тоже полюбил бывать здесь. Только его больше притягивала крона. Очень выгодная, как выяснилось, позиция...

— Какого торка! До сих пор не верю, что могли послать за щит младшего мастера!

— с отчаянием рывкнул вдруг Габриэль и ударил кулаком по траве.

Кириану стоило больших трудов удержаться наверху. Он судорожно вцепился в ветку и напряг слух до предела, чтобы не пропустить ни слова.

— Они все ушли, — после продолжительной паузы вздохнул Льен. — В крепости остались только самые старые и те, кто еще не закончил обучение. Положение слишком серьезное.

Майс тяжело переглотнул.

— Но она же не может... — он тоже не мог. Не мог вслух произнести то, о чем даже думать страшно.

Кириану показалось, что его отправили в нокаут — в глазах потемнело, он перестал ощущать свои руки, которые намертво вцепились в ветку, угрожая раскрошить ее в щепки. Он бессильно уткнулся лбом в гладкую кору. Не может быть... Иллис ушла за щит?! За щит?! Не может быть! В свете последних событий шансы уцелеть там

— один против десяти...

— Я не хочу об этом думать... — Норриан прикрыл глаза и раскачивался словно в транс.
— Не хочу. Но речь идет о выживании королевства. А она — мастер Ордена. И если для того, чтобы вернуть границу, надо будет... — он не договорил. Тоже не смог.

— А мы тут сидим, как... бараны! — Майс рывком сел.

— Пойду я... пройдуся немного, — Льен не спеша поднялся.

— Погоди! — Норриан открыл глаза. — Ты с отцом связывался? Что он говорит?

— Все то же самое. Барьер пока держится. Из ушедших за него никто не возвращался, и неизвестно, что там происходит. Судя по всему, идут бои. И... — Льен опустил голову, — есть потери...

Они надолго замолчали. И Кириана вдруг охватила странная, иррациональная, жуткая надежда, что все сказанное — шутка. Что сейчас они встанут, рассмеются и будут потешаться над его доверчивостью... Он почти физически захотел этого. Но они продолжали молчать. И это молчание было таким невыносимым, что Князь совсем было решил слезть с дерева. Наплевать, что его увидят. На все сейчас наплевать. Он уже занес ногу, чтобы начать спускаться, но именно в этот момент парни вдруг подхватились, собрались и быстро, молча ушли.

Князь спрыгнул на траву. Он чувствовал дурноту и слабость. Бездействие убивало. А отчаяние не давало нормально дышать. Если была бы хоть мизерная возможность, он поехал бы туда. Он нашел бы Иллис и...

И что?!

Погиб рядом с ней? Глупо... как глупо все... А сейчас он даже не знает, что с ней и жива ли она вообще.

До самого вечера он не находил себе места. И только когда вся академия отправилась на ужин, Князь проник в свою комнату, чтобы забрать оттуда свой дневник.

Он листал свои мысли, забившись в дальний уголок двора. И пока он читал, они соединяли его тоненькой ниточкой с... с ней. Он, словно драгоценности, перебирал в памяти те моменты, когда был к ней близок.

Счастливые моменты, которые, возможно, никогда не повторятся...

«А я ведь даже не сказал тебе, что люблю... нормально не сказал!» — скрывать это дальше не было никакого смысла, и он наконец принял это знание. Если бы можно было повернуть время вспять...

Кириан понял, что он плачет, только когда горячая капля упала на его исповедь и расплылась по бумаге чернильным пятном. И сейчас ему не было дела до того, что кто-то мог бы увидеть эти слезы и назвать его слабаком и сентиментальным идиотом. Сейчас было так больно, что просто больше ничего не имело значения.

Кириан медленно поднялся. Его качнуло. И то, что произошло с ним дальше, вряд ли можно описать словами. Его накрыло с головой, словно приливной морской волной: он слышал музыку, слышал ее голос и одновременно с этим — стрекот кузнечиков. Он видел заходящее солнце над холмистой пустошью и каких-то людей, он ощущал дыхание ветра на своей коже, тепло солнечных лучей, запах травы, земли, цветов и крови. Он ощущал твердость выщербленных каменных ступеней под собой и, ужасаясь, видел алые потеки на них.

Он вдруг увидел ее глаза, и ему показалось, что яркий отсвет заката медленно гаснет в них, слоено забирая с собой жизнь. И не выдержал, закричал что было сил туда, в эту степь, полную крови и звенящих кузнечиков:

— Нет! Не смей! Не уходи, слышишь?! Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!!!

Потрескавшиеся губы чуть шевельнулись, девушка улыбнулась в ответ, закатный луч запутался в длинных ресницах, и Кириан всем своим существом, всем сердцем потянулся туда, к ней, словно отдавая всего себя.

И потерял сознание.

Только что вернувшиеся с ужина парни вдруг замерли, кто где стоял — Гай и Майс уже у своих кроватей, Норр у стола, Льен на пороге комнаты. Их как молнией ударило мгновенной слабостью и странной тягостной болью, но длилось это всего несколько секунд, а потом отпустило, оставив после себя странную опустошенность и дрожь.

Заслоняя половину неба, на востоке полыхнуло радужное сияние и до самого утра играло яркими всполохами, освещая ликующее королевство. Стена, отгораживавшая земли людей от владений кархов, восстановилась в своей первоизданной силе, яростно стреляя в небо световыми волнами.

Люди плакали и смеялись, обнимались прямо на улицах, танцевали... Неделя страха и напряжения вылилась в фантастическое празднование, каждый старался как можно быстрее доказать другим и, главное, себе, что все позади, что жизнь вернулась и все будет хорошо.

О том, какой ценой оплачено их счастье, они задумаются позже...

Глава 3

Кириан не понял, что произошло. Кажется, он пришел в сознание почти сразу, потому что световую феерию на востоке он видел, кажется, с самого ее начала. Странная слабость и чувство внутренней пустоты ввели его в подобие некоего транса. Он даже не поднялся в комнату. Просто сидел на траве и смотрел отсутствующим взглядом на переливающуюся у самого горизонта пленку.

Уже под утро ему вдруг очень захотелось увидеть Иллис, пусть хоть на магографии... Для этого надо всего лишь взобраться на дерево. Он уже знал, что магография есть в ее комнате, на столе...

Однако забраться на дерево незамеченным не получилось. Многие не спали в эту ночь, и во дворе было людно. Вот и четверка тут... Краем глаза заметив, что парни непривычно бледные и тихие, он подумал, что это как раз к лучшему. Пока все ликуют в холле и в парке, у него есть шанс пробраться в чужую комнату незамеченным. Пусть не из парка по дереву, а немного другим путем.

Кириан, пошатываясь от очень медленно исчезающей слабости, поднялся к себе. Хвала Эйро, в его комнате тоже никого не было. С великой осторожностью Князь прокрался к окну, и еще через минуту его скрыла зеленая крона.

В комнате четверки никого... магография на столе... Он воровато оглянулся, внизу люди, но они слишком заняты разговорами, чтобы смотреть в его сторону... Если не шуметь, то все получится! Кириан собрался и... исчез в оконном проеме.

Иллис очень хорошо вышла на этой магографии. Князь взял ее в руки и всмотрелся в такие знакомые черты. Он вообще-то не планировал этого, хотел только увидеть, но не смог вернуть карточку обратно. Аккуратно опустив ее в карман на груди, Кириан повернулся к окну и...

— Постой... — голос из темноты настиг его совершенно неожиданно. И Князь резко повернулся, готовый к драке.

— Не забирай эту, парни академию с ног на голову поставят, но найдут. Я тебе другую

дам. Если хочешь.

Несколько секунд на его лице отражалась внутренняя борьба. Слишком неожиданным было предложение.

Льен вошел в полосу света, серьезный как никогда. Но враждебности в его взгляде не было.

И Кириан не выдержал, отвел глаза. Потом медленно, словно нехотя, достал магографию из кармана и молча протянул ее. Он ждал, что за этим последует насмешка, издевательство, но вместо этого Льен открыл ящик стола и достал несколько снимков.

— Выбери, которую?

Князь рассеянно взял магографии, просматривая одну за другой. Она улыбалась с каждого снимка, как всегда, ослепительно и неотразимо. Абсурд какой... Он в «логове врага» рассматривает магографии Иллис, которые предложил ему Льен... И это... очень правильно!

А этот снимок... это на балу? Да... зеленое платье. А одну сережку она тогда потеряла. Улыбается чуть смущенно, прикасаясь пальцами к оставшейся в одиночестве маленькой жемчужинке.

«На кого ты смотришь? Кому улыбаешься? Так хотелось бы думать, что мне...»

— Эту можно? — Кириан с трудом разлепил пересохшие губы. Остальная пачка легла на стол, а он сам взглянул на Льена вопросительно, настороженно и... так, как будто хотел еще что-то сказать, но не мог.

— Бери, — кивнул тот. — Ты... ты знаешь, верно?

— Что? — Кириан весь заглодел от предчувствия. — Есть новости?

— Нет, — Льен отрицательно качнул головой. — О том, что она была там... на захваченной территории, ты знаешь. Надо ждать.

Кириан кивнул вместо ответа. Помолчал, кусая губу, будто решая, говорить или нет, и тихо попросил:

— Если... что-то будет известно...

— Да, — кивнул Льен. — Сразу. Ты... держи себя в руках. Кто знает, как обернется,

— может, ей будет нужна помощь. Мы должны дождаться. И быть готовыми.

Он умел найти нужные слова и не задавать лишних вопросов. У Кириана перехватило горло. Он резко отвернулся к окну, чтобы лицо случайно не выдало его смятения. Потому что простые, искренние слова Льена затронули что-то очень глубоко у него в душе. Уже у самого окна, перед тем как впрыгнуть на подоконник, Кириан повернулся и, серьезно глядя одному из четверки в глаза, произнес:

— Спасибо... Я не забуду.

Потому что пара фраз, сказанных в этой комнате, сумели вернуть ему то, что он чуть было не утратил, — желание жить.

Сначала было облегчение. Огромное, яркое, как радужные сполохи в небе. Щит вернулся, значит, Орден справился. Теперь все вернется на круги своя. Вернется! Вернется... Вернется же?

Но первым вернулся страх. Этой же ночью. Граница снова непроницаема для кархов, нашествия не будет. Но какой ценой? Никто не знал...

Прошел день, второй... Иллис не вернулась. Пока получалось утешиться тем, что она и не должна была вернуться так быстро. Наверняка в Ордене полно срочных дел, и дорога занимает время. Наверное, она просто напишет. Письмо. Ну или хотя бы записку. Пару слов... или передаст что-то на словах...

Но день проходил за днем, и все оставалось по-прежнему — никаких новостей.

Потом новости пришли. Такие — лучше бы не приходили вовсе.

Орден хоронил погибших. Тех, чьи тела нашли. И продолжал прочесывать местность в поисках того, кто пропал без вести. Теперь им помогали рейнджеры.

Их было очень много, молодых женщин — и опытных мастеров, и совсем девчонок, вчерашних выпускниц. Закаленные пограничем мужчины плакали не скрываясь, вывозя из пустошей очередное исковерканное тварями тело...

Из тех, кто ушли за барьер, вернулась едва ли треть. За последние несколько веков Орден ни разу не нес таких потерь.

Шло время, занятия в академии возобновились в прежнем объеме, а об Иллис не было никаких вестей.

Кириан ждал. Все время ждал, что вот-вот в коридоре послышится знакомый смех. Или во дворе сверкнет рыжий всполох. А может, она придет как в первый раз — на урок? И займет свое место рядом с ним. Свое место. Рядом с ним.

Он заставил соседа поменяться с ним кроватями, под предлогом того, что ему мало свежего воздуха. Теперь спал у самого окна, постоянно открытого. И под утро просыпался с безумно колотящимся сердцем, потому что ему приснилось, как в предрассветной дымке мелькнула в листе знакомая тень. Но увы, реальность будила его пустым проемом окна. И он раз за разом захлебывался разочарованием.

Теперь она появлялась только во сне. В его видениях ее глаза были разными — порой карими и солнечными от смеха, но чаще тревожными, полными неясного страха. В таких снах Иллис уходила, не оглядываясь и не слыша, как он срывает голос, выкрикивая ее имя. Она уходила, и серый туман заволакивал все вокруг — тоскливый, холодный.

Тревога стала похожа на боль — непрерывная, тянущая. От нее не было спасения.

Глава 4

— Я убедительно прошу вас разрешить мне уехать! — Кириан стоял перед ректорским столом, и взгляд его светился упрямством.

— Нет, — генерал Грарард поднял на своего курсанта усталый, но тяжелый взгляд.

— Сядь! — Властным жестом он предотвратил любые возражения. — И послушай. Ты мне нужен здесь. Дослушай, я сказал! Я сам еду туда. Я ЗНАЮ, где отличие от тебя, где и как искать. Чем ты можешь быть там полезен, еще один путающийся под ногами мальчишка. Молчи! Не ты один... ждешь и надеешься на чудо. И делать тебе там нечего. Зато ты можешь быть полезен здесь. Если перестанешь маяться дурью и возьмешь себя в руки. И ты, и другие старшие курсанты должны будете взять на себя обязанности некоторых преподавателей. Тогда мы сможем уехать и оказать действительно реальную помощь в поисках.

Ректор Грарард был прав. Как всегда. Но как справиться с этой убивающей неизвестностью, с мучительным ожиданием, с надеждой, которая тает с каждым днем, с тем, что надо ждать новостей и бояться, — со всем тем, что побудило его прийти в ректорский кабинет.

— Займешься делом — станет легче, — уже тихо сказал генерал. — На тебе младшие курсы и особенно твои барсы. Тренировки, занятия. Тренировать будешь сам, от и до, вместо мастера ди Хасса. Чтобы проще справляться, назначу с тобой еще... ра Сайеша. Он с малышами и так день и ночь возится. Справитесь.

Кириан сжал зубы и четко кивнул. Он понимал, что все верно и даже назначение одного из четверки — правильное решение. Но как же трудно смириться...

В коридоре, возвращаясь к себе, он столкнулся с четверкой и уже привычно спросил

Льена взглядом: «Есть новости?»

«Нет», — Льен чуть заметно качнул головой. И отвел глаза.

Они сами изводились уже который день. Ждали новостей и обмирали от ужаса, страшась рокового «нашли тело».

Они бы, наверное, навещали ректорский кабинет, где стоял амулет связи, каждые полчаса. Если бы он им это позволил. Но пока ответ был один и тот же:

— Среди погибших ее нет. Ищут. Нельзя терять надежду, рейнджеры продолжают находить живых. — Ректор не упоминал, что из нескольких десятков пропавших живыми нашли всего двоих, да и то в таком состоянии, что до сих пор неизвестно, выкарабкаются ли девочки.

Ректор не сказал Кириану главного — что это была диверсия, и вполне возможно, направленная как раз именно против Ордена. Наследница наследницей, а при предыдущем короле Орден набрал силу, влияние и количество мастеров. Кое-кому это было очень не по нраву. А теперь... даже если Иллис вернется и займет трон, мощь Ордена подорвана, родовитые семьи снова увеличат свое присутствие возле правительницы... все сложно.

Но об этом даже думать пока рано. Пока у них есть только тоненькая, дрожащая, как паутинка на ветру, ниточка надежды.

На следующий день генерал Грарард, мастер ди Хасс и еще несколько учителей уехали. Потянулись дни, серые, полные ожидания и тревоги. Кириан загружал себя до смерти, только бы не оставлять времени для размышлений. К вечеру он настолько уставал, что приходил к себе и засыпал сразу же, частенько вместо ужина. А утром просыпался, шел на раннюю тренировку, потом тренировал мелких вместе с Льеном, а в свободное время читал про Орден полуденных все, что удалось раздобыть в библиотеке. Он осунулся и похудел за это время, и под глазами у него прочно залегли черные тени. Впрочем, четверка выглядела не лучше. Только Льен умудрялся сохранять бодрый вид и поддерживать остальных, хотя у него было так же тяжело на душе. От отца он получал несколько больше новостей, чем рассказывал друзьям. И количество выживших для него не было секретом. С каждым днем, с каждой минутой надежды таяли.

Как ни странно, работать в паре у заклятых врагов получилось хорошо. Если Кириан блистал умением мгновенно навести дисциплину и задать ориентиры, то Льен, как никто, умел донести знания в такой форме, что мальчишки сами кидались выполнять сложные задания, лишь бы его порадовать. Он любил своих подопечных.

И Кириан, до сей поры считавший свое командирство обязанностью и ответственностью, волей-неволей заражался этим его отношением. Их совместные занятия действовали на него успокаивающе, и после них он с новой силой начинал верить, что все еще будет хорошо.

Но дни шли, надежды почти не осталось. Вернулся ректор, но утешительных новостей не привез и он.

Прошло почти два месяца с отъезда Иллис. Надеяться теперь можно было только на чудо.

Каждый день парни из команды Норриана сидели под тем самым деревом. Но теперь сидели молча. Разговор не клеился. Даже Льен, вопреки своему всегдашнему оптимизму кажется, сдался.

Ее нет среди погибших. Нет среди погибших. Нет... повторял каждый в мыслях, как заклинание. Ни о чем другом думать они не могли.

Мысли Кириана отличались ненамного. Но скоро и эта мантра перестала помогать. И наконец, он не выдержал... Последние несколько дней его не было видно ни на тренировках, ни на занятиях. Он пропал неизвестно где и заработал несколько устных взысканий подряд. Но это его не заботило. Льен нашел его в конюшне, проверяющим упряжь своего коня.

— Далеко собрался?

Кириан вздрогнул от неожиданности, но не прекратил перебирать упряжь.

— В Орден... для начала.

— Они не станут... с тобой разговаривать, — покачал Льен головой. — И Академия. Вылетишь за самовольный отъезд, помнишь? — Он и сам понимал, насколько неубедительны для собеседника его доводы.

— Значит, вылечу, — спокойно ответил Кириан. — Тебе придется самому пока вести тренировки. Прости.

— А что отец скажет?

— Плевать.

— Когда уезжаешь? — Льен не пытался его отговорить. Бесплезно. Да и... а вдруг?

— Завтра на рассвете, — Кириан наконец повернулся. — ее, а если... — он осекся и замолчал на какое-то время. — он убежденно.

Если она жива, я найду Я найду ее! — повторил

Эта ночь тоже прошла без сна. Мыслей было даже слишком много, но ни одна из них не смогла поколебать твердого решения ехать туда, на границу, и, если понадобится... он переберет проклятые пустоши по камешку, но найдет ее. Живой или мертвой.

Кириан записал последние слова в дневник и замер, осмысливая их. Потом чуть криво ухмыльнулся, поставил точку и подождал, пока высохнут чернила. В открытое окно робко вползал серый рассвет, где-то внизу в зарослях запела первая утренняя птица. Пора.

Вот и все. Решение принято. Сегодня его тут уже не будет. Он подошел к окну, облокотился о подоконник и в последний раз обвел взглядом двор, мысленно прощаясь с местом, где столько всего случилось. Ее дерево... Сколько раз он искал ее глазами в листве и не нахо...

Святая Эйро!

Иллис, растрепанная, осунувшаяся и все равно невозможно красивая сидела в развилке. Резные листья качались, образуя вокруг нее зеленую рамку, словно подчеркивая живость картины.

Кириан отступил от окна и спешно прислонился к стене, чувствуя, что его не держат ноги. Это было очень похоже на сон, один из тех, что он видел последнее время постоянно. Еще одного пробуждения ему просто не пережить... это бред... Хеллес! Он сходит с ума.

Нет, ему не показалось! Голос! Живой, ни с чем не сравнимый. Ее голос! Она вернулась!!! Он не помня себя кинулся к раскрытому окну. Если он сейчас же, сию секунду, не увидит ее, не убедится в том, что это все действительно ему не привиделось, он точно потеряет рассудок!

Глава 5

Иллис поправила сползающую повязку. Рука еще очень плохо слушалась и болела, хотя сломанная ключица благополучно срослась. Она вышла из экипажа перед воротами академии и долго стояла, глядя, как пылают черепичные крыши в солнечных лучах. Дома. Она дома...

О том, чтобы перемахнуть через стену, как бывало, сейчас можно и не мечтать. А вот дерево... такое родное и до последней удобной веточки знакомое... все равно тяжело. Одна рука. Одна нога. И совсем нет головы — грустно констатировала девушка, кое-как устраиваясь в знакомой развилке. Ну и что!!! Это мелочи, главное — ОНА ВЕРНУЛАСЬ!!!

И сразу стало легко дышать, а движения всего на миг, но обрели былую легкость. Вот оно, родное окошко, и, как всегда, открыто.

И соседнее...

Иллис старалась изо всех сил, просто из последних, но... она не могла не посмотреть. Конечно, в окне никого не было. Спит еще. Все спят.

Подоконник комнаты парней был теплым и таким надежным. Особенно когда у тебя трясутся даже здоровые рука и нога. Не говоря уже о раненых. Иллис обвела комнату глазами.

Ничего не изменилось. Ее ширма так и стоит в дальнем углу, на полу возле кровати Маиса валяется один ботинок. Как всегда. Куда он второй, интересно, деваает? Еще ни разу не нашелся рядом... Словно ничего и не было... ни боли, ни страха, ни смерти... ничего-го.

А на столе цветы и... ее портрет Горло перехватило от нежности. Иллис откинулась на стену и на секунду прикрыла глаза. А когда открыла, наткнулась на ошеломленный взгляд Габриэля.

Вздохмаченный со сна и совершенно не соображающий, на каком он свете, парень тарачился на нее, приподняв голову с подушки. Вот моргнул несколько раз и протер ставшие огромными глаза.

— Тс-с-с-с! — Иллис, все так же улыбаясь, прижала палец к губам. — Еще совсем рано.

Гай продолжал хлопать на нее длинными ресницами, потом еще раз протер глаза — у Маиса, что ли, уроки брал? А через пять секунд заорал что-то невразумительное и соскочил с кровати, путаясь в одеяле.

— Гай, какого торк...! О, Хеллес! — взгляд Норриана переместился от Габриэля, который умудрился сбить по пути стул и чуть не стянул скатерть, на окно. — Иллис... не может быть! — почти прошептал он.

Льен почти одновременно с ним резко сел на кровати и прикусил губу, слоено стараясь скрыть нахлынувшие чувства.

— Ну слава Хеллес. Я знал... — тоже негромко проговорил он.

Еще несколько секунд они остолбенело молчали. Не верили. Не смели. А потом вдруг завопили разом. Все, даже Норриан, даже Льен. Они обступили ее, пытались прикоснуться, убедиться лишней раз... Они чуть не задушили ее в объятиях.

— Эй, уроните! — смеялась Иллис, цепляясь здоровой рукой то за подоконник, то за кого-то из мальчишек. Она смеялась, а лицо было мокрым.

И в ту же секунду она стала прежней. Ушли в небытие все страхи и боль, забылись. Как не было. Осталась только радость и невероятная, какая-то щемящая нежность к ним, таким родным. Близким.

Правда, обнимали и сияли радостью только трое.

Наконец первый шквал объятий стих. Парни тайком вытерли глаза.

— Нет, вы только посмотрите на него! — Норр указал на нечто, отдаленно напоминающее гусеницу. С подушкой вместо головы. Известный соня, Майс не желал просыпаться даже сейчас, после всех криков, воплей, смеха и грохота упавших стульев.

Иллис мягко высвободилась из обнимающих рук, соскользнула с подоконника и села на край его постели. Мальчишки столпились вокруг, украдкой вытирая глаза, но уже сияя радостным интересом. Сейчас будет ве-е-е-есело.

Девушка им подмигнула, хихикнула и потянула на себя сразу и подушку, и край одеяла.

— Просыпайся, соня! — она наклонилась и пощекотала торчащий наружу кусочек пятки.

Майс отдернул пятку и что-то пробурчал в подушку.

— Ну дай поспать немножко... еще пять минуточек... не сейчас, Илль... — выдал он через минуту настойчивой щекотки и попытался закуклиться в одеяло поплотнее.

И вдруг до него дошло.

— Иллис?!?! — он буквально взвился на кровати, хлопая заспанными глазами и создавая ресницами ветер. Точно они с Габриэлем близнецы-братья...

Иллис засмеялась, опрокидывая его обратно на подушку. — Привет, соня! Ты не меняешься!

Майс покорно откинулся на спину, но почти сразу же вскочил обратно.

— Иллис, это ты... мы уже не верили... Илль!!! — Майс улыбался и плакал одновременно, даже не скрывая этого. Он ни на минуту не отрывал от нее взгляда. И кажется, впервые пожалел о своей привычке долго спать по утрам.

— Ну я, я! — Иллис сама потянулась к нему, обнимая здоровой рукой, запуская пальцы в и без того разлохмаченные белокурые локоны. — Я вернулась. Я вернулась...

Сейчас ей даже не хотелось вспоминать, чего стоило это возвращение.

Два месяца... Два месяца на грани между жизнью и смертью. В старом, забытом богами домишке за каменной кручей. В компании полусумасшедшего старого отшельника.

Каким чудом этот реликт предыдущей эпохи вообще выжил там, куда пришли кархи? Зачем, а главное, как он умудрился стащить уже бесчувственное тело с башни и унести к себе в горы? Он ей не ответил. Хотя Иллис спрашивала каждый день с того момента, как пришла в себя.

Он был очень добрый, этот сухонький старичок со слишком светлыми глазами. И очень странный... Иллис так и не поняла, что он с ней сделал и как умудрился вытащить с того света. С такими ранами не живут. Страшные узловатые шрамы мало того, что отвратительно выглядели, еще и болели. Очень болели.

И все же она выжила. Выжила! Чтобы вернуться.

Ей пришлось многому учиться заново. Говорить. Есть самостоятельно. Ходить! Все было больно. И несколько раз она срывалась, рыдала и проклинала отшельника за то, что тот не дал ей просто спокойно умереть. Старичок не обижался, только гладил ее по аккуратно расчесанным им же волосам и приносил очередное снадобье. Из каких-то местных сколопендр, не иначе, потому что на вкус — мерзее не придумаешь!

Она успокаивалась и с прежним упорством училась жить заново.

Не больно было только во сне. Но и тут не было покоя. Иллис все время снилась дорога, по которой нужно идти. И туман. Серый такой, холодный. А там, над дорогой, еще высоко, было солнышко и синее небо, и девушка знала — там будет тепло и спокойно. Она уже совсем почти ушла, но кто-то звал ее из тумана. Звал, и этот голос, такой знакомый и в то же время неузнанный, тревожил и не давал сдвинуться с места.

Первое время она вообще ничего не помнила, даже собственного имени. Постепенно воспоминания вернулись, но с ними пришла и тревога. То, что барьер получилось вернуть, она знала. Может, помнила, может, чувствовала. Неважно. Она не знала главного — выжили ли те, кто шел за ней? Смогли ли они вернуться? А еще... ждут ли ее там... там, где солнечные лучики на рассвете прыгают по черепичным крышам наперегонки и большое дерево трется ветками о подоконник.

Она ушла, как только смогла самостоятельно передвигаться.

Ей повезло. Опять. Поисковый отряд рейнджеров наткнулся на потерявшую сознание девочку в изодранной орденской форме совершенно случайно. Ну вот умудрилась она окончательно потерять сознание в двух милях от пограничной тропы. Да еще в самых густых зарослях. Если бы не ручной свирок младшего рейнджера...

Кажется, она была последней, эта поисковая партия. А Иллис была последней, кого нашли в пустошах.

Ее привезли в замок Радриар под утро, когда утомленные ночной сменой целители уже не вглядываются в лица больных. И только на следующий день, опять совершенно случайно, тяжело раненная пациентка в отдельной палате попала на глаза другой, выздоравливающей.

Уже потом Анелла, совершенно не наигранно держась за сердце, вспоминала, что чуть не отдала душу Хеллес прямо там, у больничной кровати, на которой лежала не просто надежда Амонтильера, но и ее маленькая девочка, которую сама с трудом выжившая мастер Ордена уже успела оплакать.

Глава 6

С момента, как Кириан увидел в развилке дерева Иллис, а потом услышал бурную радость парней за стеной, прошло, кажется, несколько жизней. Он даже не понял, в какой момент шум и ликование переместились вниз, во двор. Стоял, как окаменевший, в протенке у окна и не мог даже пошевелиться. Дышать не мог!

Но все же наконец кое-как справившись с оцепенением, Князь выскочил из комнаты и бросился вниз по лестнице. Он уже почти выбежал во двор. И тут мысль... как подлый удар, неожиданный, от которого перехватывает дыхание. Она вернулась! Но при чем здесь ты?!

Он замер в холле у двери, встав так, что со двора его не было видно, и остановившимся взглядом следил за тем, как Норриан подхватил Иллис на руки и кружит по двору, а она смеется и прижимается к нему. Как целует... нет, нет! Это был не тот поцелуй, не тот, что перевернул его жизнь там, в полутемном коридоре!

Но...

При чем здесь ты, Кириан? С чего ты взял, что она изменила свое отношение к тебе? Индюк в курятнике, белобрысый гад... напыщенный осел. Скотина, которую она убьет, если он еще раз посмеет к ней приблизиться. Не умеющий любить обманщик. Вот кто ты для нее. Был и будешь.

День померк, даже радость, что она жива, что вернулась, уже не несла его на крыльях. Она вернулась не к тебе, Князь. Она улыбается другим, целует других... смотрит куда угодно, только не в твою сторону. А ты... как и раньше, будешь наблюдать за недоступным тебе счастьем в замочную скважину, словно вор. Потому что оно не для тебя. ОНА не для тебя.

Воздух вдруг стал таким густым и обжигающим, что его невозможно было ни вдохнуть, ни выдохнуть. Он думал, что ему было больно раньше? Ерунда! До этого момента он и понятия не имел, что такое настоящая боль!

Вздрагивая, он отступил назад в полумрак коридора. Зеркало, висевшее на стене, отразило потерянного, несчастного человека. Кириан знал, чего хочется этому человеку — побежать к ней, схватить в охапку, зарыться лицом в ее волосы, разрыдаться, наконец.

— Ты жалок, — сказал себе Князь, намеренно растягивая гласные.

И как всегда, когда ему было особенно плохо, привычная броня с лязгом вернулась на свое место.

Через минуту у парадного входа стоял Князь. Такой, каким его не видели уже очень давно. Спокойный как камень, холодный, надменный. Презрительный прищур и знаменитая Княжеская кривая полуулыбочка.

Конечно, он не нашел сил уйти совсем — выбрался из холла на крыльцо, но так и не подошел к компании парней, что окружали девушку. Сделал вид, что у него свои дела и вообще... ах, вернулась? Ну поздравляю.

И вдруг в какой-то момент он понял, что Иллис его заметила. И...

Она смотрела в упор, не отводя глаз. Долго. Целую минуту.

«Вот и ты... Здравствуй. Все тот же. Я скучала... даже по этим твоим противным рожам. Но тебе же это не нужно...»

У Кириана все оборвалось внутри, когда Иллис с чуть заметным вздохом взяла и отвернулась от него. Словно от пустого места. Значит, он не ошибся. Значит... он по-прежнему для нее никто.

Стало так невыносимо, что Кириан на секунду упустил контроль и эта боль отразилась на лице, но, к счастью, никто не заметил. Кроме Льена. А тот только вздохнул и не стал влезать.

Иллис тоже вдруг почувствовала, как поблекла ее непосредственная радость от возвращения. Не то чтобы совсем, но... как-то разом навалилась усталость, и шрамы разнылись с новой силой. Она ушла со двора, так ни разу и не обернувшись. Просто ушла, изо всех сил стараясь не хромать и вцепившись в чью-то руку. Она не видела чью. Вообще ничего вокруг не видела.

Там, в башне, и все время потом она мечтала хотя бы раз еще заглянуть в эти глаза. И вот мечта сбылась. Но глаза такие же холодные и пустые. Как всегда. Почему она решила, что что-то изменилось?

Кириан в это время почти бежал. За ворота, по дороге, куда-нибудь! Туда, где хотя бы возможно будет дышать и не умирать оттого, что она отвернулась... не к нему.

Следующие несколько дней парни почти не отходили от Иллис. Они с большим неудовольствием подпускали к ней всех тех, кто тоже был рад ее видеть. Они не давали ей поднять ничего тяжелее ложки. Даже тарелку. Они готовы были вообще носить ее на руках круглыми сутками, если бы она не взбунтовалась.

Они демонстративно закрыли окно на защелку, словно девушка собиралась выпрыгнуть из него и скакать по деревьям прямо сейчас. Она улыбалась через силу, отбиваясь от этой выходящей за любые разумные пределы заботы.

И даже все вместе они не могли переломить ее упрямого намерения как можно быстрее вернуть форму. Поэтому вынуждены были смириться с ее тренировками.

Но особо на фоне остальных выделялся Майс.

Он не сводил с Иллис глаз, словно опасался, что отвернись он — и она снова исчезнет. Майс первым оказывался рядом, когда ей было что-то нужно, любая мелочь, любой пустяк. Таскал ей цветы и шоколадки в каких-то совершенно непомерных количествах, что-то рассказывал. Только чтобы увидеть, как она снова улыбается. А улыбалась она теперь не часто. И норовила остаться одна.

Кириана же и вовсе избегала. Стоило ему появиться, как она сразу же замолкала, отворачивалась, а то и просто уходила.

К тому же в связи с ранением Иллис освободили от обязательного посещения занятий, и она работала с преподавателями по индивидуальной программе. Князь так и не дождался возвращения своей соседки по парте.

Кириан страдал. Каждый день. Каждый час и каждую минуту. Еще хуже, чем до ее отъезда. Гораздо хуже. Он старательно делал вид, что не видит ее. Но он больше не мог ее не видеть. Хотя, что за чушь! Он всегда видел только ее, причем везде и сразу!

Он стал на редкость туп и раздражителен. И почти совсем забросил занятия.

— Эй, Князь, тебя не было на философии. Ворон без тебя тоскует, два раза спрашивал.

— Паршиво выглядишь, приятель. Может быть, тебе в лазарет?

— Курсант ди Кейрош, я вас не узнаю. Этот простейший постулат мы изучали еще на

втором курсе! Вы что, плохо спали сегодня?

Плохо спал? Он вообще почти не спит. И нет, он не пойдет в лазарет. А не пошли бы вы все вместе!!!

Такие разговоры повторялись все чаще, потом пришло сердитое письмо от отца, на которое Кириан даже попытался что-то ответить...

«Здравствуй, отец!

Почему ты беспокоишься обо мне? Уверю тебя, у меня все в полном порядке. Я здоров и отлично себя чувствую. Я немного отстал по программе, из-за этой кутерьмы на границе занятия шли не регулярно. Но я непременно нагону, можешь не сомневаться.

Отец, мне плохо! Мне очень, очень, очень плохо! Мне так нужно поговорить с кем-то. Еще немного — и я не выдержу, сойду с ума. Помогите мне, ведь я же твой сын!»

Лист дорогой белой бумаги, покрытый ровными строчками, смялся в кулаке и посыпался на подоконник в коридоре неровными клочками, после того как Кириан его разорвал. И вздрогнул, услышав за спиной неожиданный голос:

— Сдается мне, рвать письма — не самый лучший способ довести их до адресата. Не хочешь рассказать, что с тобой происходит?

Кириан резко обернулся и сжал губы.

— Проваливай, ра Сайеш. То есть... не до тебя. Извини.

— Понятно. Ладно. Тогда вот что я тебе скажу...

— Ты думаешь, мне это интересно? — перебил Кириан и из последних сил отвернулся, изображая равнодушие.

— Думаю, да, — Льен словно насквозь просветил Князя взглядом. — Но возможно, я ошибаюсь. Тогда... вернешь магографию? Она же у тебя с собой?

Ответить на это было нечего. Они помолчали...

— Я так и думал. Захочешь поговорить — всегда к твоим услугам.

И он ушел. А Кириан запоздало дернулся. Поговорить с Льеном... Он не высмеет, возможно даже поймет. Но Кейроши не показывают свою слабость никому. Тем более врагам, пусть даже и бывшим. Интересно, с каких это пор он перестал считать Льена врагом?

Может быть, Льен смог бы выслушать... надежды на подсказку Кириан не питал, но хотя бы выслушать ведь мог бы? Только ему великолепный Князь смог бы признаться, что чувствует себя раздавленным ничтожеством. Только ему он сказал бы вслух то, чего даже себе в мыслях сказать не может.

Она ведь не поверила ему, и была в чем-то права. И сейчас, после ее возвращения... он просто не смел навязываться. Это невыносимо, невыносимо! Но бледная и ослабевшая после ранений девушка не заслуживала того, чтобы к ней приставал неприятный ей человек.

Глава 7

А его собственные неприятности тем временем набирали силу...

Когда Кириан все же соизволил появиться на занятиях, каша в голове не дала ему хоть сколько-то поправить положение с учебой. Кончилось это закономерно.

— Любому терпению приходит конец! — мастер Грегориан воинственно встопорщил усы. — Ваши прежние заслуги не дают вам права так бесцеремонно игнорировать правила академии! До выпуска четыре месяца, о чем вы только думаете?! Я закрывал глаза на

ваше разгильдяйство, пока ему было хоть какое-то оправдание. Но сейчас ничего не мешает вам взять себя, наконец, в руки и вести себя по-мужски! Вы решили получить недопуск к экзаменам по моему предмету? Нет, не выйдет. Если вы не в состоянии сами этого понять, Кириан, я вам помогу. Проверенным методом. Строгое взыскание. Явитесь в комнату для наказаний сегодня же вечером.

Большого позора нельзя было себе представить. Его отчитали при всем классе, как неумеху-первогодка, который ленится учить уроки. И она тоже это слышала... вот как назло!

Она же не посещала уроки, но именно сегодня у нее была назначена консультация и какой-то там письменный зачет. Иллис не сидела за партой как обычно на занятии, а устроилась в самом заднем ряду и тихо, сосредоточенно писала что-то в толстой тетради.

Темпераментный выговор мэтра Грегориана, казалось, прошел мимо ее внимания, даже не заставил ее поднять голову от работы, но сомнения не было — она все слышала!

Всего на секунду ее взгляд оторвался от ровных строчек и встретился с потемневшими серыми глазами. Но Иллис тут же опять уставилась в тетрадь, сделав вид, что ничего не было.

Кириан сел на свое место, больше всего желая провалиться сквозь него. Весь класс откровенно пялился ему в спину, и только она больше не смотрела — он это чувствовал, и все равно... все равно...

Его высекут как мальчишку... а она, конечно же, не пожалеет для бедного-несчастливого провинившегося еще одной баночки мази! Ведь большего он в ее глазах не достоин! Кириан еле дождался окончания урока, чтобы вместо обеда уйти в парк. Не видеть никого... Но ему не повезло и тут. Он неожиданно столкнулся с человеком, с которым хотел бы сейчас встретиться меньше всего: у входа в корпус стоял лорд Эса ди Кейрош. И он был крайне недоволен.

Окинув Кириана холодным взглядом с головы до ног, он даже не удосужился ему кивнуть.

— На кого ты похож! — ледяное презрение вместо приветствия не было чем-то совсем уж необычным, но Кириан все равно зябко поежился, подавляя желание обхватить себя руками за плечи.

— Я приехал к вашему ректору по делам правительства. И, судя по тому, что я тут уже услышал, мастер Грарард вводил меня в заблуждение, уверяя, что ты первый ученик Рандара. Похоже, он просто скрывал от меня, что мой сын лентяй и тупица!

Он выдержал паузу, словно ожидая, что сын начнет оправдываться. Но Кириан отлично знал, что отец ненавидит оправдания, и поэтому промолчал.

— Как ты смеешь позорить имя Эса ди Кейрош?! Ты перестал учиться, вызывая себя вешать... Уж не влюбился ли ты? — взгляд отца пригвоздил Кириана к стенке.

— Отвечай! Опять всему виной та девчонка?

— Я... нет... — Кириан отступил на шаг, замирая от страха, который внушал ему отец.

— Не лги мне, мальчик! — голос отца был обманчиво спокоен, но Кириан внутренне заглодел от скрытой в нем угрозы. — Я не против того, чтобы ты развлекался с девицами. Но это не должно выходить за рамки развлечения. Тем более если девчонка без роду без племени. Ты понимаешь, о чем я? — он выдержал многозначительную паузу. — Запомни это хорошенько, Кириан...

Он смотрел на сына так, как и все эти годы, — леденящим тяжелым взглядом, от которого Кир до сих пор цепенел, как и в раннем детстве.

— И уж тем более твои увлечения не должны мешать учебе, — лорд Валериан еще добавил стужи в голос. — Позор, МОЙ СЫН на последнем курсе получает взыскание! За что? За невыученные уроки. Ну так иди и получи, что заслужено. Видимо, я зря считал тебя взрослым. Будь моя воля, приказал бы высесть тебя вдвое строже, — припечатал он

в заключение. — Иди. У меня не будет времени увидеться с тобой после... твоих процедур. Напишешь мне не позднее завтрашнего дня. Что ты сделал для того, чтобы исправиться.

Бессильный гнев на отца, позор предстоящего наказания, безнадежная любовь к Иллис, которая никуда не девалась, — Князь не мог бы сказать, что для него хуже.

Вечером, когда все закончилось, он уныло поплелся к себе в комнату, больше всего боясь обнаружить на подоконнике баночку, такую же, как в прошлый раз. Банки не было. Всю ночь Кириан проворочался с боку на бок, то и дело просыпаясь и проверяя окно со страхом и... надеждой? Окно оставалось пустым. И это вызывало непонятное, нелогичное разочарование. Значит, ей нет никакого дела до него, совершенно никакого...

Утром Князь чувствовал себя совершенно разбитым. Он лежал на кровати и боялся глубоко дышать, потому что каждый новый вздох отзывался болью в груди. От невыплаканных слез болела голова и глаза жгло под веками. Он старался не думать ни о чем. Он не мог думать без того, чтобы не начать думать о ней.

Он едва заставил себя подняться с кровати ближе к полудню.

Был выходной, и почти все старшекурсники уехали в город. Кириан никуда не поехал, хотя ему бы как раз не помешало развлечься. Он знал: все равно не сможет. Будет искать ее по всему городу. И если, не дай Хеллес, найдет, снова наговорит ей жестоких грубостей, которые ее совсем не заденут, но от которых ему же самому станет плохо.

«Лучше бы ты не уезжала, Иллис. Тогда я мог хотя бы ненавидеть тебя, если любить мне не хватает смелости».

Он бездумно открыл дневник и вчитался в одну из последних записей.

«Хорошо, что на старшем курсе есть возможность побыть одному. Тогда я могу смотреть на твою магографию. (Льен простит за неблагодарность, вот он как раз понимает..) В такие моменты я могу любить тебя. Как трус, тайком. Так, чтобы никто и никогда не узнал об этой моей слабости. Ведь Кейроши не бывают слабыми. И знаешь, что еще хорошо? Мне сейчас не надо следить за своим лицом. Не надо притворяться, не надо лгать. Я так устал от этого...

Сейчас я даже могу позволить себе помечтать. Что, может быть, однажды ты все узнаешь, поймешь меня, и тогда... Я не могу, просто не могу все время думать, что надежды нет. А ведь ее нет... И я сам в этом виноват».

Кириану вдруг стало тошно в комнате. Он вскочил и стремительно выбежал за дверь, промчался, прыгая через три ступеньки, по лестнице, в холл, на крыльцо и дальше, в парк. К павильону преподавателей — он знал, что Иллис часто бывает именно там, в галерее возле купален.

Ему надо было ее увидеть. Срочно. Пусть тайно, пусть от этого будет больно. Но он хотя бы поймет, что он еще жив.

Пусть она опять отвернется, пусть даже не посмотрит в его сторону. Просто... он не видел ее так давно, со вчерашнего дня! Только бы она не уехала в город!

Не успел он подумать об этом, как услышал голос, который не спутал бы ни с каким другим. И неожиданно понял, что готов. Готов сейчас прокричать на весь Рандар, что он любит ее. Снять с сердца этот камень. И будь что будет!

И тут же услышал другой голос. Мужской...

— Ты как маленькая. Так и знай, я буду носить тебя на руках всю жизнь...

Глава 8

Иллис в город не поехала. У нее были заботы поважнее. Странно, но время слоено

сделало круг и вернулось в ту же точку — снова, чтобы отвлечься от мыслей о Кириане, девушка загоняла себя до полусмерти изнурительными тренировками. Правда, сейчас был и другой повод — надо восстанавливаться после ранения, а если не работать — былой формы не видать, как собственных ушей без зеркала.

Вчера она промаялась весь вечер. Ну не могла она совсем на него не смотреть, хотя и делала это украдкой. А посмотрев, не могла не видеть, в каком Князь состоянии. И просидела за ширмой всю ночь, как дура, сжимая в руках ту самую злополучную банку с мазью. Нельзя нести ему сейчас — нельзя! — убеждала она себя. Он решит, что его хотят еще сильнее унижить. Дурак...

С утра, невыспавшаяся и вздрюченная, сама себя за шиворот потащила на тренировку. Конечно, все ее нынешние упражнения ни в какое сравнение не шли даже с самым легким разминочным комплексом здоровых воспитанниц Ордена, но ей хватало и тех облегченных специальных движений, что прописали лекари. Все равно было больно, все равно усталость наваливалась непереносимым грузом и гнула к земле.

Когда она заканчивала малый лечебно-растяжечный комплекс, пришел Майс. Эти умники теперь всегда появлялись как из-под земли роено в нужный момент, чтобы не дать ей свалиться на землю.

Майс, не слушая возражений, подхватил Иллис на руки и легко понес в сторону купален. На сегодня тренировка закончена. Хватит, и так она уже полумертвая от усталости, и по глазам видно — плечо опять болит. Сильно.

— Ты как маленькая, — немного сердито и в то же время с прорывающейся нежностью ворчал он, прижимая девушку к себе покрепче. — Будешь и дальше над собой измываться — так и знай, я буду носить тебя на руках всю жизнь... — Он хотел добавить: «Как маленькую непослушную девчонку!» — но не успел.

Сердце Князя, услышавшего именно эту незаконченную фразу, еще минуту назад бившееся, как птица в силках, вдруг замерло, оставив вместо себя пустоту.

Этот мерзавец нес ее на руках, прижимался к ней, и он, возможно... Кириан задохнулся. Мысль о том, что проклятый ди Реар может быть ей больше чем другом, разодрала его изнутри. И он вдруг понял, что больше, чем кого-либо другого, ненавидит этого смазливового (слишком смазливового, торк его дери) гаденыша.

Он все это время отступал назад, пока тень от колонны не скрыла его. Он ведь уже полгода скрывается в тени, следя за этой девчонкой, глупо сейчас что-то менять... и все же не выдержал, услышав последние слова, которые этот проклятый ангелочек посмел сказать Иллис. И Князь шагнул навстречу парочке, возникая из тени как бледный призрак самого себя.

— Твои щенки не теряют времени даром... — Кириан говорил зло, не глядя на девушку и всю свою ревность и ненависть вкладывая в направленный на Маиса взгляд. — Они все у тебя ездовые или только этот? Может, одолжишь одного, покататься?

Иллис вздрогнула, отпустив плечи Маиса. Ей вдруг стало ужасно неловко, что Кириан видел, как ее несли на руках. Он ведь может подумать... может подумать... что?

Майс же аккуратно поставил ее на пол и профессионально оттер плечом. Закрыл от Князя, не позволяя тому даже приблизиться.

— Тебе чего нейметя, убогий?

«Давай, куколка-Майсик! — бешеный восторг и предвкушение драки затопили Кириана разом. — Давай! Еще немного... еще пара фраз — и у меня будет повод разбить твою прелестную мордашку!»

Он смерил противника высокомерным взглядом.

— Смотрите-ка, оно еще и тявкать умеет... Кто ты такой, чтобы я с тобой вообще разговаривал?

Майс вдруг как-то незнакомо, очень зло и по-взрослому усмехнулся, шагнув к нему

поближе, и вполголоса, так, чтобы Иллис не услышала, четко произнес противнику прямо в лицо:

— Твой соперник! Счастливый. Возвращайся в свой курятник, Кейрош, и не мечтай о большем. Она не для тебя!

От этой фразы, которую он уже столько раз сказал себе сам, где-то в голове раздался взрыв. Ярость хлестнула по нервам, обжигая кипятком. Зарывав, Кириан сгреб Маиса за грудки и правой въехал ему в скулу. Удар получился таким сильным, что они оба не удержались на ногах и покатались по полу.

Кейрош уворачивался, бил и уворачивался снова. Остервенело, яростно. Вот он занес руку для очередного удара по хорошенькой ненавистой физиономии, но в этот момент Маис извернулся и ударил сам. Вкус крови во рту только усилил бешеный гнев напополам с радостью. Наконец-то можно было выплеснуться в этой безумной схватке, выдавить из себя все сомнения, все сожаления, весь свой страх.

Иллис застыла на месте. Вот когда она сполна прочувствовала, что такое — потерять форму. Даже не смогла среагировать вовремя. А теперь у ее ног ворочался злобно рычащий клубок, грозящий смести все на своем пути. Невольно она отступила на шаг, но тут же опомнилась:

— Нет!!! Хватит! Прекратите!

Конечно, ее никто не слышал. Никто, кроме Норра, который повсюду разыскивал их с Маисом, слишком уж задержавшихся после тренировки. Услышав ее крик, он быстрее молнии взлетел по лестнице и, оценив обстановку, подскочил к дерущимся.

— О Хеллес... — простонала девушка, вглядываясь в переплетение катающихся по полу тел и ловя момент. — Норриан, они взбесились! Давай вместе, что ли... Одна не справлюсь.

Они с Норром начали действовать синхронно. Р-р-раз!!! Занесенную для очередного удара руку вывернуло под невероятным углом. Ее собственное потревоженное плечо при этом ответило такой болью, что на миг потемнело в глазах. Второй боец в тот же момент был схвачен Норрианом.

— Рехнулись?! — яростно сверкнула глазами девушка, отпуская Князя, который раздраженно выдернул у нее свою руку и отступил на шаг. — Какого... — она вдруг встретила с ним взглядом и осеклась, — ты на людей кидаешься?

Кириан не ответил. Какое-то время он сверлил ее непонятым взглядом, потом резко отвернулся и скрестился взглядами с Маисом.

Тот стоял неподалеку, удерживаемый на месте ручищами Норра, тяжело дышал, но в бой больше не рвался. Разбитые губы кривились в торжествующей ухмылке, понятной только им двоим. Маис знал, кто на самом деле вышел победителем в схватке. И он был прав, торк его побери! Он попал 8 цель, 8 десятку, туда, где больше всего! И не имело никакого значения, что досталось Маису больше. Какая разница, если он его, Князя, уничтожил? Одним точным выверенным ударом. Заставив окончательно поверить...

Иллис невольно только подтвердила это, проследив за взглядом Кейроша и испуганно охнув:

— Майсй... — тот и правда выглядел живописно. Скула разбита, губы разбиты, бровь... тоже разбита. Глаз уже начал заплывать.

Бойтся за него... Ну конечно...

— Норр... — беспомощно попросила Иллис, обнимая себя за плечи руками и невольно растирая сведенные мышцы плеча. — Отведи его в комнату, пожалуйста...

— А ты?

— Я догоню. Со мной хорошо все, честно! Какое-то время Норр колебался.

— Ладно, — наконец мрачно отозвался он. — Не задерживайся. Если через пятнадцать минут ты не придешь, я вернусь за тобой. — И, кинув на Князя тяжелый предупреждающий взгляд, приобнял Маиса за плечи. — Пошли, вояка...

Зачем и почему она осталась в пустом коридоре, один на один с Кирианом, Иллис и сама не могла объяснить. Возможно, хотела что-то сказать... что-то важное. Уже открыла рот...

Глава 9

Кириан прислонился к стене и машинально вытер кровь, бегущую из разбитой брови. В груди все рвалось и звенело от непонятных чувств — вот она, близко, руку протяни... ну так скажи ей! Объясни! Убеди!

Она такая бледная... теперь, вблизи, Князь вдруг с ужасом разглядел то, чего не видел раньше за пеленой собственных чувств и метаний. А еще потому, что его не подпускали близко.

Горькая складка между тонкими бровями, резко обозначившиеся скулы, поблекшее золото глаз. Эта девочка... уже не была прежним огнем, она словно остыла и подернулась пеплом. Неужели...

Вся его решимость опять пошла волнами и трещинами — он не знал, то ли кинуться и обнять, укрыть от всего мира, то ли исчезнуть к торку и не сметь тревожить и без того измученное солнышко...

И эти несколько секунд, пока Кириан не мог решить, что ему делать, неожиданно оказались роковыми. Все так неудачно сложилось. Иллис подошла на несколько шагов ближе, и дневной свет, лившийся между колоннами галереи, скользнул по ее лицу частой сменой бликов, заставив встревоженно дернуться. Именно в этот момент Кириан неудачно мотнул головой, потому что кровь из чертовой брови снова стала заливать глаз. Алые брызги сверкнули в хороводе пылинок, попав в узкий луч света, и упали на гладкий камень у ног девушки, мгновенно расплескиваясь яркими вездочками.

Иллис вдруг встала как вкопанная и побледнела так резко, что темные круги под глазами стали пугающе глубокими. Она прижала ладонь к горлу и стала медленно отступать, глядя на эти маленькие темные крапинки на белом мраморе.

Сердце дрогнуло еще за секунду до того, как он увидел ее лицо. И стены вокруг начали сжиматься, сдавливая голову, стискивая пониманием, что сделано что-то непоправимое. Им сделано.

— Илль... Иллис?! — испугался Кириан. — Иллис, я... что?!

Он замер, не договорив, а потом дернулся к ней, чтобы подхватить, потому что ему показалось, что девушка сейчас упадет

Иллис смотрела сквозь него пустыми глазами. Золотистый огонек подернулся пеплом. Серым, мертвым. Пепельными стали губы, лицо, даже волосы, кажется, потеряли солнечную искорку.

Она больше не видела его. Исчез коридор, вместо мраморных плит под ногами жадно чавкнула напившаяся крови земля.

— Ну что, принцесска, и тут на особом положении? — Марили нарочно вспомнила ее детское прозвище, которое сама и придумала. Прошла мимо, задев ее плечом. Но сейчас ее выпад не достиг цели. Когда точно знаешь, что не вернешься, злость теряет смысл. Как и все остальное.

Потом она стояла перед строем, рядом с Анеллой, отдававшей последние приказы. Точнее, один приказ. Доставить Иллис к башне. Любой ценой. И опускала глаза вниз, не смея посмотреть на подруг, чувствуя, что виновата перед ними. Хотя какая ее вина!

А потом стало вообще ни до чего. Впереди маячил черный силуэт башни — их цель. Вроде бы недалеко, рукой подать. Если бы не огромные волны атакующих тварей. Их

ждали. И она в этой игре ценный приз...

Если есть ад на земле, то это был он. Гоохот, визг, рев. И они падают. Падают, падают бесконечно, одна за другой, закрывая ее своими телами, прокладывая дорогу, каждый дюйм которой пропитался их кровью и потерянными жизнями...

Дойти... успеть... дойти... чтобы они все не зря...

Дойти.

И темные капли, падающие на белый выщербленный камень полуразрушенной лестницы, ведущей к алтарю на вершине башни. Медленное «кап-кап-кап»...

Как слепая, Иллис шагнула мимо пытавшегося подхватить ее Кириана. Тело двигалось само, без участия разума. Прошлое поглотило его без остатка.

Это было страшно. Видеть, как она, такая горячая, живая, превратилась за какой-то миг в безвольную куклу. Но почему?! Что он сделал?! Он же не хотел!

Кириан опять рванул за ней, подталкиваемый в спину одной только мыслью — не дать уйти, не отпустить! Схватил за плечи, встряхнул. Торк возьми, что с тобой? Не молчи!

— Твою мать, Кейрош! — обычно Льен не позволял себе ругательств, и уже одно это сейчас говорило о многом. Он вырос словно из-под земли, и в глазах его была не просто озабоченность — настоящая тревога. — Что слу... — он еще раз всмотрелся: — Что ты натворил?!

— Не твое дело, Сайеш! — огрызнулся Кириан, пряча за злостью свое отчаяние, непонимание, растерянность и страх. — Мне надо...

Он хотел сказать «отвести ее к лекарю», но не успел. Перепуганный состоянием девушки Льен тоже потерял самообладание:

— Когда кто-то причиняет вред Иллис, это мое дело. МОЕ, уяснил?! Что ты ей сказал? Что вообще произошло?!

Кириан не знал, не понимал, что случилось. Но одно было неоспоримо: до того, как остаться с ним наедине, Иллис была в порядке. Значит... значит, вывод напрашивается сам собой. Так что на вопрос Князь не ответил, но того, как он отвел глаза, Льену оказалось достаточно. Он неверяще мотнул головой.

— Ну ты и... Отойди от нее!

Кириан сглотнул тяжелый комок в горле и сделал шаг в сторону уступая место.

Льен со знанием дела принялся за осмотр. Пощупал пульс, оттянул веко и снова тихо выругался. Сжал зубы, задумался на секунду, а потом обернулся к Князю. И от тяжести его взгляда показалось, что на плечи опустилось небо.

— С дороги!

Князь машинально отступил назад и в сторону, давая ему пройти. А потом прижался спиной к стене. Это все, что он мог сейчас сделать, чтобы не свалиться на пол и не содохнуть от отвращения к себе самому.

Весь его прежний опыт сыграл с ним злую шутку. Кириан привык жить, считая себя непогрешимым, и в любых неудачах всегда находил другой виноватый. А сейчас... а здесь... Здесь не было НИКОГО, чтобы обвинить и самому остаться в стороне.

Зачем он вообще приблизился к ней... еще и в драку полез, идиот. Не желал видеть ничего, кроме собственных проблем?..

Закрывая лицо руками, Кириан сполз по стене вниз, безжалостно раздирая вчерашние рубцы на спине о грубый камень.

— С-сволочь! — прошипел вдруг кто-то, заслоняя свет. — Вот ты где! Вставай, тварь!

Кириан не успел толком понять, что произошло, только вздохнул судорожно и попытался встать. Он почти не сопротивлялся, только инстинктивно прикрывал лицо, пока Норриан методично и жестоко избивал его, не разбирая особо, куда и с какой силой бьет.

— Веррал из аптечки! Живо! — от двери скомандовал Льен, врываясь в комнату и бережно усаживая послушную, как марионетка, Иллис на свою кровать.

— Что?! Что случилось?! — первым опомнился Гай, оставив примочку, которую пытался приспособить на физиономию бурчащего Маиса. — Иллис!

— Настойку, быстро! Вопросы потом! — рыкнул Льен, выверенными движениями растирая холодные тонкие руки девушки.

Теперь все остальные забеспокоились не на шутку и вопросительно уставились на Льена.

— Все, милая... все хорошо... — взгляд Льена молниеносно перенес Габриэля через всю комнату, и тот подхватил бессильно обмякшее тело с другой стороны, приобнял, откинув ее голову себе на плечо. Льен все еще придерживал девушку за руки, словно сосредоточенно вслушиваясь в пульс, только крикнул через плечо:

— Майс, ну чего ты там копаешься?!

Майс в спешке дернул ящик сильнее. Выдернул с корнем — по полу покатались карандаши, какие-то мелочи, пузырьки. Но никто даже не обернулся на грохот.

— Она ледяная вся! — со страхом поделился Гай, отчаянно стараясь согреть ее, кутая в наспех схваченное одеяло.

Потрясенный Норр на деревянных ногах добрал до кровати и присел на корточки рядом, тревожно заглядывая в глаза Иллис снизу вверх.

— Может, ей воды?!

Они брызнули девушке в лицо водой, и она слегка пошевелилась.

— Выпей... — Льен накапал в кружку из темного пузырька и поднес ко рту Иллис.

Она покорно глотнула, но тут же закашлялась. Наконец, в пустых глазах мелькнул проблеск сознания.

— Князь? — одними губами, беззвучно спросил Майс, и Льен, поморщившись, кивнул.

У Норриана сами собой сжались кулаки и заходили желваки на лице. У него и без того не было сомнений, кто причина состояния Иллис. Он уже трижды изругал себя, что согласился оставить ее там с этим... и теперь он бесшумно отступил к двери, пользуясь тем, что парни заняты приходящей в себя девушкой. Шаг, еще шаг... и вот он уже решительно шагает по коридору туда, где у него осталось незаконченное дело.

Глава 10

В своей комнате Иллис вдруг открыла глаза. Ее уже перенесли с кровати Льена на ее собственную, укрыли первым попавшимся одеялом.

Остатки кошмара еще пытались утащить ее обратно за барьер, но глаза глядели уже осмысленно. Лекарство действовало. Она обвела друзей мутноватым взглядом и хрипло спросила:

— Гай... где... что случилось? Где... — она обвела комнату встревоженным взглядом, еще сама не понимая, откуда эта тревога взялась. Встретилась глазами с Льеном и вдруг вскинулась, — Норриан?

Не получив ответа, она стремительно откинула одеяло вместе с заботливыми руками.

— Где Норр?!

— Ты успокойся... он сейчас вернется... выпей еще воды... — не реагируя на это успокаивающее бормотание, Иллис вскочила.

Чувство тревоги, обострившееся за три месяца войны, било в набат и не просто кричало — захлебывалось криком. Кириан!

Прежним текучим движением она ускользнула сразу от трех пар рук. Оконный замок жалобно крикнул от резкого рывка, и в комнате остался только ветер и залетевший в распахнутое окно резной лист.

Они, толкаясь, кинулись втроем к окну, и Гай уже хотел было прыгнуть следом, но Льен движением руки остановил его.

— Подожди. Подожди. Надо рискнуть.

— Нет!!! — она возникла за спиной Норриана словно бы из пустоты, и в очередной раз занесенная рука застыла, скованная ее весом. А потом Принца и вовсе с неожиданной силой оттащили в сторону, и Кириан, удерживаемый на ногах лишь левой рукой Норра, бессильно сполз по стене на пол.

— Нет! — с отчаяньем в голосе крикнула Иллис, в ужасе переводя взгляд с залитого кровью лица Князя на его скрюченное от боли тело и кидаясь между парнями. — Не надо, Норр! Хватит, пожалуйста!

— Да ты в своем уме?! — заорал тот, когда прошло первое удивление. — Этот ублюдок тебя... а ты! — он снова дернулся добивать сжавшуюся у стены жертву. Но именно в этот момент Кириан открыл глаза. И то, что увидел там Норриан, заставило его опустить руку. Кейрош хотел умереть. Са

— Он ничего мне не сделал, Норриан. Оставь его и уходи, — от неожиданно ледяного тона, с которым Иллис произнесла эту фразу, словно шуршащая волна поземки прокатилась по каменному полу.

Норр медленно повернулся. Открыл рот. Закрыв. Что происходит? Почему Иллис так странно смотрит на Князя? И этот резкий тон, которого он никак не мог от нее ожидать по отношению к себе. Кейрош, кажется, не ожидал его тоже. Он медленно поднял глаза на девушку. И это был взгляд безнадежно больного человека, который уже смирился и которому вдруг сказали, что у него есть шанс на исцеление. Крошечный, но все-таки шанс. Предчувствие полоснуло Норриана не хуже ножа.

— Ты что... ты хочешь, чтобы я ушел? — с трудом выдавил он. — Из-за него? — Он презрительно дернул головой в сторону Князя. — Того, кто только и делает, что создает тебе проблемы?

— Уходи, — очень тихо, словно раздавленная непомерной усталостью, проговорила Иллис. У нее даже лицо изменилось, теперь оно застыло, как неживое. Будто бы слишком болезненную рану насильно затягивало искристой белой корочкой льда.

— Уйди, пожалуйста.

Норриан, тяжело дыша, нехотя отступил на полшага. Лицо его перекошилось.

— Может, еще пожалеешь его, а? — прошипел он, не в силах совладать со злостью.

Но Иллис его уже не слушала. Она неотрывно смотрела на Князя, только на него.

И что? Что дальше? Зачем она вернулась? Здесь холодно и пусто, а того, что она себе напридумывала, никогда не было. И не будет. Мираж, сказка...

Ей было так больно, что хотелось только одного — исчезнуть, раствориться, не быть. Она вдруг отчаянно пожалела, что не осталась там, за чертой.

Кириан вдруг пошевелился, попытался встать, но, схватившись за стену, тяжело осел обратно. Иллис видела, как он болезненно скривился, как закусил губу, из которой и без того уже сочилась кровь.

И острая, обжигающая, расплавленная сталь вдруг полоснула по корке льда, за которой постепенно остывало еще живое сердце.

Совершенная ледяная скульптура вдруг пошла мелкими трещинками, не выдерживая внутреннего давления. У Иллис задрожала нижняя губа. Она оглянулась на Норриана мельком, через плечо, и снова обернулась к избитому Кейрошу.

Норриан резко выдохнул.

— Если этот подонок так дорог тебе... — теперь в его голосе звенела обида, — тогда я и в самом деле пойду.

Он ушел, и Иллис тут же забыла про него. Мираж... сказка... но это ее мираж и ее сказка. Он не виноват в том, что не стал, не ответил, не полюбил. Разве она полюбила его только ради того, чтобы получить для себя? Нет... значит, и жаловаться нечего. Он такой, какой есть, и... Хеллес, он вообще живой?!

В два шага она преодолела расстояние до Кириана, бессильно привалившегося к стене. Рухнула рядом с ним на колени, дрожащими руками нащупывая пульс. Живой! Она еще какое-то время не решалась убрать руку, как будто убери она ее — и тонкая жилка перестанет биться навсегда.

Голубые венки отчетливо проступали на белой коже, и сама кожа обжигала пальцы, когда девушка провела рукой вверх по шее, щеке, виску, до самых волос. Впервые не отказывая себе в том, что хочется. Хеллес!

Князь шевельнулся и закашлялся.

Словно опомнившись, она принялась осматривать его дальше. Дергано, суетливо, непривычно бестолково.

К ее удивлению, Кириан не отстранился. Только зажмурился сильнее и откинул голову назад, отчего светлые волосы упали на лоб, чуть задевая рассеченную бровь и пачкаясь в крови.

Вздохмаченный, с разбитой губой, из которой тоже сочилась кровь, и в порванной рубашке. Он был такой настоящий, живой, непривычный. Открытый и беззащитный, как никогда.

От этого почему-то перехватывало горло и сердце начинало биться быстро и неровно, отдавая в кончики пальцев смутным и неясным желанием прикоснуться еще и еще...

Пальцы дрожали и не слушались, когда она пыталась ослабить ему воротник, жадно всматриваясь в плотно сомкнутые веки и вздрагивающие губы. Ровные, красиво очерченные губы, сейчас разбитые, но все равно притягивающие как магнит.

Иллис вздрогнула, вспоминая, как они кривились в брезгливой высокомерной усмешке. Вскоре наверняка опять так и будет, но сейчас — плевать! На все плевать.

Она словно забыла, где она и с кем, с головой уйдя в новые ощущения. Пальцы легко прошли по скуле, чуть задерживаясь около ссадины. Потом скользнули вниз, к ключице, погладили, тронули ямку у основания шеи. Она слишком давно хотела это сделать. Слишком давно...

И от интимности жеста, от давнего изматывающего желания, которому он сейчас совершенно не мог сопротивляться, Кириан вдруг дернулся и застонал.

Иллис тут же вскинулась.

— Что? Больно? Вот тут? — она склонилась вперед, продолжая осторожно ощупывать поврежденное место. Ее волосы коснулись его лица, чуть не вырвав у него еще один стон.

Да, больно! Ему везде больно. Давно уже. Больно, сладко, невозможно!

Но он все еще Кейрош. И у него еще осталась гордость. Немного, но осталось. Кириан

открыл глаза и перехватил ее руку с платком, испачканным в его крови.

— Уходи. Пожалуйста, — голос звучал глухо и рвано, слова с трудом продирались через одеревеневшее горло.

— Нет! — Иллис упрямо помотала головой. — Тебе к лекарю надо. Я отведу.

— К лекарю... — машинально повторил он, все еще продолжая держать ее кисть.

— К лекарю... — и внезапно рассмеялся каким-то жутковатым хриплым смехом. — К лекарю?! — наконец закричал он и неожиданно закрыл лицо обеими ладонями. Потом медленно, слоено собираясь с силами, опустил руки.

— Мне не нужна твоя помощь.

Кириан тяжело поднялся на ноги, но тут же пошатнулся и привалился плечом к стене, пережидая приступ головокружения.

Иллис смотрела на него молча, не двигаясь. Только губы дрожали. И этот взгляд, полный искреннего беспокойства, боли и чего-то еще неосязаемого, неясного, но дававшего пустую глупую надежду, стал последней каплей. Невыносимо!

Все собранное по крупицам спокойствие разлетелось в момент, как шелуха от порыва ветра. И стало окончательно плевать, как он будет выглядеть в ее глазах. Он больше не мог притворяться, что ничего не чувствует.

— Почему ты не позволила Норру убить меня? Почему?! — ярость и отчаяние, топившие его с головой, вырвались со словами, ничем больше не сдерживаемые.

— Все бы закончилось! Наконец. Не могу больше так, не могу, понимаешь?! И жалость эта твоя... — он резко отвернулся.

Повисла тишина, которую никто из них не решался нарушить. Потом он тяжело сглотнул и продолжил, глядя в сторону.

— Я... я знаю, что проиграл, — теперь голос был тихий, еле слышный. И сам он весь поник, словно из него вышел весь воздух. — Что ж, я сдаюсь. Ты победила. Я больше не стану мешать вам с Майсом и... Завтра я уеду. Просто уеду отсюда и, будь уверена, сделаю все, чтобы ты обо мне больше не услышала. Я не могу оставаться и видеть, как вы... как он... — и тут же, яростно стиснув кулаки, впился в ее лицо глазами, выпалив то, что не собирался, о чем хотел бы теперь замолчать навсегда:

— Потому что люблю тебя! ЛЮБЛЮ! Как идиот, как мальчишка, как... больше жизни. Я не смогу... я слишком большой эгоист, чтобы видеть твое счастье с другим! — он резко мотнул головой и развернулся, готовый уйти.

Глава 11

Зря он это сделал, иначе видел бы, как сначала потрясенно застывает, а потом еще сильнее белеет ее лицо, хотя, казалось бы, больше некуда. Как расширяются и без того огромные зрачки, заполняя всю радужку. Только теперь не от потрясения или страха за него, а от сдерживаемой, kloкочущей и огненной ярости, которую, слоено из последних сил, пыталась сдержать усталая зима.

И не сдержала.

— Ненавижу! — резкий рывок за ворот рубашки, а потом... звук пощечины едва успел эхом прокатиться по каменным плитам коридора, когда эхо его удвоило. — Ненавижу тебя!

Кириан дернулся, откинул голову и застыл на месте, невольно хватаясь рукой за щеку и растерянно переводя взгляд на ее пальцы, вцепившиеся в его плечо.

— Уедешь, значит, с-скотина?! Сбежишь?! Струсил? — тихое змеиное шипение могло бы заставить шевелиться волосы на голове и у более храброго человека.

— Докучать мне, значит, не будешь! Да? — тонкие пальчики на его плече неожиданно сжались стальными клещами. И в следующую секунду стенка рядом с его головой брызнула в стороны острыми крошками штукатурки, которую выбил невероятно сильный удар маленького кулака. Казалось, Иллис вложила в него все, что так долго сдерживала.

Она на секунду замолчала, прикрывая глаза и тяжело переводя дыхание, но так и не отпустив его плечо. А потом неожиданно оттолкнула и сама отпрянула. И почти прокричала:

— Ты, идиот самовлюбленный, смеешь мне про жалость говорить?! Мне?! Да я выжила только потому, что ты у меня был! Потому что... Потому что ты звал! Ты! Я к тебе вернулась! Только к тебе! Как дура, летела сюда, сбежала из госпиталя... А ты! Ты хоть знаешь, чего мне это стоило? Знаешь?! — последние слова она уже орала в голос ему в лицо, отчаянно вцепившись в полы его камзола и встряхивая его, как тряпичную куклу, после каждого выкрика.

Кириан почувствовал, как от абсурдности происходящего у него в голове что-то рушится. Все логические выводы, все просчитанные решения, да что там! Все его понимание жизни.

Он хватал открытым ртом воздух, всматриваясь в ее лицо с жадным тревожным ожиданием и неверием.

Она что-то еще говорила, даже кричала, но он уже не слышал, намертво прилипнув взглядом к ее губам. Ярко-красным губам, которые просто созданы были для поцелуев и которые вернули его к жизни, произнеся всего три слова. Три торжественных слова, которые он повторял про себя вновь и вновь.

«...вернулась к тебе...»

Кириан качнулся вперед, чтобы... он и сам не знал, чтобы что, просто важно было быть как можно ближе к ней. Но сделать ничего не успел — она резко отпустила его камзол, отвернулась, пряча неестественно заблестевшие глаза, волосы веером взлетели вверх, хлестнув его по щеке, и сама девушка бросилась прочь.

Бежать... бежать, пока не наговорила или не сделала чего-то, о чем потом пожалеет еще больше. Она и так... дура!

Сильные руки обхватили ее сзади, обнимая, удерживая, прижимая к себе. Иллис рванулась из последних сил.

— Пусти! Ненавижу! — слезы все-таки расчертили лицо мокрыми линиями, срываясь, капая на одежду и обнимающие ее руки, которые и не думали разжиматься.

— Не отпущу! Моя... Не могу без тебя! Не отдам! Не отпущу... — он говорил быстро и бессвязно, прижимаясь губами к ее волосам. И она, даже не глядя, чувствовала, что губы у него дрожат

— Ненави... — он резко развернул ее лицом к себе, и она запнулась, наткнувшись на глубокий болезненно-нежный взгляд. Гораздо ближе, чем она ожидала. Настолько близко, что видна была серебристая радужка, на которой переливались и плавилась непривычно теплые блики. Зачарованная этим зрелищем, Иллис застыла на месте.

«Как солнечные зайчики на льду», — успела подумать она и коротко всхлипнула, когда мокрое лицо обхватили ладони и большие пальцы провели по щекам. Осторожно, будто тоже боялись обжечься.

А потом он с силой притянул ее к себе, зарываясь лицом в непослушные, пахнущие травами волосы. Всю сразу, вместе со кулаками, сжимающими его одежду, вместе с готовыми вырваться очередными ругательствами и выбившимися прядками, которые он тут же принялся покрывать поцелуями.

— Прости меня... прости! Хеллес, какой же я идиот... кретин... прости меня! — он обнимал ее так крепко, будто пытался вобрать в себя, впитать под кожу. Забрать себе. Присвоить. Его Иллис... — Больше никогда! Никому...

В какой-то момент она еще больше напряглась и даже забилась, как пойманная птица, и вдруг обмякла. А в следующую секунду крик отчаянной боли все же вырвался, и девушка зарыдала в голос, выплескивая и на него, и просто во вселенную ту боль, которая не давала дышать все это время.

— Они все погибли... они все... погибли... они все... а я осталась! Из-за тебя! Кретин! Какой же ты... — повторяла она как в бреду и из последних сил цеплялась за Кириана, словно он остался последним в этом мире, что еще могло удержать ее от падения в никуда.

И он удерживал. Обеими руками, не отпуская ни на миг. Порывисто целовал все, до чего мог дотянуться: щеки, губы, глаза, волосы, снова щеки... Он не умел и не мог сказать о том, что чувствует в этот момент. Никакие слова не вместили бы этого.

Боль за то, что ей пришлось пережить, за то, что он — слепой идиот, не разглядел этого раньше, готовность умереть и убить за ее любовь и ощущение того, как перехватывает дыхание, когда она вот так доверчиво прижимается к нему — к нему, ни к кому другому! Все это было под коленки, превращая их в настоящую вату, но поддаться сейчас слабости он не имел права.

— Мы со всем справимся. Со всем... вместе... я люблю тебя... я тебя люблю! — шептал он в маленькое ушко, и ее волосы шевелились от его дыхания. Нет, он даже не пытался делать вид, что у него не дрожат руки, которые бережно гладили ее по спине. Но вот голосу дрогнуть не позволял. Он сделал так много ошибок в прошлом, так много непростительных ошибок, и, если ему дается шанс все исправить, он его не упустит! Он вытащит ее из этого кошмара, чего бы ему это ни стоило! И начнет прямо сейчас.

Ладонями он чувствовал, что ее всю трясет, и от этой ее уязвимости, в груди полыхнуло так, что в первый момент он с трудом устоял на ногах. Но это же придало ему невиданных сил. Любовь, которую он наконец-то выпустил на волю, больше не была мучительной. Она окрыляла, окутывала золотистым сиянием, дарила уверенность, что он может все. Теперь действительно — все.

Непонятная, нелогичная, не... Его Иллис! Только его! Он глядел на нее со ее глаза, просто потому, что теперь это можно было делать без боязни, что кто-то заметит.

Иллис понадобилось довольно много времени, чтобы выплакаться. В какой-то момент она устала стоять посреди коридора и потянула Кириана за собой, опускаясь на пол.

Князь послушно оглянулся и сел у стены, прямо на пол, вытянув ноги, а девушка, не до конца осознавая собственные действия, позволила усадить себя на его колени и сама прикинула, спрятавшись у него на груди. И еще несколько минут молчала, изредка судорожно вздыхая, отчего Кириана каждый раз накрывало очередной почти смывающей сознание волной нежности. Прерывистое от недавних слез дыхание легонько трогало кожу у него на шее, и этого ощущения было достаточно, чтобы задыхаться от накатывающего желания и стыда за его кажущуюся неуместность — нашел время, кобель похотливый! Она такая... такая... а он не может справиться с изменными инстинктами!

Пока Кир боролся с собой, его крепко стиснутая «добыча» пришла в себя и сначала совсем притихла, а потом шевельнулась в кольце рук и подняла голову. Заплаканные глаза снова стали солнечно-янтарными, и... нет, боль не ушла до конца, она осталась где-то там, в глубине, мелькая горькими тенями на самом дне.

Кириан обнял руками ее лицо. Провел большим пальцем по щеке, от уголка губ к скуле. Наслаждаясь ее дыханием, близостью, непослушным завитком на правом виске... словно до конца не веря, что все это теперь его. А потом прикоснулся губами к губам, бережно, почти целомудренно. И это было более интимно, чем самые горячие поцелуи, бывшие у него до этого.

— Убьешь меня теперь? — прошептал он ей прямо в приоткрытые губы с ласковой насмешкой.

— Самолично, — подтвердила Иллис, а потом обхватила его за шею, затягивая в новый поцелуй, который сразу же перестал быть невинным. Вот как-то сразу. Да к торку

скромность и что там еще полагается невинным девам? Она слишком долго этого ждала, слишком... мало надеялась получить.

Это был долгий поцелуй. Кириан так давно уже ни на что не надеялся, что сейчас этого всего стало слишком много для него. Он плавился, задыхался только оттого, что она прижималась к нему так крепко, от рук, которые жадно гладили его по лицу, шее, плечам. Впрочем, его руки тоже не отставали. Стремилась захватить как можно больше, жадничали, спешили. Словно бы повторяли желание хозяина поверить, что Иллис и е самом деле тут, с ним, сама целует его!

Одна только мысль об этом вызвала бешеное сердцебиение и нарастающую тяжесть где-то там, внизу. Он еще помнил, что нельзя вот так все сразу, но уже не помнил почему.

Иллис же подобными глупостями не заморачивалась вовсе. Собственно, она ни о чем не думала, для нее существовало только здесь и сейчас. Ни будущего, ни прошлого, ни вопросов, ни сомнений. И наверное, она позволила бы событиям зайти так далеко, как только возможно, ее рука уже путалась в пуговицах рубашки Кириана, и она сама даже не задумывалась — зачем. Просто... так надо, необходимо и очень хочется... убрать эту тряпку и добраться до самого Князя, провести ладонью по коже...

Тем более что его горячие пальцы уже всю вычерчивали неизвестные письмена на ее собственной спине, шее, обводили ключицы, зарывались в волосы... но пока не смели большего. Когда и как он проник под рубашку, вспомнить она решительно не могла. Да и какая разница!

В какой-то момент Кириану показалось, что еще секунда — и каменный пол под ним расплавится. Иллис принимала ласки так страстно и откровенно, что от одного только вида можно было сойти с ума. А еще она прижималась. Ближе, плотнее, так, чтобы даже воздуха не оставалось между ними. Доверчиво и в то же время заявляя свои права на него. Горячие звезды уже полыхали под веками, когда девушка вдруг болезненно вскрикнула — раненая нога неловко вывернулась и ответила на такое издевательство резкой судорогой.

Глава 12

— Что?! — Кириан чуть отстранился, встревоженно заглядывая ей в лицо.

В серых глазах еще стояла пелена тумана, медленно, нехотя рассеиваясь.

Иллис, так жестоко выдернутая из сказочной эйфории, только тихонько охнула и сначала по привычке попыталась спрятать боль, не показывать, но заглянула ему в глаза и вдруг сникла, съежилась, позволила себе выпустить ее наружу.

— Нога... судорога. После... ранения.

Князь мгновенно подобрался, попутно ругая себя всеми известными ругательствами: хорош, торк, влюбленный, о девушке позаботиться не смог!

— Откинсь назад, обопрись на руки. Нogu вытягивай вперед, только медленно. Надо растянуть мышцу.

— Ты меня будешь лечить? — она улыбнулась ему даже сквозь боль и так доверчиво последовала его указаниям, что...

— Ну, лечить - не лечить... — Кириан осторожно ссадил Иллис с колен, не забыв предварительно подстелить на пол китель. И сосредоточенно взялся за ее голень, второй рукой бережно потянув стопу на себя. — Расслабь ногу, можешь? Вот так, аккуратненько... потерпи, сейчас должно отпустить...

Забота, внимание... эти слова всегда имели крайне низкий рейтинг в личном словаре Кириана Эса ди Кейроша. Как и угрызения совести. Откуда что взялось? Теперь он стоит на коленях рядом с девушкой своей мечты, массируя напряженную мышцу, с ума сходит от нежности, беспокойства и счастлив уже оттого, что может что-то сделать для нее.

Сколько времени он потерял! Шесть торковых месяцев он мог бы быть таким вот счастливым и, самое главное, сделать счастливой ее.

Уверенные пальцы пробежались по ноге снизу вверх, поглаживая, разминая, расслабляя. Боль уже давно отпустила, а его рука так и осталась лежать у нее на коленке. Затем скользнула выше, изучая, наслаждаясь, продвигаясь очень медленно, чтобы не спугнуть хрупкость момента. И вдруг замерла, наткнувшись на грубые края шрама, ощущаемого даже сквозь ткань тренировочного костюма. Иллис тоже закаменела на секунду и тут же попыталась встать. Это не объяснить словами, но в мозгу засела мысль об уродстве шрамов, и показать их, даже на ощупь, Кириану было нестерпимо неловко. Надо встать, и...

Если бы не подлая конечность, которая, вместо того чтобы благодарно поддержать хозяйку, повела себя как неблагодарная свинья, ей бы это удалось! Но та подломилась в самый неподходящий момент, и Иллис почти упала на парня.

И он тут же снова себя проклял. В этот раз за легкомыслие. Ее ранение теперь не шло из головы, а ведь он нащупал только самый краешек шрама. Какой же тогда должна была быть рана? И вероятно, не одна? А он держал ее на холодном полу!

— Часто у тебя так?

Иллис тихонько выдохнула и улыбнулась.

— Не очень... И правда полегче... Да вообще уже прошло! Ерунда, не стоит обращать внимания...

— Я и вижу... — вопреки иронии голоса, глаза смотрели с сосредоточенным беспокойством. — Тебе нужно в комнату.

Легко сказать! Когда Иллис была так близко, отпустить ее было невозможно. В глазах темнело от желания прижать ее покрепче, с жадностью впитывая тепло, шелковистость кожи и мягкость волос. Зацеловать до полной потери дыхания. Но все, что он себе позволил, это нежно провести губами по виску.

Наверное, у них бы ничего не получилось... не получилось бы оторваться друг от друга, уйти, расстаться, даже на пять минут. Но боль немного отрезвила не только Князя, но и саму Иллис. Она как-то вдруг снова разглядела и наливающиеся синяки на его лице, и разбитую, уже опухшую губу, и неловкие движения...

— Мне нужно в комнату?! — возмущилась она. — Это тебе надо лечь! Хеллес, да ты на ногах еле стоишь!

— Согласен, — как-то подозрительно быстро согласился Кириан. Хотя на фоне ее ран собственные чувствовались незначительной мелочью. — Подашь пример?

— Ах ты... хитрая морда! — прищурилась на него Иллис, но вдруг засмеялась и, забыв о ранах и болячках, поймала его за рубашку, притянула и стала жадно целовать, мельком удивившись сама себе. А потом отпустила и вдруг смутилась, спрятала лицо у него на груди.

— Это все ты виноват!

— Естественно! — он тоже тихо и счастливо засмеялся, прижимаясь щекой к ее волосам. С Иллис было хорошо все: сидеть на холодном полу, целоваться и просто стоять вот так, ничего не говоря. Всю жизнь бы, наверное, стоял. Но только не сегодня! Завтра он все придумает. Так, чтобы ей было удобно... Это «завтра» вдруг тревожно кольнулось в груди, а вдруг...

— Придешь завтра? — очень тихо спросил он.

— Я больше не уйду вообще, — взяв его лицо в ладони, так же тихо ответила Иллис. И у него в который раз перехватило дыхание. — Даже если я не рядом, я все равно с тобой.

Какое-то время ему понадобилось, чтобы понять, о чем она говорит. Таких слов ему не говорил никто и никогда. Интересно, привыкнет он к ней когда-нибудь? Наверное, нет...

— Тогда поехали! — подхватить ее на руки оказалось неожиданно легко. Весу в ней всего-то... а ее слова открыли в нем какие-то внутренние резервы, о которых он и сам понятия не имел до сегодняшнего дня.

Как они добрались до корпуса, а потом и поднялись по лестнице, Иллис почти не помнила, на нее неожиданно навалилась такая слабость, что и рукой пошевелить было трудно. Помнила только, что по пути останавливались несколько раз и Кириан тяжело дышал, приходя в себя. Но потом опять упорно брал ее на руки и тащил дальше. А у нее не было даже сил возражать! Хотя она пыталась... Но каждый раз ее тихое бухтение заканчивалось поцелуем, а этот торков упрямец открывал в себе следующий резерв.

Зато прощание врезалось в память обоим очередной яркой вспышкой. Они стояли возле самой двери, и волосы Иллис блестели в лунном свете. Сколько же времени прошло?! Как это уже ночь?!

— Тебе пора... — Кириан сделал поистине героическое усилие, чтобы отстраниться.

— Пора... — согласилась Иллис и прижалась еще теснее.

— Ну так... иди, — он провел рукой по острой лопатке, убрал с ее лба падающую на глаза прядь.

— Иду, — снова согласилась она, не трогаясь с места. Да, собственно, и он ведь рук не разжал и прижимал ее к себе по-прежнему.

— Вы здесь до завтра будете так «идти»? — спросил из темноты голос Льена, и он сам показался на пороге, сложив руки на груди и прислонившись плечом к косяку.

И оба от неожиданности чуть не подпрыгнули.

— Сайеш, тебе не говорили, что пугать людей — дурной тон? — поинтересовался Князь, с сожалением размыкая руки.

— Я что-то не вижу тут никого особо испуганного, — невозмутимый Льен придирчиво осмотрел рукава своей рубашки и стряхнул невидимую пылинку с плеча. — Кейрош, верни ребенка на место и иди уже... спать.

— Эй! — возмутилась Иллис и тихо хихикнула Кириану в рубашку, она-то ничего разжимать не торопилась.

— Что-то я не вижу тут ни одного ребенка, — в тон ему ответил Кир, демонстративно наклонившись и чмокнув Иллис в яркие и чуть припухшие от поцелуев губы.

И как будто не было этого недавнего разговора между ним и Льеном. Все было так естественно, так правильно, как будто просто не могло быть по-другому. Он обнимает Иллис и мирно, почти дружески, разговаривает с соколом. Да что там! Он и его готов обнять, так хорошо на душе. Только Льен прав. Опять прав. Еще бы найти силы последовать этой правоте...

— Хеллес, как дети. Оба, — демонстративно вздохнул Льен, шагнул, подхватил пискнувшую Иллис за талию. — Кыш! По кроватям. Завтра доцелуетесь, безобразники.

Даже вот это — то, что Сайеш командует ими, как своими малявками, совершенно не раздражало. Более того — это тоже было хорошо.

— Да отпусти ты его, никто не съест твоего Князя до утра. Сама не видишь, он на ногах еле стоит?

Льен и Кир на короткое время пересеклись взглядами и... договорились.

А после того, как Кейрош пошатнулся, в подтверждение слов Льена весьма натурально изображая слабость, шансов у Иллис не осталось совсем.

Девушка мгновенно притихла и отпустила руку Кириана, за которую продолжала цепляться с шутливым упорством.

— До завтра! — он потянулся к ее губам, но остановился и пристально посмотрел на

Льена. Тот понятиливо отвернулся. — Я... буду ждать...

Поцелуй получился коротким, как вздох, и таким же легким, но он обещал продолжение. Завтра, послезавтра, всегда. И Иллис, окончательно сдавшись, скрылась, наконец, вместе с Льеном в комнате.

Кириан еще какое-то время гипнотизировал взглядом закрытую дверь, потом счастливо вздохнул и двинулся по слабо освещенному коридору Хорошо, что его комната была по соседству! Тот внутренний резерв, который давал ему силы нести Иллис на руках почти всю дорогу и почти не замечать боль, внезапно иссяк, накрывая почти обморочной слабостью. Заныли ребра, закружилась голова, и в глазах неожиданно потемнело. Не хватало еще в обморок грохнуться прямо тут! Он привалился к стене плечом. Минуточку постоит, всего минуточку...

— Вот же придурок на мою голову, — сказала темнота голосом Льена. — Но везучий, сукин сын. Даже нагадил к месту. Я уже боялся, что кризиса не будет и ее боль так и останется внутри. И убьет ее.

— Ч-что? — Кир повторил про себя фразу, пытаясь уловить причинно-следственную связь. Определенно, логическое мышление сегодня отказывало ему начисто.

— Хорошо все с ней будет. Теперь.

Льен помолчал и протянул какую-то склянку. Кир машинально взял ее, вопросительно приподнял бровь. Вербена! Но совсем чуть-чуть, на доньшке.

— Морду намазать не забудь, — пояснил Сайеш. — Нам только штрафных сейчас за драку не хватало, петухи бойцовые! Сам дойдешь или помочь?

Кириан хотел вернуть что-нибудь ехидное, например поинтересоваться, поведет его сокол под ручку или намерен отнести на руках, но сил совершенно не осталось, поэтому он только коротко кивнул.

— Сам.

И уже от самой своей двери обернулся. Сайеш стоял на том же месте, скрестив руки на груди и провожая его внимательным взглядом. Страховал.

При виде этой картины Кириан хмыкнул, а потом вдруг сделался непривычно серьезным.

— Спасибо.

Льен улыбнулся одними только глазами и растаял в темноте.

Глава 13

Проснулся Князь с радостным нетерпением и ощущением, что в его жизни произошло нечто очень хорошее. Нет, сногшибательное! Секундой позже он вспомнил, что именно. — Иллис...

Он счастливо откинулся на подушки, позволяя себе понежиться в кровати. Судя по солнечному свету, даже сквозь занавески заполнявшему комнату, было уже ближе к полудню. Как же он умудрился столько проспать? При мысли, что она, может быть, тоже сейчас там, за стенкой, раздумья свернули в привычное русло. С той лишь разницей, что теперь думать об этом не было больно. А вдруг...

Вдруг это все ему приснилось? Он даже на кровати подскочил. Но боль в ребрах тут же подтвердила обратное — не приснилось, нет! Скоро он опять увидит ее, сможет прикоснуться, обнять. Вот только...

Кириан нахмурился, представляя, как это все откомментирует Вайрис и компания. Не при нем, так за глаза уж точно. Он не мог допустить, чтобы хоть что-то грязное говорили про Иллис, а значит... А ведь есть еще отец! Значит, им придется скрываться. Вот только как ей сказать об этом, чтобы не обидеть? Не говорить же правду... хотя почему не говорить?!

То, что произошло потом, не укладывалось ни в какую логику. Кириан Эса ди Кейрош бросил размышлять, так и не доведя решение до логического конца. Потому что поддался минутному порыву и желанию. Увидеть ее. Немедленно! Он наскоро запер дневник, который обнаружился здесь же, на кровати, в сбою тумбочку и решительно отдернул шторы.

Иллис безбожно проспала все на свете — и рассвет, и завтрак, и даже полдень. Все, что случилось вчера, слишком сильно ударило по неокрепшему после ранения организму. Хоть и радость, хоть и счастье, но после боли, слез, шока.

А может, хитрый Льен что-то подмешал б ее лекарственный настой, которым напоил девушку перед сном.

Так или иначе, когда Иллис проснулась, солнце уже вовсю прыгало по стенам веселыми леопардовыми пятнышками, пробиваясь сквозь молодую листву за окном.

Но даже когда она проснулась, встать с постели сразу не получилось. Вчера, до того, как случилось объяснение с Кирианом, она все же переусердствовала с тренировками. А потом Майс не донес ее до купальни в преподавательском флигеле. А потом... а потом было много чего, так что обязательной ванны с особыми травами и скупой отмеренной порцией вербены не случилось.

Иллис сжала зубы от резкой боли и откинулась на подушку. А наплевать... она все равно такая счастливая! Только вот одно плохо. Ей до дрожи, до непрошенных слез хотелось увидеть Кириана сию же секунду обнять, поцеловать... убедиться. Убедиться, что счастье ей не пригрезилось 8 очередной раз.

А она не могла даже встать с постели.

Еще и вскрик сдержать не сумела, когда слишком резко дернулась. Ну и привет — мальчишки устроили суету вокруг кровати, словно она умирающая. Притащили завтрак, отвар, Льен принес горячее полотенце, вымоченное в нужных травах, и сделал компресс... Физическая боль прошла, а вот беспокойство только нарастало.

В очередной раз поймав ее несчастный взгляд, Льен усмехнулся, покосился на слегка пришибленных вчерашним днем Габриэля и Маиса, на молчаливого и отмороженного Норриана...

Иллис почувствовала осязаемый укол совести, глядя на мальчишек. Они с ней так носятся, а она... почти забыла про них вчера. И даже не почти, нечего прикрываться словами. Забыла. Она обо всем забыла и обо всех. Но... она им объяснит все, только немного позже.

— Да не дергайся, я его найду и передам... что ты там хочешь ему передать? — почти шепотом спросил Льен, аккуратно растирая ее ноющее плечо и улыбаясь так, как умел только он. Так, что сразу верилось — все будет хорошо!

— Поцелуй! — ответила Иллис и лукаво прищурилась.

— Ну ты и нахалка, — восхитился Льен. — Не буду я с ним целоваться, и не проси. Давай лучше так: я найду тебе твоего Князя, а поцелуй сама передашь. А то мой он, боюсь, не оценит.

Иллис только хихикнула, шлепнула дразнилу по руке и согласно кивнула.

Но Князь не нашелся. Его не было ни в комнате, ни в столовой, ни в библиотеке. Льен даже заглянул в учебную часть, пустующую по случаю воскресенья, спустился к «Арсеналу». Безрезультатно. Проклятый Кейрош как сквозь землю провалился!

Льен ругал придурка последними словами — мог бы и предупредить! Куда его вообще унесло?! Вот же невезение, ну что стоило малышке влюбиться в нормального парня... а не в это ходячее недоразумение!

— Наверное, в город уехал, к вечеру точно будет, — уговаривал он подругу.

Иллис согласно кивнула и даже попыталась улыбнуться, но, как только Льен ушел за

ширму, перестала притворяться. Отвернулась к стене и зажмурилась.

Мальчишки пару раз заглядывали к ней, но она сделала вид, что спит. Потом хлопнула дверь, и стало тихо. Ушли.

Иллис открыла глаза и с досадой ударила кулаком здоровой руки по матрасу. Зачем, зачем она такая дура?! Зачем еще с утра пообещала парням, что сегодня даже за порог без них не высунется?! А вылезти в таком состоянии в окно и думать нечего... Хотя...

Нет, самоубиться об землю, сорвавшись с дерева, девушка не собиралась. Поэтому подошла к идее со всей ответственностью и осторожностью.

М-да. И что делать? Иллис нырнула за плотно задернутую занавеску (когда успели задернуть?) и перегнулась через подоконник. Если узлом связать три простыни... это будет даже не опасно. Или, может, попробовать по карнизу? Его комната — вот же она, руку протяни. Две руки. Или три.

Иллис попыталась оценить расстояние до соседского подоконника. Надо выбраться на карниз и... ага, а пояс за ножку стола зацепить, так надежнее... Но испытать на прочность свою гениально придуманную страховку ей не довелось.

Собственно, она даже не успела перенести вес тела за пределы окна, как со стороны дерева послышался испуганный вскрик:

— Торк тебя возьми, что ты творишь?!

Иллис испуганно подпрыгнула и подняла глаза. Прямо напротив нее в развилке сидел бледный и откровенно перепуганный Кириан. Он, правда, пытался замаскировать свой страх злостью и сердито хмурил брови, но его выдавали глаза.

Иллис внезапно ужасно смутилась. Ну вот, лезет тут в окно к нему... как дурочка! А

он...

А он одним прыжком перемахнул с дерева на подоконник, схватил ее в охапку и стащил обратно в комнату. Иллис даже показалось, что он сейчас зарычит, как очень рассерженный лесной кот. И уши прижмет...

Но нет, Кириан отступил на полшага, и его лицо приняло обычное, слегка холодноватое, даже надменное, выражение.

— Я что, так противен тебе, что ты решила свести счеты с жизнью после вчерашнего? — спросил он, когда они оба перевели дыхание. — Так могла бы прямо сказать.

Он говорил вроде бы и в шутку, но тревожные нотки в голосе выдавали его с головой. Всю его неуверенность и тайные страхи.

— А это... — он эдак небрежно, аристократично повел рукой в сторону открытого окна, — это слишком даже для тебя.

— Ой! — пискнула Иллис и, неожиданно даже для себя, ринулась к нему с объятиями. — Кня-азь! Настоящий! Вредный! Ура!

Она засмеялась от радости и, уже ни в чем не сомневаясь, стала целовать его куда дотянется — в подбородок, в уголок губ...

Глава 14

В первое мгновение он застыл, не зная, как реагировать, и не признаваясь даже себе, насколько его смутил этот неожиданный порыв. Нелогичная, бесстрашная, непредсказуемая Иллис. Интересно, когда-нибудь он научится просчитывать ее поступки?

Пожалуй, что нет. И это самое восхитительное, что есть в этой девушке!

Мысль растеклась по венам, наполняя его эйфорией и безудержным желанием почувствовать ее тело пальцами, руками, всей кожей. Моя, моя, моя...

— М-м-м-м... — согласилась Иллис, прерывая поцелуй, чтобы отдышаться. — Знаешь... а я не могу выйти за порог... Слово дала. И парни вот-вот вернуться, и...

— она делано скромненько потупила глаза, но опять не выдержала и хихикнула, потому что взгляд уперся в выдранную с мясом пуговицу на рубашке Кириана. Йене, она сама оторвалась!

— А ты, значит, всегда держишь свое слово?

— Конечно, — на секунду в ее глазах мелькнула тень серьезности и печали, но Иллис сама тут же прогнала ее. И улыбнулась.

— Святая и неподкупная... как же я забыл.

— Именно! Но если я выйду не сама...

— Я понял, понял, — рассмеялся Кириан. — И кто-то еще называл меня хитрым! С твоей простотой никакой хитрости не надо! И как ты объяснишь это своим? — поинтересовался он, вынося ее за дверь на руках.

— Скажу, что нога моя не переступала через порог, — Иллис сделала ангельское лицо и поудобнее устроилась у него на руках. — Это же правда!

Ну и конечно же, конечно же, первый, на кого они наткнулись, едва Кириан открыл дверь, был Льен. С подносом.

— Та-ак... понятно. Впредь буду брать с тебя более конкретные обещания! С подробным перечислением всех вариантов. Желательно составленное опытным юристом! — насмешливо заявил он и подтолкнул Кира подносом обратно в комнату.

— Сайеш, опять ты! — чуть сдавленно возмутился Кейрош, поскольку девушка ненароком сжала его шею крепче.

— Положи на место чего утащил, — с самым серьезным выражением лица заявил тот. — Оно некормленное и больное!

— Льен! — возмутилась Иллис.

— Ты полагаешь, я не смогу ее накормить? К тому же я не думаю, что остальные обитатели комнаты будут столь лояльны к моему присутствию. А оставлять ее я не намерен.

— Кейрош, ты зануда, — хмыкнул его собеседник. — И третьей руки у тебя нет. Как ты собираешься нести поднос?

— Он понесет меня, а я понесу обед! — обрадовалась Иллис, отпустила шею Кириана и ухватила поднос за край.

Не очень удачно. Во всяком случае, по отношению к стакану с компотом, который тут же радостно расплескался, забрызгав всех.

— М-да... — Иллис тут же отдернула лапку. — Все равно он был яблочный... так что не жалко!

— Теперь мы все — яблочные, — констатировал Кир, печально покосившись на свои промокшие штаны. — Знаешь, Сайеш, пожалуй, я не буду возражать, если вы с подносом проводите нас. Тут недалеко.

Льен хмыкнул, но позволил Князю унести девушку к себе. Он считал, что их капризная больная быстрее поправится от положительных эмоций, и если для этого ей нужен Кейрош... ну, у людей бывают и более странные вкусы.

— Добро пожаловать! — Кир осторожно поставил Иллис на пол своей комнаты. Слава Эйро, до вечера второго выходного дня в седмице его соседи не вернуться.

И она тут же заозиралась, словно это была не типовая ученическая комната, а... таинственная пещера. С драконом, не меньше.

— А где твоя кровать? — она чуть покраснела и торопливо пояснила: — А то я немножко не в форме и лучше сижу, чем стою.

— О, прости! Вот сюда.

— Я думала, у тебя тут как минимум замок отстроен, — непосредственно хмыкнула Иллис, присаживаясь на покрывало и словно невзначай проводя ладонью по изголовью. Покрывало, к слову, было не казенное колючее, а сделанное из какой-то очень приятной на ощупь ткани. Льен кашлянул от дверей и выразительно скосил глаза на поднос с остывающей едой.

— Да съем я этот обед, дайте насладиться! Я же впервые на запретной территории!

— возмутилась девушка и на их вопросительные взгляды пожала плечами: — Ну это как... не знаю, как если с девчонками подсматривать в щелочку за мальчишечьими секретными собраниями, а потом вдруг раз — и можно спокойно войти в их «штаб», все потрогать, стащить деревянный меч и карикатуру мелом на стене нарисовать!

— Надеюсь, все-таки обойдемся без карикатур, — хмыкнул Кириан. — Ставь сюда,

— это уже Льену.

— Кейрош, на пару слов, — Льен поставил поднос на ближайший столик, чуть отодвинув лежащие там книги.

Иллис подозрительно нахмурилась и в шутку надула губы:

— Ябедничать будешь?

— Информировать, — ничуть не смущаясь, парировал Льен. А Кириан быстро чмокнул ее в щеку и шепнул:

— Я мигом, соскучиться не успеешь!

Иллис посмотрела на закрытую дверь, потом с сердитой беспомощностью — на свою неловко вытянутую ногу. Шепотом сказала два нехороших слова и быстро оглянулась — не слышали? А то она сегодня и так... Эйфория напрочь снесла барьеры здравого смысла, и, пока девушка непринужденно шутила с мальчишками, внутри нее с ужасом сжималась в комок маленькая птичка с очень большими глазами.

Она повозилась на кровати, устраиваясь поудобней. Провела рукой по подушке, представляя, как тут лежит его голова, как волосы... Интересно, а его прическа такая же аккуратная, когда он спит?

Ей вдруг очень захотелось лечь на эту вот подушку, и вовсе не из-за слабости, просто потому, что... да она сама не понимала почему Долго раздумывать Иллис не привыкла, поэтому тут же осуществила задуманное.

Подушка пахла Кирианом. Тонкий чуть горьковатый запах наводил на мысли о полыни и морском ветре. Особенно если зарыться в подушку лицом и закрыть глаза.

Как он спит, в одежде или без? Бесстыдная мысль промелькнула быстрее, чем она успела ее осознать. И произвела эффект шипучего горячительного напитка, который подавали на балу. Что-то волнительное, пенистое, переливающееся внутри. Хеллес, о чем она думает?!

Чтобы отвлечься, Иллис принялась рассматривать то, что лежало на тумбочке.

Ей было безумно интересно все, что хоть как-то связано с Князем. Еще вчера утром она даже не мечтала о том, что сможет вот так просто взять книгу... Что он читает? Приключенческий роман про древних воинов Ордена? Ой... так смешно и так... мило., и... Из книги с тихим шелестом выпала магография и, перевернувшись в воздухе, спланировала на пол.

Глава 15

Они вышли в коридор, и Кириан осторожно прикрыл за собой дверь. Почему-то вот

именно в эту минуту чувство нереальности накрыло его с головой. Иллис сидит на кровати в его комнате, ждет, пока он дружески (дружески?!) пообщается с Соколом и вернется к ней. Его так поразила эта мысль, что он даже не сразу заметил, что какое-то время они стоят молча и Льен смотрит на него в упор.

— Ей стало хуже сегодня. Почему? — он был готов к обвинениям, если и не таким, как вчера, то довольно резким. Но ему было важно знать. — Это... из-за вчерашнего?

Однако Льен обвинять не стал. Вмиг посерьезнев, он взял Князя за локоть и оттащил подальше от двери, к окну.

И не успел последний возмутиться такому фамильярному жесту, как Льен одним свободным движением запрыгнул на подоконник. Кириану отчего-то захотелось сделать то же самое, но он не стал. А Льен вздохнул и, глядя куда-то между дальних вершин, стал рассказывать:

— Все сложно. Щадить тебя, Князь, не собираюсь — твоя вина тоже есть. Вчера Майс нес ее в купальни, и она туда не попала. А ей обязательно. Лекарь готовит специальные ванны с травами.

Льен по-прежнему смотрел в окно, а Кириан гипнотизировал его затылок.

У нее... серьезные ранения. Она не говорит никому, но я знаю, что она выжила чудом. Много крови потеряла...

— он помолчал, словно решая говорить дальше или нет.

— Я б Орден писал через одного своего... ну, неважно... — узнал, что ее позже всех нашли. Отшельник один подобрал. Местный. Уже и не надеялся никто. Две недели он ее с того света вытаскивал, две недели между жизнью и смертью.

И снова возникла пауза, только слышно было, как тяжело дышит Князь да как бьется в стекло муха на соседнем окне. И почему-то Кириан понял: Льен поделился с ним чем-то таким, чем не делился ни с кем больше. Это был акт такого доверия и признания, какого он даже представить себе не мог

А Льен, будто и не заметив, какую бурю поднял в душе собеседника, внезапно сменил тон:

— Паршивка тоже хороша! Ей сейчас беречься надо, а она только и думает о том, как вернуть форму! До фанатизма. Вот и уводим ее... «под конвоем». По очереди дежури́м. Иначе тренироваться будет, пока не упадет.

Теперь Льен смотрел в глаза.

— Она боится... боится, что не сможет стать как раньше. И... по правде говоря, шансов у нее почти нет.

Пальцы Кириана намертво вцепились в подоконник, но он, кажется, этого не замечал.

— Почему... ты рассказываешь мне все это? Льен слегка пожал плечами.

— Если ей кто-то и может помочь, так это ты. Ну и вербена, конечно, — тут Льен невесело усмехнулся. - Только ее почти не осталось.

Кириан нахмурился. После прорыва вербена стала страшной редкостью. Ее не хватает раненым, Орден тоже извел почти все запасы, а за новым сырьем идти некому. Вроде бы они даже пытались выкупать у населения все проданные снадобья. Но цена подскочила так, что золото у них закончилось еще быстрее.

— Отец уже вытряс в столице всех аптекарей, но это капля в море. Либо требуют непомерную цену, либо вообще не хотят продавать. Благодарность толпы — дело сложное... ладно, это к делу не относится. Главное, ей давали с собой! А она не взяла, потому что там остались те, кому нужнее.

Кириан шумно выдохнул. Иллис...

И тут же разозлился.

— Так какого же ты мне вчера отдал?!

— Это погоды не сделает. А ты хоть на человека стал похож. Немного. Завтра вообще уже можно будет сказать, что рожу чуток на тренировке повредил, а не боксерской грушей работал.

Так, — Кириан нахмурился и потер лоб, что означало глубокую сосредоточенную задумчивость. — Ладно, я понял. Ты мне сегодня будешь нужен, Сайеш. Вечером. И вот еще... Что кроме вербены нужно? Травы? Настойки?

— В основном мозги, — вздохнул Льен, слегка озадаченно, но с интересом глядя на внезапно начавшего распорядиться Князя. — Лекарства у нас есть, осталось всего ничего: вовремя затормозить и заставить следовать предписаниям. Нельзя мерзнуть, нельзя увлекаться растяжкой.

— Тогда ты точно по адресу, Сокол, — Кир чуть растянул губы в самодовольной улыбке.
— Мозги — это по моей части.

— Угу, я вчера заметил. Все, Кейрош, игры кончились, — последнюю фразу Льен произнес ему в тон, сквозь улыбку, но они оба понимали, что за этими несерьезными словами слишком много всего, что вслух так просто не скажешь.

— Какие уж тут, к торку игры, — вздохнул Кир, словно очнувшись от своих мыслей.

— Когда она вечером уснет — будь готов. Пожалуйста.

— Разберемся, — кивнул Льен. — Иди уже... герой-любовник.

Открывшему дверь Кириану предстала чудная картина. Такая, что он даже приостановился в дверях. Иллис сидела на кровати, на коленях раскрытая книга про Орден, и мордашка у нее была... ну точно как у нашкодившего котенка. До того умильная и растерянная, что тут же захотелось немедленно схватить и расцеловать в обе покрасневшие щеки. Кириан изогнул одну бровь в излюбленном ироническом жесте.

Она тут же сделала независимый вид, который делают застигнутые на месте преступления котята. А потом пошла в наступление.

— Интересуешься романами про Орден? - она ткнула пальцем в ту самую книгу, в которую сунула нос минутой ранее. - Как неожиданно.

Он перехватил ее взгляд и понимающе ухмыльнулся.

— Интересуешься магографиями моей любимой женщины? — Князь наконец поднял снимок с пола и теперь разглядывал его, как будто первый раз видел. — Правда, она красавица?

— Не-а, — Иллис насупилась и попыталась выдернуть у него магографию. — Это неудачный снимок!

— Что ты понимаешь б красоте! Ты же дикая, как шиповник, — это должно было бы прозвучать обидно, если бы не взгляд, которым он смотрел на девушку Теперь на настоящую.

— Хотя... если тебя причесать и приодеть, то... то, пожалуй, не все еще пропало. Ай! Вот это было нечестно и недостойно благородного воина!

— А шиповнику можно, — Иллис нашарила на кровати еще одну подушку.

— Шиповник вообще подушками не дерется, это растение! Что у тебя было по природопознанию?!

— А у тебя? Растения еще и не сидят на кроватях, не носят одежду, не целуются...

— Иллис вдруг покраснела, будто сама только что поняла, что произнесла вслух. Смутилась. Машинально провела языком по губам, и Кириан нервно сглотнул.

— Тогда... ты, должно быть, очень редкое растение... — голос его мгновенно осип, и даже шепот получался сбивчивым и прерывистым. — Я бы даже сказал — уникальное.

И очень, очень соблазнительное...

Кириан тут же придвинулся ближе, не сводя глаз с розового остренького язычка, который еще раз провел по нижней губе. Нарочно она, что ли?!

— Угу, уже теплее, а еще я по... — а дальше стало не просто «тепло», а сразу горячо, как в жерле вулкана. Потому что он перехватил сначала подушку, которая тут же отлетела в сторону, а потом и саму Иллис.

Следующие минут десять они не разговаривали. Целовались. Только на этот раз все было по-другому. Не было той болезненной вчерашней страсти, когда хотелось сминать чужие губы своими, сжимать в объятиях до синяков, до боли и ставить свои метки везде, куда только можно дотянуться. Доказывая себе: мой! моя! Сегодня они будто заново познакомились друг с другом, пробовали друг друга на вкус, трепетно и очень нежно.

Иллис плыла сквозь туман этих поцелуев, не чувствуя собственного веса, слоено парила в его руках. Ей было так хорошо, что все страхи и неуверенность растворились все 8 том же тумане, исчезли, забылись.

А его пальцы зарывались в волосы, гладили шею, за ушком, потом плавно переместились на спину, не переставая поглаживать. Она была такая теплая, близкая, такая живая.

И от того, как она вздрагивала, прижималась к нему, отвечала на поцелуи, немного неумело, но с такой неподдельной страстью, его самого нешуточно вело, кружило как в водовороте. Рука сама собой скользнула под ее рубашку, вниз по плечу. Какая же у нее кожа!

И вдруг Иллис напряглась. Кириан чуть отстранился, вопросительно заглядывая ей в глаза, и увидел там, за туманом удовольствия, едва заметный страх. Медленно, страшась испугать еще больше, он убрал руку и провел тыльной стороной по ее щеке. Глубоко вздохнул.

— Я не сделаю ничего, что не понравится тебе.

— Я знаю, просто... я... — нет, она не боялась близости. Но ведь там... там шрамы. Гадкие, уродливые, рваные следы смерти. И нежелание показывать их, а тем более ЕМУ, оказалось сильнее.

Кириан легко коснулся губами ее виска, словно давая понять, что продолжать не обязательно. И преувеличенно бодро предложил:

— А не заняться ли нам... хм... обедом? — неожиданно для себя закончил он, заметив благополучно забытый на столе поднос и вспомнив, что обещал Льену. — Хеллес, мы про него совсем забыли!

— Хи... — разулыбалась Иллис. — Еще один папочка на мою голову? С ложечки будешь кормить?

— Да запросто, — Кириан приподнял бровь, изображая ироничную насмешку. — А потом я отнесу тебя в купальню и на массаж к рессу лекарю. И даже не спорь!

И ни он, ни она не почувствовали тяжелого недоброго взгляда, направленного на них из-за чуть-чуть приоткрывшейся двери. Впрочем, дверь так же бесшумно закрылась, и взгляд исчез.

Глава 16

В комнате четверки примерно в это время царило совсем другое настроение.

— Ушла с Князем? — переспросил Норр. — И ты так спокойно об этом говоришь?!

— Именно. Я ее отпустил, — Льен отложил книгу и посмотрел на Серебряного Принца снизу вверх безмятежно-непроницаемыми глазами.

— Ты... что ты сделал?

— Она не наша собственность. Она взрослая девушка, мастер Ордена. Вы всерьез предполагали запереть ее в комнате против воли?

— Нет, но... Льен, это же ненормально, что она ушла с НИМ! А вдруг он опять сделает ей что-то плохое?

— Твои предложения, Норр?

— Ну, я не знаю, поговори с ней. Тебя она послушает!

— Не послушает. — Льен покачал головой. — И потом, я вовсе не уверен, что должен ее отговаривать. Скорее наоборот...

Габриэль и Майс, к началу разговора как раз только-только просочившиеся в комнату после тренировки, молча следили за диалогом, словно по команде переводя взгляд с одного оратора на другого. Но не вмешивались, чем спровоцировали всегда такого сдержанного и холодноватого Норриана на взрыв:

— Да вы с ума посходили все! И сидите так спокойно! Я понимаю, Иллис не в себе, но ты-то, Льен? Что с тобой случилось, что тебе отказывает здравый смысл? Ты стал доверять Князю?

— А скажи-ка мне, Норр, ты когда в последний раз слышал, как она смеется? — очень серьезно спросил вдруг сокол и прищурился. — Или, может, вспомнишь день, когда она не загоняла себя до полусмерти? Когда кто-то из нас мог уговорить ее съесть весь обед? — Льен помолчал и очень веско резюмировал: — А он может. И обед. И смех. И остановить ее вовремя.

— Это все вопрос времени, — весомых аргументов у Норра не было, но сдаваться он не собирался. — Сейчас она смеется, а когда он наиграется и бросит ее... Плохо это все закончится! — он резко развернулся и вылетел из комнаты, шарахнув дверью о косяк с такой силой, что Гай и Майс дружно подпрыгнули и переглянулись.

А потом вопросительно уставились на Льена.

— Пока не лезьте, — покачал тот головой. — Побегает, сам остынет. Но вообще... Договорить он не успел, потому что дверь снова приоткрылась.

— Сайеш?

Льен подскочил и помог Кириану внести уснувшую девушку в комнату. Князь уложил Иллис на ее кровать за ширму и очень быстро ушел, о чем-то вполголоса поговорив с Соколом буквально пару секунд.

— По крайней мере сегодня она себя не мучила и даже не пропустила бассейн с травами, — резюмировал Льен, когда Кейрош ушел. — Так что... прикроете меня вечером? Есть одно дело.

— Ты уверен в том, что делаешь? — очень осторожно переспросил Майс, вытягивая шею, чтобы заглянуть в уголок Иллис поверх ширмы. — Все же Кейрош... та еще зараза.

— У нее кругов под глазами нет. А утром были, — с каким-то мрачным удовлетворением констатировал Гай из-за его плеча. — Но это не отменяет, знаешь ли... аргументов нашего Принца. Я слежу за Князем, имейте в виду. И если только заподозрю...

Кириан, ежесекундно вспоминая торка и его копыта, продрался сквозь заросли колючек и крапивы к самой стене. И? Зар-раза... Уже почти полночь, ворота академии давно закрыты и будут закрыты до утра. И если через полчаса обнаружится, что он не в парке или где-то возле корпуса, а шастает в неположенное время за территорией... Главное, свои же шум поднимут.

Что имел в виду этот торков Сокол, когда велел лезть в самые — мать их! — густые кусты под засохшим дубом?! Веревку тут перекинет через стену? Да она тут самая высокая!

Кейрош еще раз оглянулся, выдохнул, поставил у ног тихо позвякивающий мешок и дважды затейливо свистнул, пародируя какую-то птицу. Точно как научил его этот... «таинственный незнакомец», чтоб его.

Кириан как раз думал о том, что, проучившись с Льеном на одном курсе семь лет, он умудрялся смотреть и не видеть, и тут земля под его ногами вдруг вспучилась и поползла в сторону, а сам Князь со сдавленным воплем съехал по довольно крутому скользкому откосу в... судя по запаху — в канализацию!

— Какие ты слова интересные, оказывается, знаешь, — откуда-то из темноты донесся голос Сокола. — Иди сюда, только осторожно. Не вляпайся в... ни во что постарайся не вляпаться.

— ...!!! — Кир поневоле вспомнил еще несколько особенных слов, но все же пробрался вдоль отвратно воняющего стока по скользким камням туда, где в темноте чуть брезжил серый свет. — Предупреждать надо!

— Ничего не трогай, сейчас веревку скину. А то твои соседи сильно удивятся твоему новому парфюму.

— Сайеш, вытащишь меня отсюда, и я тебя сразу прибью, — мрачно пообещал Князь, задрал голову, и тут же опять ругнулся, когда ему чуть ли не на макушку свалился моток толстого каната.

— Ты логичен, как никогда, — радостно поздравил сверху гадский Сокол. — Сам подумай, и кто тебя после таких слов будет вытаскивать?

— Даже не буду спрашивать, где ты всему этому научился, ресс тихушник! Мешок прими. Тяни давай... да осторожнее! Там стекло.

— Эм... это что?!

Льен открыл мешок, который передал ему Кир снизу, и тихо присвистнул.

— Кого ты ограбил, Кейрош?! Центральный госпиталь провинции? Не подозревал у тебя навыков матерого уголовника...

— Чья бы... уф... — руку дай! — корова мычала. Сам-то!

Торк, это ж надо было додуматься... в академию через канализационный люк!

— У тебя были идеи получше? Что же не воспользовался, м-м-м? Охрана... усилена... сам... знаешь...

Последнюю фразу Льен говорил, с трудом задвигая тяжелую крышку на место. Потом быстро и довольно бесцеремонно повернул туда-сюда малость дезориентированного Кейроша и удовлетворенно вздохнул:

— То ли оно к тебе не липнет, то ли ты очень ловко уклоняешься. Ладно, уже молодец, что не вляпался. Но этот комплект я б на всякий случай сдал в прачечную сразу.

— А то б я сам не догадался! Надеюсь, ты не заставишь меня раздеваться прямо тут и бежать до комнаты голышом, — хмыкнул Кириан, раскрывая горловину мешка и проверяя, не побились ли банки. — Так. Здесь примерно сорок унций. На первое время хватит? Потом я еще что-нибудь придумаю.

— Сколько?! — Льен аж рот приоткрыл и тоже полез в мешок. Вынырнул из него и уставился на Кириана большими глазами. Кажется, до него только сейчас дошло, что вербены действительно много. По нынешним временам очень много. — Охренеть... ты... ты понимаешь, что сделал?! — переспросил он чуть охрипшим голосом и так посмотрел на Князя, что тот буквально оторопел. — Ты... если все это применить, она почти наверняка сможет восстановиться!

— Только целоваться не лезь от счастья, в морду дам, — грубовато ответил Кейрош, изо всех сил пытаясь скрыть неловкость и смущение. Ему было не по себе от такого непосредственного и искреннего выражения благодарности недавнего врага.

— Да кто кому еще! — засмеялся Льен и ловко ткнул Кириана в здоровый бок. — Пошли, ресс волшебник, отбой даже для старших вот-вот. Я так понял, ты не хочешь, чтобы твои соседи по комнате что-то заподозрили? Сделаем.

«Волшебник, как же, — вздохнул про себя Кир, осторожно пробираясь к тропинке вслед за Сайешем. — Это не волшебство, это всего лишь деньги... и связи отца. Хоть куда-то сгодились...»

Все прошло на первый взгляд безукоризненно. Кириан вернулся в комнату буквально за минуту до отбоя, изобразив короткую перепалку с «вечными врагами» у собственной двери. Что его соседи по комнате и свита восприняли как должное, почти сразу потеряв к этому событию интерес.

Во всяком случае, так казалось самому Князю. Он не заметил одного слишком пристального взгляда и недоброй усмешки.

Глава 17

Кириан откинулся на подушку и уставился куда-то в темноту под потолком. В комнате было тихо, он давно и жестко приучил «свиту» не храпеть, не сопеть и не скрипеть кроватями, так что теперь его мыслям ничего не могло помешать.

На обратном пути из города у него было время подумать. Отец. Его никак нельзя сбрасывать со счетов. Ведь если он сочтет, что Иллис стоит между Кейрошами и престолом, то не остановится ни перед чем. Мысль, что с ней может случиться что-то плохое, доводила Князя до отчаяния.

Что он, Кириан, может противопоставить отцу? Да ничего! Значит, остается одно — обмануть, усыпить бдительность, убедить, что она не опасна, а Кир по-прежнему послушный сын, готовый исполнять волю отца. И ему придется быть чертовски достоверным!

Сегодня перед сном он написал отцу письмо, в котором извинялся за недостойное поведение и сообщал, что Иллис действительно вскружила ему голову. Отец утром чуял ложь, поэтому лгать следовало филигранно, с помощью правды. Также Кир сообщал, что «крепость взята без потерь» и «эти орденские довольно горячие штучки», но в остальном — «ничего особенного из себя не представляют». И это тоже было частью стратегии, ведь именно так он вел себя раньше. Неужели когда-то это было для него нормой? Потом для верности упомянул еще одну девицу и перевел разговор на редкое издание дипломатической переписки, образец которой отец привез ему на прошлой неделе.

Заставил себя перечитать написанное и внутренне содрогнулся. Отвратительно! Но ради Иллис можно и потерпеть. Главное, чтобы отец поверил!

А еще, чтобы раньше времени не полез в финансовую отчетность. Сейчас старший Кейрош слишком занят политикой. Ослабление Ордена неизбежно повлекло за собой перераспределение сил и всплеск борьбы за влияние на престол. Партия отца — один из фаворитов этой гонки. Так что надежда есть.

Может, отец и не обнаружит, что его отпрыск опустошил свой личный счет, да еще и взял огромный кредит под разорительные проценты. Естественно, под гарантию собственного родителя...

Счет наследника пополнялся раз в полугодие. И срок как раз вот-вот подойдет. Если отец все еще будет занят, может и не обратить внимания на несуразно большую цифру 8 отчете... Но тут уж как повезет...

Мечты...

Почему он, самонадеянный болван, умудрился еще раньше спустить в никуда огромные суммы! С какой тоской вспоминалась шляпка и прочие дорогие бессмысленные безделушки! Каким вообще глупцом надо было быть, чтобы покупать все это для Иллис. И как пригодились бы сейчас эти деньги!

Ладно. Ерунда. Неважно. Главное — он нашел и принес вербену. И уже договорился о следующей партии, а также о других травах, список которых дал лекарь.

И утром он снова увидит ее! Слава Эйро, именно завтра у последнего курса академии начинается так называемая преддипломная страда — они будут готовить индивидуальные проекты, сдавать «хвосты», ходить на консультации, работать в библиотеке... а постоянных уроков больше не будет, и это дает гораздо большую свободу маневра. Так что отставить уныние!

Утро началось рано-рано, еще до того, как рассвело. Кириан занял стратегическое место в развилке дерева напротив нужного окна и приготовился ждать. Конечно, некоторым были запрещены ранние тренировки, а тем более прыжки по веткам, но... кто бы сомневался!

— Попалась, птичка, — он поймал непоседу в охапку и сразу заглушил испуганный писк поцелуем. — Кому было сказано не прыгать по деревьям? Кто тут непослушная девчонка?

Иллис хихикнула и обняла его за талию.

— Ну ты же здесь, значит, я никуда не скачу, это ты меня похищаешь. Вот.

— Нахалка, — засмеялся Кир и начал быстро спускаться, страхуя свое слишком шустрое сокровище. Сейчас у него не было желания читать нотации. У него вообще не осталось никаких желаний, кроме как утащить девушку в дальнюю часть парка и там нацеловаться всласть.

— Я соскучилась...

— Я тоже... — уголок его рта растянулся в лукавой усмешке. — Все еще не боишься оставаться со мной один на один в безлюдном месте?

— Я?! Боюсь? — Иллис прищурилась, скрывая янтарно сверкающее лукавство. — А сам не боишься? — Она встала на цыпочки, потянувшись к его губам. — Затащу в темный уголок и съем... я же страшная хищ-ш-шница, ты не забыл?

— Так и вижу себе газетные заголовки! Лучший выпускник Рандара съеден Страшной хищницей. Невосполнимая утрата! — он наклонился, чтобы ей было удобнее дотянуться. И когда они в очередной раз пришли в себя, а это случилось нескоро, Кир вытащил из наплечной сумки припасенный плед. — Ну, пойдем тогда, страшная хищница. Раз ты не из пугливых...

Первым делом Кириан постелил плед на скамейку, чтобы Иллис могла сесть. Но она заупрямилась и усадила туда его самого — под предлогом лечения. А то ей неудобно тянуться, чтобы проверить, как заживают его «боевые раны». Ведь он же хочет побыстрее исцелиться, чтобы помочь восстанавливаться ей?

Аргументов на это у Кириана не нашлось. А потом ему так понравилось «обследование» вперемешку с поцелуями, что он высказал пожелание участвовать в драках каждый день, за что тут же получил по загривку. И, бог знает зачем, обзавелся пластырем на скуле.

Иллис откинула голову, любуясь результатом, хихикнула и вдруг дернула его за прядку надо лбом, заставляя завиток упасть между бровей.

— Так давно хотелось... — объяснила она. — Ой... на, посмотри на себя. — И тихонько хихикнула.

В маленьком зеркале отражался... кто бы это ни был, к Кириану Эса ди Кейрош этот кто-то не имел ни малейшего отношения. Упавший завиток сделал из мраморной маски живое и ужасно хулиганистое лицо. Картину дополнил уже почти слинявший синяк под глазом и разбитая губа. А может, виноваты были глаза. Абсолютно шальные и... практически синие. Синие, а не серые! Как так?!

Кир поправил зеркальце, положив свои руки поверх ее ладошек, и чуть наклонил голову чтобы лучше видеть.

— Это не я, — ошеломленно выговорил он.

— Это ты, — усмехнулась Иллис. — Вот ЭТО как раз ты. А то, что ты видел в зеркале раньше, — неправда.

Некоторое время еще он вглядывался в отражение, потом подмигнул незнакомцу в зеркале — будем знакомы. И засмеялся тихим, счастливым смехом.

Да гори оно все синим пламенем — тревоги, письма отцу, пустой счет... странное и смутное чувство, что за ним следят... Здесь и сейчас он был так счастлив, что больше ничего не имело значения.

А Иллис? А Иллис тоже была счастлива и тоже не хотела ни о чем думать. И меньше всего — о будущем...

Впрочем, опаздывать на завтрак все равно не следовало, и Кириан с сожалением вернул свою «добычу» в комнату тем же путем, каким «похитил». А дальше день покатился своим чередом, надо было брать себя в руки и заниматься. Это тоже входило в «план по маскировке», отец должен был получать только хорошие отзывы о его учебе. Сейчас, когда заниматься нужно не просто само по себе, а ради спокойствия и безопасности Иллис, у Кириана как-то разом все наладилось и с сосредоточенностью, и с памятью.

Да и у Иллис на удивление быстро получилось включиться в учебу. Правда, ее все еще беспокоили собственные тренировки и возможность восстановиться, но и это как-то ушло на второй план.

Она почти все время думала о Кириане. Но и о друзьях забыть не могла. Про Льена говорить нечего, он все понимал всегда. А вот с остальными...

Нет, с Маисом и Габриэлем проблем почти не было. Оба делали вид, что ничего чрезвычайного не случилось. Майс вполне сносно залечил свои раны, так что неудобных вопросов от преподавателей можно было не опасаться. Они по-прежнему заботились о ней и готовы были носить подругу на руках. Но все-таки чувствовалось в них какое-то напряжение. Еле заметное, но все же... В том, как они иногда переглядывались, думая, что она не видит, или отводили глаза, стоило ей произнести известное имя.

А вот Норриан... с ним было сложнее всего. Его пришлось караулить и отлавливать

— Серебряный Принц явно избегал ее общества.

Впрочем, упорства Иллис было не занимать, и она планомерно подкараулила нужный момент, когда в комнате никого не было, а «дичь» все же появилась.

Скрипнувшая дверь пропустила в комнату Норриана. Он уже совладал с собой, но лицо его оставалось хмурым и безрадостным. Погруженный в свои мысли, он даже не сразу заметил, что в комнате есть кто-то кроме него, а когда заметил... резко остановился, забыв закрыть дверь.

Иллис торопливо выбралась из-за ширмы, стараясь двигаться так, чтобы ее хромота была как можно менее заметна. Собиралась было улыбнуться, но улыбка погасла.

— О... привет, — какое-то гадкое чувство неловкости повисло между ними. Две пары глаз молча смотрели друг на друга какое-то время.

— Привет, — непривычным бесцветным голосом ответил наконец Норриан.

Ну нет, так не пойдет. Иллис сдула со лба упавший локон и решительно подошла, взяла за локоть.

— Давай поговорим! — она заглянула ему в глаза.

— О чем? — голос Норра слегка вздрогнул или ей показалось? — Или... о ком? — теперь в глазах парня явственно отразилась боль.

— Да, о нем, — Иллис кивнула. — Прости... я его люблю. Но это не значит, — заспешила она, — что я перестала любить вас!

Все напускное спокойствие Серебряного Принца сняло как рукой.

— Как ты можешь любить его?! Этого мерзавца! Этого... избалованного папенькиного сына! Этого... — он замолк, не в силах подобрать слова, которые в полной мере отразили бы его отношение.

— Не знаю, — Иллис пожала плечами и тяжело вздохнула. — Наверное, потому, что он на самом деле не такой. Норр! — она подняла обе ладони в сдерживающем жесте. — Я помню. Я знаю, каким он был. Но он сильно изменился, понимаешь? Я чувствую.

— Изменился? — взгляд Норра из умоляющего стал вдруг очень жестким. — Нет, Иллис... Такие, как он, не меняются. Только притворяться умеют в совершенстве. Спроси у Льена, сколько девчонок он соблазнил и бросил! Спроси, если мне не веришь! — теперь он почти кричал. А потом вдруг заговорил тихо и взволнованно:

— Он что-то задумал! Что-то недоброе. Он посмеется над твоим чувством, как посмеялся над всеми, кто был до тебя! Послушай меня, пока не поздно!

— Нет, — Иллис вскинула голову, но тут же умоляюще опустила ресницы. — Я не могу. Не могу. Я ему верю. Я его люблю. Пусть будет, что будет.

— Он что-то сделал с тобой! — теперь Норр чуть не плакал. — Опоил тебя чем-то или применил какой-то артефакт. Я не знаю, но я костями лягу, а выясню в чем дело! Торк поberi, Иллис, это же Князь! Иллис...

Иллис не выдержала — подошла вплотную, спрятала лицо у него на груди. — Не надо, родной мой. Ну поверь хоть мне, я же чувствую. И... никакой это не артефакт. Я сама долго не верила, не хотела верить. Думала точно так же, как ты: это же Князь! Какая тут любовь. Но там... — она сглотнула, горько досадуя про себя, что не может раскрыться перед самыми близкими, — когда я чуть не умерла... я поняла, что больше не могу себя обманывать. Я люблю его. И главное — он тоже любит меня, — чайные глаза засветились. — И я так... счастлива! Пожалуйста, пожалуйста! Будь со мной не только когда мне больно, но и когда хорошо! Не бросай меня.

Норр тяжело и обреченно вздохнул, крепко прижимая к себе ее голову. Он ни на минуту не разуверился, что Иллис попала в ловушку. И что закончится это плохо. Но если нельзя ее убедить, то по крайней мере он будет всегда рядом, он будет следить за каждым шагом ненавистного врага. И если не дай бог что... Тебе не жить, Князь! Клянусь!

Глава 18

Время шло, а Князь все никак не мог насытиться обществом Иллис. Он желал видеть ее каждый час, каждую минуту. Как же ему было мало утренних встреч! Это толкало на решительные действия. И скоро Кириан нашел выход. Нашел! И даже кое-что предпринял.

Так что настроение у Князя сегодня было исключительно хорошим. Он только что был у мэтра Грегориана и договорился о том, что они с Иллис могут делать выпускной проект совместно. Редкая удача! Обычно это не разрешалось. Но тут повезло — удалось сыграть на том, что прошлый, тоже совместный их проект, вышел настолько удачным, что был даже послан в столицу и включен в учебное пособие.

Кириан поспешил к Иллис, чтобы обрадовать ее, Уж на секундочку-то Льен вызовет ее из комнаты. Но в коридоре неожиданно столкнулся с Норрианом.

Кейрош сейчас любил целый мир, насколько его вообще можно было любить. И Норра если и не любил, то ссориться не хотел уж точно. Однако последний его настроений явно не разделял. Если судить по тому, как перегородил дорогу плечом.

— Слушай меня, Князь... я слежу за тобой! И если узнаю, что ты сделал ей хоть что-то...

— Знаю-знаю, вначале ты убьешь меня, потом сделаешь так, что о моем рождении пожалеет весь род Кейрош.

Норриан растерянно моргнул. Потом прищурился.

— Я не шучу с тобой.

— Я тоже. Ты всего лишь второй в очереди, но, полагаю, это ненадолго. Очевидно, очередь будет расти?

Словно в подтверждение его слове в дверях нарисовались Майс и Габриэль. Эти двое не проявляли открытой враждебности, но смотрели пристально и настороженно, а Гай так и вовсе сделал красноречивый знак пальцами: «Я за тобой слежу!»

Стражники, карха им в... тарелку с завтраком.

Торк знает отчего, но настроение было испорчено. Улетучилась эйфория. И даже мысль о дипломе не приносила уже такой радости. Что ждет их с Иллис в будущем, если против их союза все: и родственники, и друзья? Отец никогда не одобрит их отношения, а ее друзья его ненавидят. Эта мысль, почему-то раньше не приходившая в голову, болезненной занозой засела в груди. Рано радуешься Князь, слишком рано... Он попытался откинуть эти мысли, потому что в дверях наконец показалось его кареглазое сокровище и наградило его такой улыбкой, что все остальное стало неважно.

Иллис сегодня тоже была в приподнятом состоянии духа. У нее даже глаза сияли почти как раньше. Но при виде Кира немного напряглась — Хеллес, неужели она настолько его чувствует?!

— Что-то случилось?

— Н-нет... то есть да! Нам разрешили делать диплом вместе!

— Так это же хорошо, разве нет?

— Нет Это не хорошо. Это прекрасно! — он подхватил ее за талию и осторожно покружил, заряжаясь, как всегда, ее непревзойденным умением радоваться любым мелочам.

— Понадобятся книги по управлению, экономике. И еще, только не смейся, — по древним философам! Оказывается, у них была совершенно уникальная система экономических связей, и у меня есть пара интересных и оригинальных идей, как их использовать.

Иллис кивнула, потом ее брови чуть сдвинулись, она явно что-то вспомнила, захихикала и объявила:

— Угу, только сразу предупреждаю: будешь опять жульничать, как дам тебе древним философом по кумполу, сразу все оригинальные идеи из головы вылетят!

Кириан не выдержал, радостно хрюкнул, изумился сам себе (как неаристократично!) и быстро, воровато оглянулся — никого? Никого. Коридор пуст... Схватил пискнувшую от неожиданности, а потом захохотавшую девушку в охапку, чтобы через секунду заглушить ее смех самым приятным способом в мире.

Что там дальше будет? Только Эйро знает... а здесь и сейчас они счастливы, и к торку мысли о будущем!

Но уйти от реальности получалось не всегда. Иногда она настырно напоминала о себе и, увы, как правило, неприятно. Прошло еще два или три дня и как-то уже под вечер Кириан запечатал очередное письмо и спустился в общий холл, чтобы оставить его на столе дежурного воспитателя. Утром всю корреспонденцию отвезут в город и отправят по адресу.

«Да, отец, ты понял все правильно. Ни к чему не обязывающая интрижка, удобное развлечение прямо под боком. Хорошо помогает снять напряжение в столь сложный период. Просто удача, что ее прислали в Рандар! И не волнуйся, я предельно осторожен — не допущу никаких сплетен. Сейчас, когда до нашей победы всего шаг, я все время на чеку».

Главное было не думать, что он пишет об Илье. Иначе рука сама тянулась скомкать кощунственные строки, разорвать на тысячу кусочков, уничтожить все, что может хоть сколько-то запачкать ее.

Но отец, судя по всему, поверил предыдущему посланию, и успех следовало закрепить. Оставив письмо в специальном ящике, вместе с грудой таких же, Кириан вздохнул и вышел наружу, в парк. Уже стемнело, и можно было погулять под окнами корпуса, словно невзначай поглядывая на желтый светящийся прямоугольник. Жаль, в это время Иллис там не покажется... Она уже, скорее всего, спит, потому что бдительный Льен утащил ее после массажа сразу в кровать.

Они вообще толком виделись только ранним утром, вставая ни свет ни заря и пользуясь каждой стремительно пролетающей минуткой до подъема. А днем, увы, следовало соблюдать конспирацию. Легенду о легкой интрижке, не выставляемой напоказ, надо подтверждать. На тот случай, если за ним в самом деле организована слежка. А еще... он и правда не хотел, чтобы о его Иллис пошли хоть какие-то слухи.

Жаль, что Князь этим вечером слишком долго гулял по парку и не видел, как отлучился ненадолго дежурный воспитатель и в полутемном холле к его столу скользнула тень в форме ар'гарда. Впрочем, она задержалась у стола не более чем на пару секунд и быстро ушла в боковой коридор.

Впрочем, счастливое неведение имеет свои преимущества.

Еще почти целый месяц ничего не нарушало их счастья. Они жили одним днем, радовались каждой минуте, отменяя мысли о грустном. Кириан, как ему казалось, успешно морочил голову отцу, усыпив его подозрительность, и даже удостоился сдержанной похвалы. Деньги на счет пришли, хотя тут же и ушли — в счет погашения долга и процентов. Да и торк с ними!

Иллис действительно быстро поправлялась. Она, конечно, попыталась выяснить у штатного лекаря, откуда вдруг такое богатство — вербена в неограниченном почти количестве. Но тщательно проинструктированный Льеном и вступивший в этот заговор мастер Даираш строго цыкнул на пациентку, заявив, что ее дело дело лечиться, а не вопросы задавать.

Девушка побухтела и смирилась, тем более что в самой глубине души не могла не вздохнуть с облегчением. Ведь это означало, что она сможет тренироваться еще интенсивнее и вернуть форму быстрее!

Ей, правда, приходилось все время воевать за право над собой издеваться. Четыре няньки сторожили ее получше лекарок из Ордена. А теперь еще и Кириан, перехитрить которого было не просто. Причем с каждым разом все труднее и труднее, потому что он запоминал ее хитрости и разрабатывал контратаки!

Но даже этого было недостаточно, чтобы она сдалась и прекратила тренировки. Да, они все правы, да, наверное, можно больше отдыхать. Но внутри нее будто бесконечно звучала туго натянутая струна беспокойства. Непроходящее ощущение, что время утекает как песок, что его все меньше и меньше. Для чего? Почему? Она не знала. И тем более не могла этого объяснить парням. Но твердая уверенность в том, что если сейчас расслабиться, положиться на природу и не продираться сквозь боль и всепоглощающую усталость, то она опоздает, не успеет что-то важное, никуда не исчезала.

С каждым днем разминочные и разогревающие упражнения получались легче. Кириан, который теперь упорно сопровождал ее на каждую утреннюю тренировку, отлично видел, как мучительны для нее некоторые упражнения. И, конечно, не был доволен таким положением дел. У Иллис бледнели губы и глаза становились тусклыми. Но она продолжала, с упорством воды, смывающей горы, повторять и повторять непокорное движение.

Кириан смотрел на это безобразие все с большим и большим беспокойством. И почти каждая такая тренировка заканчивалась одинаково. Вот как сегодня.

— Иллис, может, остановимся на этом? — не выдержал он в очередной раз, бросая собственную разминку, когда она застонала сквозь стиснутые зубы.

— Нет! — коротко, чтобы не потерять дыхание, ответила Иллис. Сейчас она не склонна была шутить или дурачиться. Есть цель, есть путь, и она, как всегда, шла до конца любой ценой.

Кириан вздохнул — вот же упрямая! И как ее остановить?

В глубине души он понимал Иллис, более того, был уверен, что на ее месте и он бы также... Но смотреть на это со стороны не было никаких сил!

— Тебе нельзя перегружаться, ты же знаешь. Завтра чуть больше сделаем...

— Нет! — тем же тоном, с тем же выражением лица. Как у тарана перед ударом по воротам!

Заставить Иллис остановиться могли только подломившиеся колени. До тех пор даже любовь была бессильна.

— Пожалуюсь Анелле... и рессу Даирашу! Пропишет тебе постельный режим и вдвое больше массажа, будешь знать! — Кириан потихоньку начинал закипать.

— Только попробуй! — опять сквозь зубы, между двумя выпадами, последний из которых закончился тихим вскриком и совсем побелевшими губами.

— Все! Хватит! — Кириан, потеряв всякое терпение, прервал движение на середине и двинулся к Иллис. — Я тебе не позволю угробить себя!

— Не мешай! — девушка привычным движением уклонилась от «препятствия» и продолжила каскад выпадов, закончившийся громким вскриком и падением на колено. Раненая нога подвернулась-таки в самый неподходящий момент

— Вот чего я не могу понять, — с сердитым волнением проговорил Кириан, поднимая ее на руки и осматривая поляну на предмет где бы лучше сесть, — как тебя такую упрямую вообще в Орден взяли?

— Молча! — свирепое золото плеснуло ему в лицо из-под ресниц. — Отпусти, я не закончила.

— Чего захотела! Мертвая ты мне не интересна, поняла? — и он обхватил ее еще крепче — с этой кошки станется... вырваться начнет.

— Ах, не интересна?! — кажется, она и не расслышала, что он сказал, и повторила-то скорее механически, поскольку занята была другим. Крутнувшись в его руках, она почти упала, в последний момент с негромким вскриком боли спружинив на руках, откатилась в сторону, по-змеиному стремительной подсечкой отправив его в такой же недолгий полет.

— Видел? Я еще вполне могу... все!

От неожиданности Кириан не успел среагировать. Но одновременно с тем, как он вскакивал на ноги, его заполнил до краев злой азарт. Хочешь драться, птичка... ну что ж...

Через минуту возмущенно шипящую дикую кошку спеленали ее же кителем, взвалили на плечо и неумолимо потащили в лазарет. На массаж! Благо, ресс Даираш занимался лечением строптивой орденки не в главном корпусе, куда ее пришлось бы нести через холл, а в здании, где размещались преподавательские купальни. Ему выделили специальный «реабилитационный кабинет». Туда упрямыцу можно было доволочь под прикрытием густых зарослей, чем Кир и воспользовался.

У входа в здание купальни их поймал Льен.

— О! Ну, в целом одобряю, — насмешливо прокомментировал он висящую попой кверху на плече Князя строптивцу. — Ресс Даираш уже ждет. Кстати, Иллис, радостная новость для тебя: прогресс настолько заметен, что если будешь вести себя хорошо и соблюдать режим, то с завтрашнего дня сможешь полноценно вернуться в строй курсантов. У тебя сразу дежурство по двум направлениям — общее по академии и на

полосе. Правда, — тут он хитро усмехнулся, — хотя бы в «Арсенал» тебе заглядывать не придется, все, от первачков до ар'гардов, выучили график дежурств, и в твою смену нарушителей не будет. Ни одного! Все заранее приготовились и зачистили «хвосты».

— Паразиты, — сумрачно прокомментировала спущенная с плеча Иллис и мстительно пихнула наглого Князя-узурпатора локтем в бок. Но потом не выдержала и улыбнулась. — Хоть какая-то польза от моего дежурства.

— Да, в основном тебе придется второму дежурству внимание уделить, полосу препятствий у малышни проверить перед тренировками и зачетами, — пояснил Льен. — Это не сложно, там только внимательность нужна. И лучше трижды перепроверить, чтобы потом никто из малышни не навернулся. Справишься, у вас в Ордене наверняка такое было.

— Конечно, — легкомысленно кивнула Иллис.

Если бы она знала, чем обернется это ее дежурство по академии... предпочла бы проболеть до самого выпуска.

Глава 19

Но Иллис об этом даже не догадывалась. Следующий день прошел отлично, никаких особых происшествий — и да, никаких нарушений среди курсантов и ар'гардов. Идеальная дисциплина.

Ко всему прочему, когда она вечером отправилась проверять полосу препятствий, Кириан умудрился незаметно для остальных просочиться на полигон вместе с ней. Ну понятно, проверять готовность трассы вдвоем было приятнее... а еще надежнее, потому что Иллис умела не отвлекаться на романтику, пока не окончено дело, и Князь оказался в этом не хуже. Они проверили все трижды, страхуя друг друга. И только потом позволили себе то, что хотелось.

Потом Иллис сдала дежурство и, получив послание из Ордена, чему-то страшно обрадовалась. Быстро получила увольнительную в канцелярии и улетела в город, где была назначена встреча с посланником из пограничья. Своим нянькам и Кириану она обещала по возвращении шикарный сюрприз.

Однако сюрприз, приключившийся уже следующим утром, приятным назвать было сложно.

Началось с того, что в академию внезапно приехал инспектор из столицы. С внеочередной проверкой. А потом...

Норриан вломился в библиотеку и, не оглядываясь, прямым ходом направился к столу, за которым сидел Князь. За ним с встревоженным лицом вбежал Льен, а следом и остальные двое.

— Ты! — Серебряный Принц был не похож сам на себя — волосы растрепанные, лицо в красных пятнах, дышал тяжело и бурно. — Мразь, я так и знал, что ты не просто так к ней липнешь! Это ты всё устроил!

Его слова были встречены недоуменным взглядом, который быстро сменился улыбкой. Кир, которому уже давно надоели враждебные взгляды и тихое шипение в спину от вечного соперника, теперь откровенно забавлялся.

— Чудесно выглядишь, Норри! — он демонстративно окинул разъяренного парня взглядом с головы до ног. — А вот изъясняешься непонятно. Не будешь ли ты так любезен пояснить, что «всё» я устроил и к кому именно я липну? Я сегодня что-то не в настроении разгадывать загадки...

— Ах ты!

В челюсть Кириан не получил по двум причинам: оказался готов к такому повороту, причем не только он. Льен успел перехватить кулак своего соседа.

— Какой ты, оказывается, горячий, Норри! Кто бы мог подумать?.. Наш ледяной Принц...

— Заткнись, — оборвал его выступивший из-за спины Норриана Габриэль. — В том, что ты урод, мы и так не сомневаемся. — Он сверлил Кейроша взглядом, словно пытался высмотреть что-то внутри него. — Полчаса назад первачки покалечились на полосе. Иллис вчера дежурила и проводила проверку. Дальше объяснять?! Ей грозит взыскание! Твоя работа?!

— Конечно моя, чья же еще — Кириан притворно вздохнул. Он пока не успел осознать случившееся, просто привычно среагировал на нападение вечных врагов.

— Даже странно, что у вас есть сомнения на этот счет. Не пойму другое — почему же вы, как истинные рыцари, до сих пор не кинулись спасти прекрасную деву? Взять вину на себя — это так благородно...

Реакция на его слова была несколько неадекватной... Во всяком случае, ему так показалось. Норриан в последнее время совсем съехал с катушек, на людей бросается...

Вот и сейчас бросился, чуть ли не рыча:

— Я говорил! Я говорил вам, что эта твар-р-р-рь морочит ей голову, только чтобы нагадить нам! Я говор-р-р...

— Хватит! Нашли время устраивать разборки! — Льен это так рявкнул, что на секунду все опешили. Льен никогда в жизни не повышал голоса! Он повернулся к Кириану, и от одного выражения его лица улыбка сползла у того с губ.

— До тебя не дошло, похоже. Повторяю. Сегодня на полосе серьезно пострадали трое младших. Несоблюдение техники безопасности при наладке препятствий, — Льен говорил спокойно, даже слишком спокойно, ни на секунду не отрывая взгляда от Кейроша. Словно проверяя его реакцию на свои слова. — Иллис несет за это ответственность. И ей грозит дисциплинарное взыскание. Высшее дисциплинарное взыскание. Ее подставили. И тот, кто это сделал, действовал очень продуманно.

Габриэль, который все это время не сводил глаз с Князя, отслеживая малейшие изменения, очень четко увидел: зрачки у Кейроша расширились по мере услышанного. И ухмылочка эта его идиотская исчезла.

На смену ей пришла озабоченность, быстро переходящая в ужас. Князь на глазах стал белым, а потом, кажется, даже посерел.

Взыскание?! Иллис подставили?! Но кто?!

Окончание речи Льена Кир не дослушал. С грохотом отлетел куда-то за спину стул. Скрипнули по полу ножки тяжелого стола, который так легко с дороги не убрался, но все равно сдвинулся. Едва успел шарахнуться с прохода Майс, и о том, что тут секунду назад был Князь, напоминал только стремительно удаляющийся грохот подкованных сапог по коридору.

— Кажется, не он, — подвел итог Майс, потирая плечо.

— Не верю, — Норриан упрямо мотнул растрепанной гривой. — Наверняка он тут замешан. Даже если не сам! — Норр почти кричал на друзей, видя их скепсис. — Все равно наверняка как-то замешан! Все из-за него!

Льен, о чем-то напряженно размышлявший все это время, решительно повернулся и зашагал к двери.

«Как такое могло случиться, мы ведь вчера так тщательно все проверили?! Вместе!» — мысли бились в голове, отдаваясь в висках болью.

Кириан мчался по лестнице, расталкивая встречных, как не бегал никогда в своей жизни. В канцелярию! Все выяснения потом, сначала к ректору! Однако перед самым кабинетом затормозил. Что толку являться к ректору, не зная подробностей? Надо все очень четко продумать. Идиот! Нельзя так поддаваться эмоциям. Чуть все не испортил!

Через полчаса он появился в том же коридоре, внешне куда более спокойный, хотя по-прежнему бледный. То, что удалось узнать, не утешило. Кто-то подменил амулет воздушной подушки в конце полосы на разряженный. Он видел этот амулет — вчера они с Иллис оставляли там другой, исправный!

Трое мальков, которым не повезло быть первыми, упали, прыгая с высоты трех метров. Двое в лазарете, третий пострадал серьезно — пришлось отправить в городскую лечебницу.

Торк! Позже он выяснит, кто это сделал, обязательно выяснит, не будь он Кириан Эса ди Кейрош! А сейчас он знает, что делать. И уже кое-что предпринял. Осталось сделать последний шаг...

Голос мастера Грарарда, поднимающегося по лестнице, заставил его вздрогнуть. Он словно отвечал его мыслям. Но с ректором кто-то еще? Князь мысленно выругался. «Кто-то!» Это, без сомнения, инспектор, торк его задери! Принесло его именно сегодня! Это все осложняет... для Иллис. А для того, что задумал Кириан, может, так даже к лучшему.

— И речи быть не может! — скрипучий голос приближался. — Это вопиющее безобразие, ресс ректор, и я настаиваю на том, чтобы виновная была наказана по всей строгости! Если у этой рессы хватило ума заявиться в высшее дворянское учебное заведение, она должна была подумать о том, какая это ответственность! — Скрипучий сарказм усиливался. — Здесь ей не салон с вышивками, где невнимательность и небрежность отразятся разве на чем-то неправильно пришитом воротничке!

— Я бы попросил вас, — твердо оборвал скрипуна голос генерала Грарарда. Собеседники показались из-за поворота лестницы — сухощавый и сморщенный, словно гриб, инспектор и массивный, с точными плавными движениями воина ректор.

— Что вы здесь делаете, курсант? — недовольно спросил он, наткнувшись на вытянувшегося по стойке смирно Кириана, застывшего прямо у них на пути.

— Курсант Эса ди Кейрош! — отрапортовал Кир согласно уставу. — Ресс, разрешите доложить: произошло недоразумение! За происшествие на полосе испытаний ответственность несу я!

На несколько секунд стало очень тихо. Эту необыкновенную тишину как железом по стеклу разрезал скрипучий голос инспектора, полный едкой иронии:

— Вот это новости! Генерал Грарард, а в вашем... заведении хоть что-то делается по уставу?

И без того каменное лицо ректора застыло еще больше, и коридор выморозило от одной короткой фразы:

— Объяснитесь, ар'гард!

— Проверкой полосы препятствий занимался я, ресс! Мы с ар'гардом ди Рианн поменялись дежурствами на полосе. Мне нужна была увольнительная, ресс. Вне очереди. И ресса Иллис любезно согласилась пойти мне навстречу, подменив меня в будущем.

— Понятно, — ответ ректора был короток и сух. — Инспектор? У вас еще есть вопросы?

— Да нет, — насмешливо скрипнул сушеный гриб. — Мне все ясно. Бар-р-р-рдак! — неожиданно рывкнул он на весь коридор.

— Я требую, чтобы виновный был наказан по всей строгости, — также неожиданно вернулся он к спокойно-скрипучему тону. А потом, непримиримо поджав губы, закончил: — На сегодня я видел достаточно. Я приеду завтра и лично прослежу за тем, чтобы не было никаких поблажек.

Глава 20

Генерал впери́л в парня тяжелый, словно прожигаящий до костей взгляд. Никогда еще

ректор Грарард не смотрел так ни на одного своего подопечного. И слова его падали в тишину тяжело и гулко, как гранитные камни в колодезь.

— Я в вас ошибся, ар'гард, — Грарард прожег вытянувшегося по стойке смирно парня очередным уничижительным взглядом. — Меры надо было принимать еще осенью.

Кириан был готов ко всему, но не к этим словам, и, видимо, на его лице это отразилось. Потому что уже почти отвернувшийся генерал притормозил, чуть поморщился и все же продолжил:

— Тогда все обошлось, и я уступил настоятельной просьбе не поднимать шум. Не стал выяснять, по какой такой причине одна... один из курсантов настолько отклонился от маршрута, что чуть не погиб! Я был не прав.

Он нервно заложил пальцы за лацканы камзола и покачнулся с пятки на носок, нависая над Кирианом, словно скала перед обвалом.

— Сейчас же из-за вас пострадали дети. А кроме того, невиновну... невиновного едва не приговорили к самому суровому наказанию за всю историю академии. Если бы у вас не достало совести признаться... — генерал тяжело сглотнул. — Если бы я узнал об всем после... вы дня не остались бы в Рандаре. — Ректор на секунду замолчал, словно с трудом сдерживая не самые приличные слова. Потом продолжил:

— Раз вы пришли и признались, не все потеряно. Хотя ни о каком доверии к вам речи быть теперь не может.

Тяжелая пауза затягивалась, рождая у генерала смутное чувство неправильности. Кириан реагировал... странно.

Раздраженно передернув плечами, генерал обошел застывшего Кейроша словно неодушевленный предмет и направился к своему кабинету. Только в последний момент с горечью бросил через плечо:

— Как я мог так ошибаться! Я считал тебя надеждой выпуска, а ты... ты подставил нас ВСЕХ под удар. Я не знаю, как ты мог допустить такую небрежность. И не хочу знать. Твоего отца я поставлю об этом в известность. Дежурный! — Норриан, принявший сегодня дежурство из рук Иллис и сейчас незаметной тенью следовавший за ректором, машинально вытянулся. — Примите у курсанта Эса ди Кейроша пояс и нашивку и проводите в карцер.

Норриан вздрогнул. Пояс — понятно и привычно, но нашивку выпускника... А ректор тем временем снова обратился к Кириану:

— Я не стану заступаться за вас перед инспектором, курсант. Даже если он потребует публичного наказания!

Уже больше получаса они молчали. От кабинета шли молча. В карцер спускались молча. Молча занимались «процедурой ареста» и оформлением бумаг. Норр поймал себя на том, что его безумно раздражает это молчание, а особенно — каменная физиономия Кейроша и его отсутствующий вид, в котором ему чудилось высокомерное презрение.

Даже в «серость», мешковатые штаны и рубашку из грубой ткани, которую выдавали в карцере вместо обычной курсантской формы, Князь переодевался машинально, витая в облаках.

Норр зло втянул воздух сквозь сжатые зубы. Допрыгался, Князек! Да, Иллис он спас, все так!

Но если бы не этот надменный гад, она и не попала бы в беду! Это он, сволочь, вчера вызвался помогать ей на полосе и проворонил неисправный амулет — Норриан был в этом уверен.

Так что благодарить Князя не за что. Норр бросил на арестанта недружелюбный взгляд. Кейрош остался безучастен.

Норр раздраженно захлопнул дверцу в решетчатой стене, разделявшей помещение

карцера на дежурку и собственно арестантскую камеру, оставляя в «клетке» этого... Князя, вместе с его надменными рожами и непонятными мыслями.

Этот звук выдернул Кира из задумчивости, в которую он был погружен всю дорогу до карцера. Дело сделано — ректор ему поверил. Какую цену предстоит заплатить за это, лучше пока не думать. Главное, что это произойдет не с Иллис.

Он грустно улыбнулся. Где ты сейчас, мой рыжий чертенок?.. Стоит тебе уехать даже на день, как в моей жизни начинается кошмар. Но как же хорошо, что именно сейчас тебя тут нет, ты бы ни за что не позволила мне...

Генерал сказал ему много всего. Но почему-то сейчас Кириана беспокоило в словах ректора только одно. Что-то он сказал... сказал про... осень? Маршрут? ЧУТЬ НЕ ПОГИБЛА?! Торк! О чем он думал всю дорогу?! Почему не спросил?!

Князь вскинулся и словно только сейчас обнаружил решетку, отделившую его от всего остального мира и от возможности выяснить то, что моментально лишило его самоуглубленного спокойствия. Торк! То-о-о-орк...

И тут его глаза зацепились за еще одну фигуру, присутствующую в помещении. Кир будто очнулся и заметил, что здесь кто-то есть, и этот кто-то... Норриан! Который уже направился к двери, собираясь уходить!

— Майрис, стой! — Норриан вздрогнул и обернулся через плечо.

— Что случилось осенью во время игры? — вопрос был такой неожиданный, что Норр даже не сразу понял, о чем идет речь.

— Ректор сказал, что Иллис чуть не погибла. Как это произошло? — Князь не просил, он требовал ответа, глядя в упор сквозь разделяющие их железные прутья.

У Норриана непроизвольно сжались кулаки и сузились глаза. Он медленно развернулся.

— Ах, ты хочешь знать как?.. Интересно стало, наконец?! — почти прошипел он. — Ну что же... я тебе расскажу... — и шагнул вплотную к решетке. — Я тебе расскажу, скотина, как ты ее уже один раз чуть не убил!

Кириан от неожиданности чуть отпрянул и непроизвольно моргнул. Что? Что несет этот...

— Что ты мелешь? — теперь голос Князя звучал уже не так уверенно, как минуту назад.

Но Норр не обратил на это никакого внимания.

— Я «мелю» исключительно то, что ты попросил, — издевательски поведал злой, как голодный удав после зимней спячки, Норриан. — Или ты думал, что подмену карты никто не заметит? А не-е-ет! Ты ведь больше заботился о том, чтобы это нельзя было доказать! Как и любую из твоих «милых безобидных шуточек»! — он бросал фразы как ядовитые колючки, прицельно и безжалостно. — Отправить эту «много о себе воображающую» по ложному маршруту, пусть поплутает, дурочка... а я посмеюсь. Что, не твои слова? Или мысли? И плевать, что маршрут не проверенный! Подумаешь, девчонку по этой карте занесет прямо в заросли нерха и ее лошадь взбесится! Ах, там еще и горная местность? Так это еще веселее, правда? Овраги и оползни на каждом шагу... но ради забавы-то... да и орденских вообще не жалко! — Норр так разошелся, что уже орал каждое слово в лицо соперника, не сдерживая гнева. — Ай-Торский карниз — знаешь такое место, Князь?! Или ты не читал карту, когда прокладывал ей маршрут поинтереснее? Ай-Тор! Лошадь сбросила ее с обрыва в Ай-Тор!

— Не может быть... — потрясенный Кир замотал головой, — этого не может быть...

Вопреки своим же словам, поверил он сразу. Ай-Тор... ущелье, славящееся своими крутыми обрывами. Он и правда видел тогда это название на карте, но даже не задумался, не придал значения! Нерх... Иллис чуть не погибла по его вине!

Эта мысль прошла его ледяной иглой, заставив руки с силой сжаться на холодном железе. Перед глазами, как страницы книги, перелистываемые в обратном порядке:

Иллис в перепачканной одежде, артефакт, меняющий карту... Вот оно, наказание — узнать об этом сейчас. О том, что чуть не убил самого дорогого на свете человека.

Почему, почему ты ничего не рассказывала мне об этом? Не хотела огорчать, и ты ведь совсем не сердилась на меня, верно? Ректор прав, я не стою... ничего не стою... и особенно тебя!

Кириан медленно, как во сне, отступил от решетки и сел, почти упал, на жесткую скамью у стены, застеленную серым колючим одеялом. Запустил обе пятерни в волосы, впервые на памяти Норриана так небрежно разрушая свою элегантную, волосок к волоску, прическу. Согнулся к самым коленям, пряча лицо.

— Как... как она выжила?

Этот хриплый, сдавленный голос был Норру совсем незнаком, и потому он ответил далеко не сразу.

— Случайно. Ее вынесло на маршрут к Маису, и он успел в последний момент.

Глава 21

Норр прикусил губу Это было странно и очень... неприятно, но вместо удовлетворения — по заслугам гаду! — он почувствовал, что этот разом погасший, раздавленный парень, который ничуть не напоминал гордого Кейроша, умевшего даже в убогой «серости» оставаться Князем, будил в душе вовсе не торжество, а какое-то тягостное тоскливое недоумение.

Норриан продолжал рассказывать, вполголоса, без прежнего гнева и запала:

— Майс ее подхватил в самую последнюю секунду. Но там же оползни, сам знаешь... карниз обрушился прямо под ногами.

Торк! Прямо страшно продолжать. Лицо у Князя стало как... у покойника.

— Не знаю, каким чудом Иллис все же уцепилась за торчавший корень, но они висели на нем... и ругались, — Норриан вдруг улыбнулся, совсем чуть-чуть, краешком рта. — Майс собирался героически погибать в одиночку. А она обзывалась на него словами, которые я тебе и повторять не буду, и обещала прыгнуть следом, если он только попробует

Наверное, Князь сейчас в красках представлял картину, потому что даже глаза закрыл, но по лицу скользили тени, все глубже залегая под глазами.

— В общем... мы успели вовремя. Вытащили обоих... Так что это все благодаря тебе, Князь, - закончил Норр неожиданно. — Без тебя бы мы, наверное, так близко с ней... не сошлись. Особенно Майс, не зря же она с ним под обрывом обнималась!

Кириан юмора не оценил, даже казалось, не заметил. Для него время как будто остановилось. Перед глазами стояла одна и та же картина — так, как если бы он видел это все своими глазами. И он четко понимал, что не сможет ее забыть. Никогда в жизни.

Его трясло. Что бы ни ждало его в ближайшем будущем — всего этого будет недостаточно. А собственно, что его ждет? Вероятнее всего, публичная экзекуция. Унижение, которому не подвергался ни один курсант с незапамятных времен... Но даже этого будет мало за то зло, которое он причинил Иллис 8 прошлом!

— Я... — прошептал Кириан, не понимая, что говорит это вслух. — Она... я ее не стою...

— Да, — подтвердил Норриан и пошел к выходу. Уже в дверях на секунду затормозил и добавил: — Не стойшь. Ты ничего не можешь ей дать, только проблемы. Уверен, что вчера именно ты пропустил разряженный амулет, а она доверилась тебе и не стала перепроверять. Так что... все это, — он обвел рукой карцер, — ты заслужил.

Кириан остался стоять посреди камеры, зябко обхватив себя руками, будто стараясь зажать в них все свои проблемы. И страх. Кир, словно маятник в старинных часах,

колебался между мыслями о заслуженности завтрашнего дня и ужасом перед ним. Но хуже всего была неопределенность. Она то заставляла его вскакивать с кушетки и вышагивать по крохотному пространству между решеткой и лежанкой, то без сил падать обратно.

Через какое-то время Норр принес ужин и молча поставил его на стол, мельком покосившись в сторону заключенного. Кир скользнул по ужину равнодушным взглядом. Оба не проронили ни слова.

Как сквозь сон слышались какие-то шаги, приглушенные голоса, потом все смолкло... Время превратилось в тягучую патоку, липкую и приторную, как ядовитый горный мед.

Потом дверь снова скрипнула.

— Князь?

Кириан медленно поднял голову.

Вайрис. Вот уж кого он не ожидал тут увидеть. Что ему нужно?

Отвечать он не спешил. Только чуть поменял позу придав ей небрежность. Вайрис сам сейчас все выложит. Как обычно.

Чуть рыжеватый, достаточно высокий и, как любой выпускник, хорошо сложенный, Вайрис мог многим показаться даже красивым. Правильные черты лица, осанка, умение двигаться. Но все это вместе получалось каким-то... никаким. Словно слегка стертым. Взгляд скользил мимо, не задерживаясь, как по серому фону — к более ярким контурам и картинкам.

Он всегда был на втором плане. Смеялся чужим шуткам, участвовал в проказах или развлечениях, придуманных другими. В основном, конечно, Кирианом. С первого курса был рядом, помогал, поддерживал, почти прислуживал. Стал привычной деталью пейзажа, на которую Кейрош уже не обращал внимания, используя по мере необходимости.

— Князь, у меня мало времени! — торопливо начал посетитель, опасливо оглянувшись на дверь. — Эт-тот... его вызвали к ректору видимо, чтобы вручить твой приказ... Он с-скоро вернется и зачитает тебе. Т-так что слушай! — Вайрис даже слегка заикался от волнения и торопливости. — Я тебе помогу! Я поговорю с нашими, мы подтвердим, что тебя и близко не было на полосе... Это наверняка ошибка! Я же точно знаю, что ты тут ни при чем, так что...

— Очень мило с твоей стороны, Вайрис, но я не думаю, что ты что-то знаешь, причем «точно». Мне не нужна помощь! — Кириан пристально наблюдал за посетителем. И что-то в тоне того ему не нравилось. Надо побыстрее от него отделаться.

— В смысле — не нужна? — опешил парень. — Князь, ты рехнулся? Ты соображаешь, что с тобой завтра сделают? Очнись! Если мы сейчас пойдем и скажем: орденская... да никто не докажет, что это твоя вина! Я вообще не понимаю, почему ты здесь, с чего они взяли...

— С чего? — Кир перебил Вайриса, не дожидаясь, пока тот закончит. — С того, что я им это сказал! Не вмешивайся не в свое дело и остальным передай. Ясно?

Бегающие глаза Вайриса и эта его неуместная услужливая настойчивость били по натянутым нервам. Принесла нелегкая!

— Что сказал? — не понял тот. — Кому сказал? И тут до него медленно начало доходить...

— ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ? — неожиданно заорал Вайрис, на глазах преображаясь. Сочувствующего волнения в его облике не осталось и следа. Как и той бледности, полустертости. Глаза загорелись злобой, четко очерченные губы искривила какая-то незнакомая гримаса.

— Ты признался? Вместо нее, да? Торк! Болван! Осел влюбленный! — Вайрис вцепился

себе в волосы и заметался вдоль решетки, временами кидая на опешившего Кириана взгляды, полные ярости. — Ты хоть понимаешь, что после такого пойдешь на дно? Все, к чему мы стремились, полетит к торковой тетушке?! Кто поставит у власти человека с такой репутацией?! А тем более доверит престол?!

— Ах во-от что тебя беспокоит. Как же я сразу не догадался! — Кир коротко рассмеялся, и его смех, отражаясь от низких стен и потолков, прозвучал немного зловеще. — Репутация! Слушай меня, Вайрис. Слушай и запоминай. Можешь даже записать и вывесить плакат на главных воротах: мне плевать на мою репутацию и на власть тоже! И тем более на этот идиотский престол, пропади он пропадом! Понял?! Запомнил?! А теперь — пошел вон!

Вайрис остановился прямо напротив Кириана, прожигая его ненавидящим взглядом. Он тяжело дышал и сжимал кулаки.

— Да что же в ней такое, в этой девке? — с яростным непониманием спросил он. — Отчего вы все с ума сходите? Обычная, даже не особо красивая... потаскушка! Безродная, да еще и орденская! Сначала эти четверо, но они — ладно, но ты, Князь! Ты тоже как с ума сошел, стоило появиться этой маленькой дрянью! Ну ладно, повалял ты ее по кустам... не первая и не последняя, так с чего же ты... — Вайрис словно не мог остановиться, изливая на собеседника свое негодование. — Да я половину твоих девок после тебя перепробовал — ничего особенного! И эта... такая же, только строит из себя недотрогу! Я все рассчитал! Все подготовил! Я учел все! Все, кроме одного растерявшего мозги кретина, которому приспичит подставляться ради безродной рыжей шлюхи!

Лицо Кириана, в полном ошеломлении выслушавшего эту речь, изменилось. Усмешка исчезла, как будто ее выключили. Тонкие ноздри раздулись, глаза сощурились так, что превратились в две щелочки, пальцы на решетке резко сжались.

— Ах ты, мерзкий слизняк! Да как твой паршивый язык смеет даже касаться ее?! Заткнись — или я вырву его с корнем! — Кир с силой тряхнул решетку, которая так сейчас ему мешала.

— Не ори, — спокойно оборвал его Вайрис. Спокойно и где-то даже насмешливо. И продолжил: — Ладно... придется менять план по ходу дела.

Глава 22

Несколько секунд Вайрис стоял и о чем-то раздумывал, временно не обращая внимания на пленника за решеткой.

Торк! Еще утром он был уверен, что эта маленькая дрянь в его руках... и предвкушал. Боги явно на его стороне, такой великолепный случай поставить на место хуторную шлюшку подвернулся не просто так. В другое время, может, и спустили бы на тормозах — известное дело, не просто так девка в кабинет ректора таскается по поводу и без.

Но не so время инспекции, да еще когда сам законник Блейр приехал проверить, как идут дела в старейшей академии страны. Вайрис уже не раз стороной слышал, что старый зануда недоволен этими фокусами, что каких-то девчонок, пусть и мастеров Ордена, приняли на последний курс во все лучшие учебные заведения Амонтильера. Уж он-то не позволит замять дело. Или вылетит тварь из академии как пробка, или...

Меньше всего он ожидал, что его гениальный план пойдет торку под хвост из-за того, что Князь — Князь!!! — вдруг свихнется на почве глупого героизма и совершенно идиотской влюбленности. Ведь он же писал... Так, ладно. Что есть, то есть, а этот... Ну что же... сам напросился!

Вайрис наблюдал за развитием ситуации с первых дней появления Иллис в академии. И многое замечал. Многое, о чем Кириан даже не догадывался. А уж в последнее время про себя откровенно потешался над их наивными попытками скрыть отношения.

Да от рыжухи солнце зажигать можно, так она светится. А уж Князь... вот тут Вайрис просчитался, решив, что Кейрош просто играет влюбленность. Впрочем, он вполне

допускал, что этот ловелас слегка увлекся. Ну а как иначе воспринимать вот это все: смотрит на девчонку телячьими глазами, дышать боится в ее сторону При этом пишет отцу что это всего лишь интрижка. И продолжает считать себя самым умным! Это и забавляло, и злило Вайриса больше всего.

Он всегда завидовал Кейрошу. Каждый раз, подобострастно заглядывая в глаза, давился ядовитой, обжигающей обидой на судьбу — почему?! Почему этому — все, а ему, Вайрису, в лучшем случае объедки, да и те приходится выслуживать, или выпрашивать.

Но пресмыкаться перед Кирианом было выгодно, и он всю использовал свое положение приближенного к княжеской персоне. Только вот в последнее время пользы от заигравшегося Князя стало до обидного мало.

Ну конечно, баловень судьбы не мог не принять вызов и заполучил девчонку, на которую пускала слюни вся академия! Это как раз понятно. Но...

Сама по себе Иллис привлекала Вайриса не больше, чем любая другая девка. Но мысль заполучить то, что принадлежит Князю и что так желанно и недоступно для всех остальных... теперь, когда она таскается с Князем по парку каждое утро, пока все спят, какой смысл строить из себя недотрогу?

Уж точно Кейрош не восходом с ней по кустам любит, этот бабник своего не упустит. Вайрис посчитал, что, если с умом вести дело, можно попробовать, что за сладкий кусочек эта рыжуха, раз уж даже Кейроша пробрало.

Тем более что он не в первый раз «подбирал» девчонок за Князем и не ожидал никаких трудностей. Подкараулить ее, когда будет одна, правильно подкатиться и... И не вышло.

Наглая тварь сделала вид, что не понимает, что от нее требуется. А когда он попробовал силой... Гадина! Рука до сих пор болит! И... не только рука... Еще и посмеялась над ним, посоветовав никому не рассказывать о своих неудачах в любви. Думала, это ей просто так сойдет?!

Вайрис впервые в жизни возненавидел кого-то больше, чем Кириана Эса ди Кейрош. А ненависть — хороший стимул для мести. Главное — не торопиться, выждать подходящий момент. И он дождался.

Все было рассчитано и прошло как по нотам. Даже то, что рыжую внезапно вызвали в Орден, не спасло бы ее от неприятностей. У Вайриса были далеко идущие планы.

— Так, — он смерил застывшего по ту сторону решетки Кириана оценивающим взглядом.
— Ну что же... ты сам виноват, Князь. Я думал всего лишь наказать эту шлюшку за то, что посмела мне отказать. Ты остался бы в стороне... и при своих перспективах. Девку после такого позора пришлось бы бросить, это понятно. Честно говоря, я думал, ты воспользуешься удобным случаем. Кто ж мог подумать, что ты такой кретин? Ну да неважно. Безродная орденская потаскушка, да еще и с клеймом позорного наказания... Духу бы ее рядом с тобой не осталось. Хотел бы ты или нет А я получил бы хорошую протекцию и покровительство влиятельного политика. Эх...

Подонки вздохнул с явным сожалением.

— Если бы ты думал головой, а не... — Вайрис похабно ухмыльнулся, — одним местом, все бы так и прошло. А теперь тобой придется пожертвовать.

Он пожал плечами и с торжествующей насмешкой смерил взглядом окаменевшего Кириана.

— Зря ты влез, и тем более зря все еще считаешь себя самым умным. Ты подставился напрасно, Князь, ты ее не спасешь.

— Ты ничего не сможешь! Никаких доказательств, что именно она дежурила на полосе, не сущ... — Кириан цедил слова сквозь стиснутые зубы, и вдруг его шарахнуло как молнией. Торк! Нет!

— О-о-о! — довольно заухмылялся Вайрис. — Умница, Князь! Ты все вроде просчитал, а про журнал забыл, да? Ведь ты о нем сейчас подумал? Журнал по технике безопасности,

Кириан, где твоя рыжуха тоже вчера расписывалась, сдавая полосу — он торжествующе улыбнулся прямо в бледнеющее на глазах лицо пленника.

— Эта маленькая черная книжечка все еще спокойно лежит на полке в канцелярии и никому не понадобится до следующей наладки препятствий. О ней и не вспомнили — зачем, ведь ты признался. И не вспомнят до завтра. Вот буквально до того момента, когда все налюбуются на то, что инспектор с тобой сделает. Что поделать, я буду ужасно сокрушаться, что опоздал... опоздал с такими важными доказательствами и... бедный, глупый влюбленный Князек пострадал впустую. Ведь настоящая виновница — вот она, вот ее подпись! Совсем заморочила голову парню, может, еще и опоила чем... Конечно, после того как он пошел ради нее на обман и подлог, веры ему нет, но пожалеем мальчика, он не в себе. Я напишу его отцу, что парня надо спасать! — Вайрис откровенно издевался. — Понимаешь, Кейрош? Тебе. Никто. Не поверит. А твой отец будет мне обязан и еще спасибо скажет. Ну и тебе мозги вправит заодно. Мне всего лишь надо сейчас пойти и взять журнал, пока ее дружки не вспомнили про него и не подсуетились с подделкой подписи! Прямо сейчас, пока ты сидишь тут как суповой индюк, в клетке!

Вайрис так увлекся своим триумфом, что допустил ошибку и не успел предугадать молниеносный рывок Кира. То ли слишком наслаждался собственным рассказом, то ли не ожидал нападения из-за решетки. А зря. Стоило обратить внимание, что в какой-то момент оправившийся от неожиданности Князь неуловимо сменил стойку и напряженно следил за ним, как кот за воробьем.

Мгновение — и Кир схватил свою жертву за волосы, резко приложив головой о железные прутья. Его руки почти сомкнулись на ненавистном горле. Задушить гада! Вот единственное желание, которое владело им. Эта тварь не должна выйти отсюда живой!

— Стоять!!! Отпусти его, Кейрош!

И вслед за этим рывок. Такой мощный, что Кириан сам впечатался лицом в прутья, а сипящее тело выскользнуло на волю.

— Норриан! Не-ет!!! — Кир в бешенстве рванул решетку на себя. — Не выпускай его! Не дай ему уйти!!!

— Спасибо, ди Майрис! — очень искренне поблагодарил чуть опомнившийся и как следует помятый Вайрис. Он осторожно потрогал разбитый висок и поморщился. Вздрыгнул, заметив на полу клочок собственных волос, выдранных в пылу борьбы. И метнул в Князя злой издевательский взгляд.

— Бедолага, похоже, умом тронулся, узнав, что его ждет в скором будущем... Не позавидуешь, в самом деле, — гаденыш покачал головой в притворном сочувствии, а во взгляде помимо злобы мелькнуло торжество. — Ну так... я пойду?

Норриан, за все это время так ни разу и не посмотревший в сторону Кириана, молча повернулся и открыл дверь, выпуская Вайриса.

— Майрис, не-е-ет! Он не должен добраться до журнала!! Задержи его!!! Пожалуйста! Норр... — Кир замолчал, только тогда, когда понял, что его отчаянные выкрики слушает лишь закрытая дверь.

Не услышал... не понял...

Князь сполз по решетке вниз и несколько раз яростно ударил кулаком по полу, разбивая в кровь костяшки. Не поверил! Единственный шанс. И он упущен. Иллис не спасти...

Глава 23

Кириан сидел на полу и даже не чувствовал, как холод пробирает через дерюжную арестантскую форму до костей. Кровь резко пульсировала в висках, и каждый удар будто добавлял новый штрих в общей картине.

Вайрис. Ручной пес, виляющий хвостом и трущийся о ноги. Всегда в тени и всегда

готовый услужить. Копирующий его манеру держаться, повторяющий его остроты и «донашивающий» его женщин. Полезный. Совершенно безобидный.

И потому знающий про Кириана больше всех остальных. Смертельно опасная гадина, ненавидящая, мечтающая отомстить. Готовящая удар в спину и ждущая своего часа. Отомстить слишком много возомнившему о себе и более успешному хозяину, как только тот перестал быть ему полезен...

Кир застонал. Он, сам того не ведая, дал твари оружие, способное погубить Иллис. Он подставился, как последний идиот, и даже не вспомнил про торков журнал! А должен был! Должен! Почему эта мразь, этот слизняк об этом подумать догадался, а он нет?! Кретин!

Он вскочил и заметался по своей клетке, лихорадочно ища выход из ситуации. Если упросить Майриса отпустить его на полчаса... всего полчаса! Крошечная, но надежда. До глубокой ночи Вайрис сунуться за журналом не рискнет, не смотря на его слова... и если успеть раньше него...

Кириан нервно прошелся вдоль решетки, захваченный одной мыслью:

«Впервые ты играешь в чужую игру, дружок, и слишком многое поставлено на кон. Так что собирай все свое хладнокровие и красноречие. Ты должен выиграть! А для этого придется сделать невозможное — заставить давнего противника сыграть на твоём поле... Только бы Норриан зашел сюда!»

Прошло, наверное, не менее получаса, прежде чем дверь снова открылась, и Майрис вошел в карцер и остановился возле самой решетки. Кириан на секунду зажмурился. Хвала Хеллес!

Когда он повернулся, он был почти спокоен. Почти. И все же Норр отметил практически бескровные губы и напряженно стиснутые за спиной кисти рук. Надо же... Князь...

Серебряный Принц смотрел на штрафника в упор, чуть хмурясь, будто впервые видел Кириана и не мог понять, радоваться этому знакомству или нет. Но Кир едва ли сейчас обращал внимание на такие мелочи.

— Норр, послушай...

Тот чуть вздрогнул при звуке своего имени.

— Я знаю, что у тебя есть все основания мне не доверять. Но ты же видел, я делаю все ради нее! Если она тебе хоть чуточку дорога, ты должен мне помочь!

Майрис все так же молчал и смотрел не мигая, не выказывая никаких эмоций. Кириан сглотнул.

— Я идиот. Я упустил важный момент! Теперь все висит на волоске, понимаешь? Технический журнал! Если Вайрис доберется до него, она пропала. Эта... тварь, эта грязная скотина приставала к Иллис, понимаешь? — Кир замолчал и на лице у него заходили желваки. — Он может опять попробовать добиться ее шантажом! Выпусти меня на полчаса. Полчаса, и я вернусь с журналом. Я не передумал спасти ее! Слово Кейрош! — Кириан говорил непривычно горячо, глядя прямо в глаза собеседнику. — Для тебя, наверное, это смешно звучит... «Слово Кейрош», — горько усмехнулся он. — Но я не обману, клянусь! Я ЛЮБЛЮ ЕЕ, СЛЫШИШЬ?!

Норр стоял и смотрел на Князя в упор, как-то напряженно, что ли... слишком внимательно. Время от времени непроизвольно покусывал нижнюю губу. И молчал, МОЛЧАЛ!

— Не веришь?! Хочешь, я встану на колени! Не молчи, Майрис! МНЕ НУЖЕН ЖУРНАЛ!!!

Кириан действительно был готов на все и даже сделал движение, собираясь на полном серьезе рухнуть на колени у проклятой решетки.

Но этого Норриан допустить уже не мог.

Князь за годы учебы успел узнать о предводителе четверки, своем основном сопернике, очень многое. И тем не менее... если бы он знал чуть больше... был чуть ближе... он бы заметил, понял, что Норриан едва справляется с бурей в собственной душе.

Кир не мог догадаться, что все это время Майрис стоял и слушал молча по одной простой причине: ему казалось, что все это сон. И этот новый Кейрош тоже не настоящий, морок, иллюзия. Потому что незнакомый, другой, вообще какой-то... не Кейрош! Вот только когда Князь попытался рухнуть на колени — Князь! На колени! — Норриан не выдержал.

Если бы Кир все это знал, для него не стало бы такой оглушительной неожиданностью то, что произошло дальше.

Лицо у Норра дернулось, словно от пощечины. Парень спешно и все так же молча достал ключ и открыл замок. Шагнул мимо Кейроша к арестантской лежанке, расстегнул верхние пуговицы кителя... и вынул из-за пазухи тот самый журнал. В черной кожаной обложке. Положил его на покрывало. Сел. Несколько секунд смотрел в пол.

Эти последние полчаса... Нет, чуть дольше. Примерно час. Норриан вдруг подумал, что еще никогда его жизнь не менялась так резко за такое короткое время. Так резко и так... странно. Внешне все осталось на своих местах, все вроде как и было... и в то же время его мир перевернулся с ног на голову.

Еще час назад все было просто и понятно. Князь — скотина, Иллис... поймет это рано или поздно. Кейрош получит то, что заслужил.

Чуть больше получаса назад он вернулся от ректора с копией приказа, который следовало зачитать арестованному. Норриан догадывался, что в нем, и не особенно волновался за Князя, во всяком случае, не собирался выражать ему сочувствие.

Голоса из карцера заставили насторожиться. Вайрис? Этому что здесь надо? Пришел поддержать своего кумира?

«Если мы сейчас пойдем и скажем: орденская... да никто не докажет, что это твоя вина!»

Та-а-ак! Ясно. Струсил и передумал жертвовать собой, Князек? Или это часть очередного гнусного плана?

Норриан, который собирался войти и без лишних слов выставить известного Княжеского прихвостня, остановился.

Он даже не испытывал угрызений совести из-за того, что подслушивает чужой разговор. Не тот случай!

Насколько случай «не тот», Норр понял уже через минуту, но с места не сдвинулся, словно приклеившись к двери. Слушал и не верил собственным ушам! Снова слушал и снова не верил.

Этого просто не могло быть. Не могло! Князь. Кейрош. Кириан... Он сознательно подставился, чтобы спасти Иллис, а не потому, что сам был виноват? Просто ради нее? Это не он вчера воспользовался доверием девушки, то ли по небрежности, то ли нарочно пропустив разряженный амулет? Не он допустил ошибку, из-за которой побились мальки, не он... Он просто взял на себя вину?!

В привычном мире, том мире, в котором Норр жил всю жизнь, этого не могло быть. Даже выдирая Вайриса из рук Кириана, пока тот действительно не убил слизняка, Норриан не верил до конца. Все внутри него сопротивлялось этому знанию.

Он вывел Вайриса за дверь. Постоял несколько секунд в нерешительности, пока тот отряхивался и благодарил. Проследил, как он идет к выходу...

Вайрис не успел даже вскрикнуть. Норриан очень аккуратно подхватил оглушенного парня под мышки и поволок его к темному проему лестничной клетки.

Карцер в академии располагался рядом с «Арсеналом». В том же полуподвале. Между ними находилась комната дежурного, или «караулка», как ее называли курсанты. Из нее

можно было попасть в еще одно помещение. Узкая лестница вела в самый настоящий подвал. Прохладный, сырой, но просторный и чистый. Здесь хранились запасные скамьи, какая-то старая мебель и прочее барахло, которое и списать нельзя, и девать некуда.

Норриан не слишком бережно уложил свою ношу между бочками и вышел, закрыв тяжелую, обитую металлическими полосами дверь на засов. Снаружи.

А потом пошел и забрал журнал.

Глава 24

Кир схватил черную книжицу и судорожно открыл, будто не верил и спешил убедиться, что это действительно она. Шумно выдохнул.

Норриан заметил, как у него дрожат пальцы. Отвел взгляд. Потер виски, поморщившись, как от боли. И вскинул глаза на Кейроша.

— Что... думаешь делать?

Князь улыбнулся, немного сумасшедшей, одному ему понятной улыбкой. Да что тут думать? Он быстро пролистал журнал и нашел нужную страницу. Да! Вот ее подпись... осталось только сжечь улику кторкам собачьим...

Или нет? Это будет выглядеть слишком подозрительно, и если Вайрис поднимет шум... Даже тень подозрения не должна упасть на девушку.

Он еще раз скользнул глазами к последней записи. Что же сделать? Просто стереть не получится.

— Как же хорошо, что ты уехала! Как вовремя! — пробормотал он вслух, вглядываясь в журнальную страницу, украшенную замысловатыми завитушками росписи Иллис. А потом просто взял и выдрал лист, тщательно проследив, чтобы не осталось и намека на то, что он тут был. И принялся заполнять новую страницу, благо Норриан подал ему ручку. Хоть в чем-то ему везет! Значит, все правильно! И плевать, что будет завтра!

Размашисто подписавшись и поставив для верности рядом еще и свою фамилию полностью, он с облегчением выдохнул. Еще раз полюбовался. Да! Четко и недвусмысленно: «Кириан Эса ди Кейрош»!

— Теперь надо отнести на место. Тебе... не стоило так рисковать. Если бы тебя засекли, да еще на дежурстве... а мне уже все равно.

— Ерунда, — решительно отрезал Норр. — Если бы засекли тебя, мне, как дежурному, было бы не намного лучше. А Иллис... она стоит риска, не так ли?

С этим утверждением Кир не согласиться не мог.

Норриан поднялся с лежанки и забрал журнал. Спрятал его за пазуху. Отошел к решетке.

Вернулся. Торк, как же ему было не по себе. Он чувствовал, что должен что-то сказать, и не находил слов.

— Что? — Кейрош на волне облегчения даже улыбнулся. Заметил, как побелели пальцы Норриана, сплетенные в замок.

— Что-то не так?

Норриан закусил губу почти до крови. Да ВСЕ не так!

— Я пытался... но обвинить Вайриса - это наше слово против его. И получится, что ты уже один раз солгал, взяв вину на себя. Могут не поверить, и...

— Забудь. Пусть все идет как идет.

— Но тогда... Приказ. Я должен зачитать тебе.

Кир на секунду замер, потом почти беспечно пожал плечами:

— Ну... зачитывай.

— «Курсант Кириан Эса ди Кейрош, — каким-то незнакомым, хриловатым голосом начал Норриан, развернув голубоватый лист с печатью академии в правом нижнем углу. — За вопиющую небрежность при выполнении ответственного задания... — Как трудно читать... — ...в связи с увечьями, полученными в результате... — сухой канцелярский текст словно застревал в горле и царапался там острыми углами слов. — ...Руководство академии Рандар и представитель Инспекторского Надзора... — приходится выталкивать их с усилием, одно за одним. Торк, как много слов, чтобы в результате сообщить простую новость... — ...учитывая прежние заслуги и... — что-то они все же учитывают... — ...к высшему дисциплинарному взысканию — телесному наказанию, совершаемому публично — 8 присутствии всех курсантов и преподавателей академии, а также представителей Инспекторского Надзора. Руководство академии сочло возможным удовлетворить требование Инспекторского Надзора и передать право на исполнение наказания в руки специалистов Инспекторского Надзора. В связи с отсутствием препятствий к немедленному исполнению наказания экзекуция назначена на восемь часов утра ... числа сего месяца».

Кириан выслушал приговор равнодушно. Чего нельзя было сказать о Норре. Ледяной Норриан выглядел так, будто это его, а не Кейроша приговорили к наказанию, которому еще не подвергался ни один курсант за всю историю академии Рандар.

— Что ж... ожидаемо... — Кир постарался удержать улыбку на лице. — Выходит, завтра...

— Да, — подтвердил Норриан. — Завтра утром. Я должен вручить тебе приказ. — Он протянул лист бумаги, мысленно поминая торка и всех его родственников. Не то он говорит, совсем не то! И ничего другого сказать... не может!

Кир взял бумажку, где так официально-равнодушно была прописана его участь. Пробежал глазами. Специалисты Инспекторского Надзора... худшее, что может быть. По спине пробежал неприятный холодок. Ничего, переживем и это. Он содрогнулся, представив такую же бумагу с именем Иллис. Поднял глаза на Норра.

— Она вернется только завтра к обеду. Не хочу, чтобы она знала. Скажи своим.

Нет с Норром определено что-то не то. И смотрит он как-то странно, отводит глаза. Может, тут в приказе не все? Может, есть что-то еще, о чем он умалчивает? Кир вдруг почувствовал, что смертельно устал. Настолько, что не в силах держаться на ногах.

— Что-то еще?

— Ужинать будешь? — Норриан чувствовал себя полным идиотом, задавая этот вопрос.

— Нет, спасибо. Я не голоден. С твоего позволения, я хотел бы побыть один.

Норриан молча кивнул и пошел к двери, мысленно проклиная собственную беспомощность и неумение подобрать нужные слова. Ну не спокойной же ночи ему желать, торк! Какое тут спокойствие.

Это была длинная ночь. Одна из самых длинных в их жизни. Оба даже не пытались заснуть. Какая ирония... они почти восемь лет провели практически бок о бок. На соседних партах в классе, в общем строю, на тренировках... и были далеки, как разные полюса. А теперь между ними стена карцера и решетка. И завтрашнее утро

— общее построение, плац... Один из них будет стоять в строю, как обычно, а другой... посреди пустоты, под прицелом сотен глаз. Это же дальше, чем за радужным щитом, разве нет? Почему же сейчас каждый из них, погружаясь в свой личный кошмар, вместе с тем прислушивается — шагами... «Он» тоже не спит.

Кир то метался вдоль решетки, то лежал, закинув руки за голову и глядя в потолок. Если быть честным с собой — а он старался оставаться честным, — было очень страшно.

Князь боялся завтрашнего утра, боялся инспекторских исполнителей, про которых ходили страшные легенды, боялся того, что не выдержит. Теперь, когда улеглось облегчение от удачно подделанной подписи, страх обступил его со всех сторон. Его мелкие тоже будут тут... и... Вайрис.

При воспоминании о нем холодная яростная волна смыла страх, как песчаный холмик. Дай только пережить завтрашний день, и тебе несдобровать! Дорого бы я заплатил, чтобы увидеть твое лицо, когда ты заглянешь в журнал. Но сначала нужно расплатиться по другим счетам. Иллис, как же тебя не хватает! С тобой рядом не уживается ни один мой кошмар. И какое счастье, что ты приедешь только завтра после обеда! Кир прислушался. За стеной ходили. Майрис. Ему тоже не спится?

Норриан в соседней комнате лечь даже не пытался. Присутствие дежурного в дисциплинарном крыле по уставу необходимо в двух случаях: в часы, отведенные для исполнения наказаний, и круглосуточно, если кто-то попадал в карцер на длительный срок — более двенадцати часов. Сейчас там дождался утра Кириан, да и после экзекуции его, скорее всего, вернут сюда же — арест продлится до особого распоряжения ректора.

Норр тоже коротал время тем, что в красках представлял завтрашнее утро. И ему тоже было страшно. Вот только не за себя...

И еще одна мысль была у них общей, и они возвращались к ней снова и снова: « Как хорошо, что Иллис должна вернуться позже, чем все случится! »

Глава 25

Окон в карцере не предусмотрено, поэтому утро для Кириана наступило, когда шаги за стеной в очередной раз смолкли, надолго, словно Майрис куда-то ушел со своего поста.

А затем Норриан вошел в дверь. Уже? Однако дежурный пришел не за ним. Он отомкнул решетку и поставил перед арестантом глиняную кружку, из которой поднимался резко пахнущий чем-то лекарственным пар.

— Пей. Станет легче.

Одна бровь приподнялась в знакомом изломе, и на секунду Норриану показалось, что Князь откажется. Но тот взял напиток и поднес к лицу.

— Что это?

— Пей, — настойчиво повторил Норриан. — Тебе это нужно. — И тихо добавил: — Легче будет. И... там тоже. Это уменьшит боль. Совсем немного, но...

Кириан покачал в руках чашку. Ледяной Принц заботится о нем? В другое время он рассмеялся бы этому факту. Но сейчас было не до смеха, так что он просто благодарно кивнул своему охраннику и залпом выпил. Напиток оказался горьковатым, но приятно-горячим и чуть-чуть растопил смерзшиеся в ледяной ком внутренности.

Норриан забрал пустую посудину. Не просто забрал — несколько раз сполоснул водой из кувшина, положенного арестанту, и выплеснул в отхожее место.

А потом вдруг с силой шваркнул ни в чем не повинный сосуд в стену так, что только осколки брызнули.

— Торк! Это несправедливо! Так не должно быть!

— Майрис! — Кириан и сам вздрогнул, когда кружка с треском врезалась в каменную кладку. Но именно этот звук его словно встряхнул, и сейчас он твердо и даже резковато прикрикнул: — Делай, что должен! Все справедливо, и все по заслугам. Не мне жаловаться.

Помолчал секунду, глядя на непривычно растерянного Норриана, и кивнул на дверцу 8 решетке:

— А теперь пошли. Пора.

Плац был залит веселым утренним солнцем, и птицы пели так радостно, будто были не согласны с тем, что должно произойти в самом ближайшем будущем. Как не был с этим согласен и сам Норр. Эта ночь что-то безвозвратно переменила в нем. И теперь он, сам того не желая, переживал за Князя как за одного из своих. Он шел позади Кейроша, как и положено дежурному, и замечал каждую мелочь. Как тот сделал глубокий вдох и внутренне подобрался, перед тем как выйти на плац, как прямо держит спину Слишком прямо. Норру не надо было объяснять, чего стоит такое спокойствие.

Кириан шел медленно. Не привык босиком. Голые ступни заледенели, несмотря на теплую погоду. Даже гладкий мрамор коридора и чисто выметенный, ровно мощный плац доставляли неудобство. А в Ордене специально тренируют ходить босиком, Иллис рассказывала. И не только ходить. Не такая глупая затея, оказывается...

Все эти мысли и ощущения мелькали где-то там, на поверхности, а сам Кир смотрел на происходящее словно со дна глубокого колодца, из-под толщи воды, где все движется с медленной величавой неторопливостью, даже звук, даже свет И на этой спасительной глубине было почти не страшно. Пока он не увидел.

Кириан почувствовал, как кровь резко хлынула к лицу и смешались мысли. Он не мог заставить себя сделать больше ни шага. Сзади тихо выругался едва не налетевший на него Норр.

Двое служителей в форме Надзора не торопясь выносили на середину плаца странное сооружение. Только через секунду Кириан понял, на что оно похоже: наклонная лавка с деревянными колодками для рук и ног, такие использовали на базарных площадях для наказания мелких воришек, мошенников, пьяных дебоширов и прочих уголовников.

Князь буквально задохнулся от гнева и ужаса. Да как они смеют?!

Лучше пусть выгоняют из академии, лучше смерть, лучше что угодно, но не такое унижение!

Возмущенно зашелестел строй, выстроенный подковой вокруг плаца. А Кириан зажмурился, так, что перед глазами замелькали разноцветные круги. Он должен. Он сможет. Ради нее он сможет даже ЭТО.

Следующий шаг был самым трудным за всю его жизнь, но он его сделал. И ощутил, как плечо стиснула чья-то рука. Горячая и подрагивающая от сдерживаемой ярости рука Норриана — Киру не нужно было даже оборачиваться, чтобы почувствовать это.

Норр видел, как Кириана захлестывает волна слепого ужаса. И сразу понял, что эту экзекуцию Кейрош не переживет. Нет он пойдет до конца, в этом Норр теперь не сомневался. Но после — умрет, перестанет существовать. Может, кто-то другой поселится в его оболочке, только это будет уже не Кейрош. Они сломают его. Торк тебя раздери, Вайрис!

И Норр не встал в строй, как ему предписывал устав. Если он не может помочь, то хотя бы просто будет рядом.

— Держись, слышишь?! Мы с тобой. Мы все с тобой! — горячечный шепот прозвучал как крик, и Кир снова замер, а потом не выдержал и оглянулся, скользнул глазами вдоль строя курсантов.

Где-то в самой глубине его души жил страх встретить в глазах парней насмешливое любопытство и даже злорадство. Кейрош прекрасно отдавал себе отчет, что предыдущие семь лет не был святым и наверняка найдутся те, кто сейчас предвкушает зрелище. Если не большинство.

На него действительно смотрели ВСЕ. Кириан застыл в перекрестье этих взглядов, как на линии огня. На какое-то бесконечно долгое мгновение ему показалось, что он просто не выдержит этого. И тут все изменилось.

Когда стоишь по стойке смирно, выразить свое отношение жестами трудно. Именно поэтому по негласному обычаю курсантов Рандара был выработан тайный знак — плотно

стиснутый кулак с отставленным большим пальцем, резко, с силой, с хлопком прижатый к канту форменных брюк на бедре. Вроде строй не нарушен, а вроде и...

Кир не понял, как — как?! — они умудрились сделать это одновременно... но все курсанты, от первачков до ар'гардов, в едином порыве, не отрывая взгляда от застывшего в центре плаца приговоренного, слитно выполнили именно этот жест.

«Вместе навсегда!»

Знак курсантского братства и поддержки. Высшая степень уважения.

Кириан поймал один взгляд, другой... третий, пятый... скользил вдоль строя и не верил себе.

Как они на него смотрели! И барсята... такого восхищения в их глазах он не видел ни разу за все время, пока был их барсом!

Еще полгода назад он душу бы продал за такой момент славы и всеобщего признания. А сейчас ему отчего-то стало неловко. Он попал в цель, в которую не метил. Ведь он же не ради этого!

Кир еще раз, уже совсем другими глазами, прошелся вдоль строя... туда, где стояли преподаватели... потом опять метнулся взглядом к барсятам... а вот соколы... И каждый смотрит так, будто повторяет слова Норра: держись, мы с тобой!

Он продолжал ощущать эту безмолвную всеобщую поддержку даже когда отвернулся и двинулся к «эшафоту». И от нее, несмотря на ужас ситуации, в груди разливалось непривычное тепло. Князь, привыкший воевать один против всех, как никогда ясно понял, что сейчас ему простят все. Даже если он не выдержит и закричит.

А он не закричит!

Как в тумане он видел инспекторских исполнителей, налаживающих что-то там в приспособлении. Здоровые, будто специально отбирали. Ничего... уже немного осталось...

Как вдруг на весь плац раздался громовой рык:

— Прекратить немедленно!!! — генерал Грарард появился на плацу с опозданием, но зато эффектно. — Это академия Рандар, а не тюрьма для малолетних преступников! — Он прожег взглядом инспектора, уже открывшего было рот, чтобы запротестовать. — Я не позволю использовать тут подобные варварские приспособления! Убрать!

— Генерал Грарард! — начал было инспектор, в свою очередь наливаясь ядовитым гневом. — Вы подписали приказ, в котором говорится, что исполнение наказания передается под юрисдикцию Инспекторского Надзора!

— Инспектор Блейр! — не менее гневно рявкнул ректор. — Я подписал приказ о наказании ар'гарда! Выпускника академии! А не базарного воришки! Извольте уважать наши традиции!!! И наших курсантов! Убрать эту мерзость! Если уж вы настаиваете на подобном наказании, оно будет исполнено как подобает, без унижения чести дворянина!

— Это будет включено в отчет, имейте в виду! — желчно проскрипел старик.

— Ваше право. А теперь давайте начинать.

Кир почувствовал, как от облегчения у него подкашиваются ноги. И в тот же момент встретился со взглядом генерала, в котором была... благодарность? Он тоже знает?!

Мастер Грарард. Человек, чей авторитет уже не мог подняться выше. И тем не менее поднялся.

Да к торку теперь любую боль! Перетерпит! Ему всего лишь предстоит снять куртку, подойти к расположенному посреди плаца турнику и, взявшись за перекладину обеими руками, выдержать сколько-то там ударов длинного гибкого хлыста по спине. Ерунда! По сравнению с тем, чего удалось избежать.

Он будет стоять сам, держаться сам, и если боли не избежать в любом случае, то по крайней мере его достоинство не втопчут 8 пыльные камни плаца!

Глава 26

Иллис еще больше встревожилась, сама не понимая почему. Общее построение? Днем? Такого она ни разу не видела в академии. Незаметно подобраться к задним рядам было просто, тем более по краю плаца с этой стороны как раз зацвел додрок, и пышные кисти в обрамлении крупных глянцевых листьев могли скрыть армию, а не только щуплую девчонку, имеющую звание мастера. У которой в голове вертелась одна мысль. Что-то случилось... что-то случилось...

Она и так со вчерашнего дня не находила себе места. Вопреки планам, ей пришлось не просто встретиться с мастерами из Ордена в соседнем городке, а съездить в ближайшую резиденцию. Непривычная пустота и тишина там, где она привыкла видеть круговорот послушниц, воспитанниц и молодых мастеров, подействовала на нее угнетающе. Лишнее напоминание о том, чего стоила последняя экспедиция к рухнувшей башне.

Но с этой мыслью Иллис справилась довольно быстро. И все равно смутная тревога никуда не ушла, а скоро стала настолько сильной, что девушка наплевала на все, прорвалась к магистру Артии и выбила разрешение вернуться в Рандар немедленно. Скакала почти всю ночь и благодаря этому явилась не после обеда, а ранним утром.

Первое, что бросилось ей в глаза, когда она преодолела оставшееся расстояние от ворот до плаца и заглянула через плечо стоящего впереди курсанта, — стиснутые до белизны тонкие пальцы. Пальцы, которые она узнала бы из тысячи. И знакомый до последней царапинки перстень.

Взгляд выхватывал детали по одной: вытянутое полуобнаженное тело, поднятые над головой руки что есть силы цепляющиеся за проклятую перекладину, багровые рубцы на спине, какой-то дюжий мужик, незнакомый, мерно взмахивает длинным гибким хлыстом, похожим на черную змею. Омерзительный свист, звук удара о тело, новая полоса на коже...

Иллис, казалось, забыла, как дышать.

Лишь тихий, на грани стога, выдох наказываемого там, на плацу, вывел ее из оцепенения. Площадка, ровный строй курсантов, перекладина — все качнулось и резко дернулось в ее глазах, когда она рванула к Кириану уже почти ничего не соображая от страха, боли и ярости.

Ее удержали за руки сразу с двух сторон. Взволнованный шепот Льена эхом отдавался в голове:

— Илли! Ничего не сделать. Ему будет хуже, поверь! Я объясню потом... — Гай и Льен держали ее железными клещами, готовые в любой момент схватить еще крепче, если она не послушает. Майс застыл рядом, на подхвате.

Девушка почувствовала, как дурнота заволакивает дымкой окружающее, и даже на какой-то миг обрадовалась этому — не видеть, не слышать... но тут же с яростью стяхнула дурнотный туман: НЕТ! Она должна быть с ним!

Льен что-то бормотал ей на ухо, но она не разбирала слов. Иллис казалось, что каждый удар, каждый мучительный рывок отдается в ней болезненным спазмом, перехватывающим дыхание. Она ослабла в крепких руках парней, как загнипнотизированная, не отрывая глаз от багровых рубцов. Чувствовала — еще один удар, один задавленный стон — и она не выдержит, случится что-то ужасное.

— Не смотри! — Льен силой заставил ее отвернуться, прижал ее голову к груди, закрыл от страшного зрелища. Она не стала противиться, вжалась в него из последних сил, но, даже не видя происходящего, с ужасом ловила каждый звук.

Казалось, это не закончится никогда. Норр видел мрачное лицо ректора и непонятно когда появившегося рядом с ним ди Хасса. Он же вроде в отъезде должен быть? Кириан

держался из последних сил, но так и не отпустил перекладину и не провис. Резкие рывки, напряженное до предела тренированное тело, лицо, совершенно мокрые от пота. И ни капли живого места, сплошная сине-красная сетка вместо спины. Торк! Легче самому оказаться на его месте, чем все это видеть!

Когда они думают закончить?! Что? Все? Все!

— Экзекуция окончена, — даже скрип инспекторского голоса сейчас не казался таким уж противным. Окончена!

Норриан стремительно шагнул мимо отступивших от перекладины надзорников и успел-таки подхватить бессильно скользнувшее вниз тело как раз в тот момент, когда у Кириана сорвались руки.

Князь не сразу понял, что все закончилось. Он давно сбился со счета и потерял представление о времени. Он вообще еще жив? Окружающее, во всяком случае, воспринималось им слабо. Кажется, официальное объявление... можно, наконец, разжать судорожно стиснутые кулаки... Он попытался это сделать, но руки сорвались, и он, без сомнения, впечатался бы носом в плац, если бы его не подхватили.

И с другой стороны тоже. Еще чьи-то руки... Не было сил повернуть голову, и он скосил глаза. Ди Хасс. Кириан даже не удивился.

Дальше были какие-то обрывки. Кажется, он оказался между Норрианом и ди Хассом, опираясь ватными руками на их плечи. И вроде даже шел... только почему-то ног не чувствовал. Плыл? Летел? Не вспомнить... Видел только, как Норр все время пытается заслонить его собой. Но нет сил даже радоваться. Больно... холодно. Очень холодно, и дико хочется спать.

Жесткая лежанка в карцере, где по уставу он должен был находиться как минимум еще сутки, показалась просто раем земным. Норриана выставили, как только примчался старший лекарь с помощником. Кириан послушно выпил все, что в него влили, еще успел почувствовать легкий укол куда-то в бедро, прохладный запах вербены и провалился в сон.

— Это дурдом какой-то, а не академия, — мрачно высказался Габриэль, спускаясь по истертым ступенькам. — Если я когда-нибудь так втрескаюсь, пристрелите меня.

— Не поможет, — не менее мрачно хмыкнул Майс, топая следом. — Мы вот не влюбленные, а толку? Да я чуть не рехнулся, когда Иллис там на плацу увидел! Ну почему она не могла вернуться на полчаса позже?! А что потом было, вообще лучше не вспоминать. Мы и сейчас-то что делаем, по-твоему? Премся нарушать к торкам кучу положений устава, потому что она плачет!

— Не только поэтому! — уперся Габриэль. — Просто ей плохо! Я думал, с ума сойду, когда она вдруг позеленела и стала падать! Хорошо, Льен умеет судорогу снимать, это же кошмар какой-то — и плечо, и нога сразу! Так что это... все правильно! И ресс Даираш сказал, что ей ни в 8 каком случае нельзя так нервничать.

— Правильно было ее в охапку и к лекарю, — вздохнул Майс. — А то, что мы сделать собираемся, это дурдом и есть! Впрочем, знаешь, может, оно все и к лучшему. Если бы ей плохо не стало, торка с два мы бы ее в комнате удержали! Ты же слышал!

— Так ей плохо стало, когда мы ее к Князю не пустили, — резонно возразил Габриэль. — От волнения, наверное. Может, зря мы?

— Рехнулся, что ли? — Майс для наглядности даже покрутил пальцем у виска. — Куда она к нему пойдет, в карцер? И дальше что? Думаешь, полчаса посидит и успокоится? Как же! Мы ее потом оттуда не вытащим. В подвале мало того, что сыро, холодно, еще и лежанка узкая, жесткая. Я тебе гарантирую — сядет на пол, и к утру мы получим не девочку, а полутруп! Так что я лучше ей Князя из карцера, из подземелья или вообще из-за радуги притащу, чем она пойдет штурмовать дисциплинарное отделение!

— Да уж. Вот упертое создание, уже на ногах не стояла, а держать пришлось втроем. Не могла она завтра вернуться? — в который раз посетовал Гай.

- Не представляю, как мы ему скажем...
- А чего тут представлять, скажем прямо, и все тут. Главное, придумать, как его... транспортировать. У нас пятнадцать минут на все будет, пока пересменка. Потому что если нас застукают с ним в коридоре и это дойдет до инспектора...
- Инспектор уехал до завтра. Льен сказал, после обеда только будет.
- Обещал-то обещал... Но ректору попадаться тоже не стоит.
- Не ожидал от него... — после некоторого молчания произнес Габриэль.
- От кого, от ректора?
- Да нет... от Князя.
- А... — Майс ненадолго замолчал. — Да... Никто не ожидал. Я вообще не думал... что Князь в Иллис настолько... ну ты понял.
- В нее можно и не так еще, но Кейрош!
- А что Кейрош? Как выяснилось, не такой уж он и... Кейрош, — Майс пожал плечами.
- Я вот не знаю, смог бы я так? Особенно когда ту торкову конструкцию на плацу увидел — мне самому плохо стало, а ему каково?
- Иллис, выходит, права была насчет него. А мы не верили...
- Угу... Все, пришли.

Глава 27

Кир проспал до самого вечера. Или ночи, разобрать было трудно. Какое-то время он прислушивался к ощущениям, боль не ушла, но голова стала на удивление ясной. За стенкой слышались приглушенные голоса, а затем скрипнула дверь.

— Ну вот, проснулся, — Саймон, сегодняшний дежурный, принявший эстафету от Норра, пропустил кого-то в клетушку.

Кириан повернул голову, ожидая увидеть там лекаря. Но вместо этого... увидел Маиса и Габриэля, которые остановились у входа и молча смотрели на него.

— Ты это, — вздохнул наконец Майс. — В общем... давай, поможем тебе встать. Князь вопросительно приподнял бровь:

— Зачем?

— Зачем-зачем... — Габриэль обошел нерешительно переминающегося с ноги на ногу Маиса и осторожно присел на краешек лежанки. — Затем, что кое-кто хочет тебя видеть, и лучше нам поторопиться.

— Забавно... И кто же этот загадочный ресс, ради которого я должен вставать, да еще поторапливаться?

В ответ он пронаблюдал какую-то загадочную пантомиму — его посетители обменялись очень странными взглядами, как по команде, синхронно вздохнули и пожали плечами.

— Вот тебе и дипломатично... — выдал непонятную фразу Майс.

— Я же говорил, надо прямо сказать, это ты все... со своей дипломатией! — Габриэль досадливо махнул рукой.

— Э-э-э... А могу я наконец узнать, в чем дело? — окончательно запутался Кейрош.

— Да, — кивнул ему Гай и, не обращая больше внимания на предостерегающее шипение Маиса, рубанул:

— Иллис вернулась. Утром. А не 8 обед, как должна была.

— Что? — Кириан, казалось, плохо расслышал. Но тут же дернулся и совершенно глупо переспросил: — Давно?!

— Утром, — терпеливо повторил Габриэль. — Как раз... в общем, видела она. Льен едва успел ее перехватить, когда она к тебе рванулась. В последний момент. Вот.

— Крети-и-ин! — взвыл Майс. — Договорились же!!!

— Он бы все равно узнал, — немного сконфузился Гай и с некоторой опаской покосился на Кейроша.

— Торк! — рука Князя, до этого спокойно лежавшая на одеяле, сжалась, сминая его в ком. — Торк! Торк! Торк! Торк!

Маису показалось, что, если бы что-то обнаружилось под рукой, Кириан непременно запустил бы этим в стену. Но за неимением такового он награждал тумачами лежанку. Вот тебе и хладнокровие.

И вообще... еще минуту назад вроде выглядел... все равно неважно выглядел, но лучше, чем сейчас. Опять побледнел, темные круги под глазами обозначились сильнее. Добела сжатый кулак мелко вздрагивал — похоже, парня знобило.

— Полюбуйся, правдолюбец, — Майс сложил руки на груди и осуждающе уставился на приятеля. — Ну и чего ты добился? Лучше ему стало? Как вот его теперь...

— Сейчас все будет, — жестом остановил его возмущение Габриэль и повернулся к арестанту шагнул, нагнулся. Взял его за плечи:

— Слушай, Кейрош! Завязывай с истериками. Потом попереживаешь. Ей плохо там. Совсем плохо, судороги. И плечо, и нога. А она сюда рвется. Понимаешь?

«Дожил, — отстраненно подумал Кириан. — Данрес, торков горячий горец, учит меня сохранять спокойствие... Но он, торк возьми, прав! Мне надо к ней!»

— Где она, у себя? Или в лазарете? — сдергивая одеяло в попытке встать, спросил он. Однако двинулся слишком поспешно, и боль резанула так, что искры из глаз. Кроме того, выяснилась еще одна досадная деталь.

Все это время он был без рубашки, в одном нижнем белье и прикрытый лишь одеялом. Наверное, лекарь решил, что так лучше. Но Кириана такой «туалет», да еще и в присутствии гостей, не устраивал категорически. Он искал глазами недостающие детали арестантской формы. И вздрогнул, обнаружив, что Майс уже целеустремленно обшаривает помещение, явно намереваясь... помочь ему одеваться? Прелестно!

Кириан замер в нерешительности, придерживая одеяло.

— Ну ты нашел кого стесняться, — заметив его затруднение, Габриэль пожал плечами. — Князь, после того что между нами было, — он явно намекал на совместные рейды в «Арсенал», — нам уже как минимум жениться можно!

Первым порывом было ответить что-то резкое. Как всегда. Он уже открыл рот и тут столкнулся со взглядом торкова горца... В глубине темных глаз, там, где Кириан привык видеть колючую неприязнь, а то и ненависть, неожиданно появился теплый отблеск. Воздух в карцере вдруг резко потеплел. И стало понятно, насколько теперь все иначе.

Вроде ничего не изменилось: он все еще Князь, это все еще «Норрова четверка»... в данный момент ее самая отчаянная половина — ну кто еще мог вот так нахально заявиться в карцер и выдернуть оттуда арестанта только потому что их Иллис...

Иллис. Она в очередной раз переворачивает его жизнь с ног на голову.

И тут же всплыла новая мысль, еще более ошеломляющая. Да, Иллис... это ради нее, только ради нее все так завертелось. Но она уже была в его жизни и вчера, и неделю назад, и это не мешало четверым смотреть на него враждебно. То есть всем им, кроме

Льена. А теперь...

Даже вот это самое «Кейрош» Габриэль теперь произносил не так, как раньше. И это было... определенно, это ему нравилось! А главное! Это изменение сотворил он САМ. Это тепло, уважение, это ворчливое одобрение горца и немного суетливая забота Маиса принадлежали ему по-настоящему, по заслугам!

Кириан еще не до конца осознал: то, чего он отчаянно добивался почти семь лет, злясь, интригуя, разочаровываясь и завидуя, вдруг упало в руки само собой, легко и непринужденно. Стоило всего лишь... м-да. Легко — немного не то слово, если судить по горящей огнем спине. Но все равно оно того стоило! А спина, что... спина заживет. Князь моргнул и усмехнулся своей знакомой, иронично-кривоватой ухмылкой. Шутнику с его женитьбой надо ответить, как полагается, чтобы не думал там себе!

— Данрес... — вкрадчиво начал он. — Даже наше столь близкое знакомство не означает, что я должен разгуливать по коридору 8 нижнем белье. Кстати, на моих штанах ты сидишь. Удобно?

— О, точно! — почему-то обрадовался Гай, вскакивая и потрясая искомым элементом гардероба. — Князь, ты ошалел — что в этой тряпке может быть удобного, дерюжный цвет? Не обольщайся, от этого они мягче не стали. Зато... — придерживая штаны за пояс двумя пальцами, он демонстративно полюбовался ими, — просторные, как раз все что надо влезет и не сотрется! Сейчас мы тебя... да не дергайся, тебе еще идти до спальни. Мы поможем.

Кириан проворчал что-то из серии, что он не калека и способен одеваться без посторонней помощи, но это помогло слабо, и... он не стал сопротивляться дальше. В нем росло и крепло ощущение, что теперь можно позволить себе принять помощь, а жизнь, торк возьми, прекрасна, несмотря ни на что... И Майс своей фразой это подтвердил.

— Илль нам как сестра, — он протянул руку, предлагая опереться на нее, чтобы встать нормально. — И ты теперь, получается... не чужой.

Перед самой дверью в их спальню Кир сделал знак поддерживающим его парням, чтобы не выдавали своего присутствия, и осторожно освободился. Нечего показываться перед ней больным и беспомощным! Сделать вид, что ничего особенного не случилось. Да, именно так. Главное, войти уверенно, чтобы она не подумала, что...

— Стой-стой, куда?! — Габриэль не ожидал от «раненого» такой прыти, и единственное, что успел, — это поймать его в полете: если первый шаг Кириан успел сделать сам, то на втором организм запротестовал. Да так рьяно, что герой едва не рухнул прямо на пол — хорошо, горец подсуетился.

— Ну и? — недовольно спросил Гай, удерживая страдальца поперек туловища. — Дальше что?

— Дальше заноси этого прыгуна в комнату а то я уже устал держать другую половинку нашего влюбленного дуэта, — откликнулся из комнаты Льен. Он и правда выглядел утомленным, ведь удерживать довольно активно ерзающую у него на коленях и вырывающуюся, чтобы бежать навстречу, девушку было не просто.

— Льен, ты не очень-то вежлив с дамой... — в противоположность легкомысленному тону, взгляд Кира, сразу и намертво приклеившийся к Иллис, излучал беспокойство. Он попытался улыбнуться. Всю дорогу, до самой двери, Князь продумывал, что скажет ей, и вот сейчас понял, что так и не решил для себя этот вопрос. Но все же попытался принять самый бодрый вид, какой смог, освободился от поддержки Гая и шагнул к ней.

На секунду повисла пауза, в которой они молча смотрели друг на друга. А дальше все произошло настолько стремительно, что Льен даже не успел заметить, в какой момент она все же вывернулась из его рук, сорвалась с места и полетела вперед. В объятия Кейроша. В которые буквально упала, так как в шаге от «цели» у нее подвернулась раненая нога.

Норриан, все это время тихой тенью просидевший на кровати Иллис, встал и со вздохом констатировал:

— Это не дама... это противная, упрямая и скандальная девчонка.

Высказавшись, он незаметно кивнул остальным, и парни поспешили исчезнуть, оставив парочку вдвоем.

Далеко, конечно, не ушли — вот-вот будет сигнал отбоя, и в свете последних событий в академии закрутили гайки даже для выпускников. Так что из комнаты им деваться некуда, но хоть 8 сторонку...

А те двое, ради кого все затевалось, уже никого не замечали и не слышали, глядя друг на друга так, как будто уже и не ждали увидеть.

Глава 28

— Я соскучился... — сказал наконец Князь с мягкой улыбкой, проведя пальцем по складочке между ее бровей.

Иллис ничего не ответила, вцепилась в Кириана обеими руками, комкая серую ткань арестантской формы, спрятала лицо у него на груди. Ее трясло так сильно, что выбившаяся из косы каштаново-рыжеватая спиралька подпрыгивала. И чувствовалось, что сведенные напряжением плечи то и дело каменеют от судорожных сокращений вдоль порванных когда-то мышц. Но она даже не обращает на это внимания.

— Ну что ты, маленькая... — он провел одной рукой по ее волосам, прижимая еще крепче к себе. Задыхаясь от ее близости, от нежности, от чего-то еще, что никогда не станет для него обыденным и привычным. — Ничего страшного. Я вот он... живой... Ну? Ну вот до чего ты себя довела, глупенькая? Подумаешь, из-за каких-то пустяков...

— Пустяков?! — Иллис наконец оторвалась от него, сверкнув снизу вверх янтарными молниями. — Тебе надо лечь, немедленно! — Она настойчиво потянула его в сторону собственной кровати.

Кому еще тут надо лечь — это вопрос... Кир внимательно отслеживал малейшие изменения в голосе и лице девушки. Но если ей так будет спокойнее...

— Надо — значит, лягу, — он блеснул улыбкой и заправил выбившуюся прядку ей за ухо. — Особенно если ты со мной...

Иллис понемногу успокаивалась. Вот он, и правда живой, настоящий, теплый. Можно потрогать, можно прижаться, и вообще... Хеллес, ей даже там, у разрушенной башни, не было так страшно, как сегодня. Умом она понимала, что нет причин для такой ненормальной реакции, тем более для паники, дикой, неуправляемой. Но ничего не могла с собой поделать.

Весь день прошел как в кошмаре между этими приступами, когда она могла думать только об одном: ему там ПЛОХО, они... они с ним... После того что было утром, ей все время казалось, что если сию секунду не найти его и не увидеть — случится еще что-то, такое же ужасное или еще хуже.

Паника сменялась тягучими, сбивающими с ног судорогами, когда девушка превращалась в один сплошной комок боли и теряла способность связно мыслить. Зато и паника отступала. Чтобы вернуться, как только боль немного ослабнет

Но теперь он здесь, и его надо... надо для начала осмотреть.

— Конечно, куда я от тебя денусь, — немного ворчливо и уже гораздо более «своим» голосом отозвалась она, подталкивая парня в сторону кровати. — Ложись. И раздевайся. То есть сначала раздевайся, потом ложись.

Кириан, который был уже на полпути к кровати, затормозил.

— Какая ты быстрая! Может, все же подождем, пока... — он глазами указал на ширму и понизил голос, — пока мы будем одни?

За игривым тоном он прятал нешуточное беспокойство. Что с ней такое происходит? Это больше, чем просто испуг... Парни по дороге рассказали ему все и про то, в каком она шоке была сразу после плача, и как потом... они с ней весь день... развлекались, получается.

Утром Льен ее притащил в комнату, и какое-то время она просто была в ступоре, даже удалось ее напоить и усыпить, но ненадолго. Она проснулась, и ВСЕ. Попытка остановить рвущуюся непонятно куда девушку закончилась плачевно. Начались такие судороги, что она не могла пошевелиться, чтобы ее не скрутило. Запихнули в кровать, час прыгали всем коллективом вокруг, с массажами и мазями.

Отошла... отдышалась.

И снова-здорово — на подвиги, то есть на поиски. Удержали — и пое-е-ехало по новой. Вот примерно после третьего раза парни поняли, что легче ей Кейроша из-под земли добыть. Поскольку ни у кого из них не было уверенности, что по пути в карцер она не устроит революцию на тему справедливости, и поскольку в карцере ей, опять же, будет холодно и сыро... решили не ее туда, а его оттуда. Только тогда она немного успокоилась и согласилась ждать.

Теперь и Кир не на шутку опасался ее реакции. Если Иллис так напугало то, что она видела утром — тут его опять обожгло этой мыслью, — значит, сейчас надо во что бы то ни стало убедить ее, что с ним все в порядке. А если он разденется, добиться этого будет весьма трудно. Только вот спорить с ней сейчас тоже нельзя!

Да и в принципе безнадежное это занятие — спорить с Илль. Достаточно посмотреть в это застывшее личико, на котором решимость написана светящимися буквами. Ну и то, как она без лишних слов вцепилась в несчастную пародию на рубаху... Если не поторопиться — порвет ведь. А ему ведь как-то обратно в карцер добираться.

— Еще ни одна женщина с такой горячностью не снимала с меня одежду! — пробурчал Кир себе под нос, стараясь разрядить обстановку — Радость моя... ну что ты там хочешь увидеть? Наш милый лекарь уже вылечил все что нужно.

— По крайней мере, я должен был попытаться... — услышали через минуту парни за ширмой.

— Что я, по-твоему там не видела... — совсем шепотом ответила наконец Иллис, смущенно покосившись на ширму. И тут же снова забыла обо всем, на глазах бледнея и спадая с лица.

— Хеллес...

Кириан дернулся, ощущая себя хуже некуда. Мало того что предстал перед ней в таком неприглядном виде, так еще и снова ее напугал! Но не вскакивать же теперь? Однако вопреки его страхам, Иллис ужасалась недолго. А вместо этого развила бурную деятельность.

Откуда-то появились незнакомые микроскопические пузырьки и баночки. Девушка сосредоточенно накапала что-то красное из совсем уж маленькой склянки в стакан, отсчитывая капли. Потом поджала губы и выплеснула туда же остатки. Склянку сунула в сумку, стакан вручила Кейрошу.

— Пей. И потерпи, — последнее относилось к еще одной посудинке для гномов, откуда прямо на пострадавшее место было выдавлено нечто резко пахнущее незнакомыми травами и... довольно жгучее!

Он был готов выпить все что угодно, хоть яд, лишь бы лицо у нее не было таким, как минуту назад. Нет, он не видел ее взгляда, но ощущал его спиной до малейших деталей.

«Все сделаю, маленькая, все, что скажешь. Ради твоего спокойствия...» И тут же зашипел сквозь зубы.

— Эй! Ты что, решила, что мне недостаточно?!

— Тш-ш-ш-ш, тихо-тихо-тихо... — как ребенка, погладила она его по волосам, по плечу. —

Это сейчас пройдет, потерпи совсем немножко. Зато потом почти не будет больно, обещаю! — Она быстро и осторожно стала размазывать зелье по пострадавшему месту. — Сейчас-сейчас! Все пройдет!

Еще бы не прошло...

Иллис незаметно вздохнула. Конец ее запасам. Доза-то одноразовая, для чрезвычайных ситуаций во время боевых действий. Зелья редкие, дорогие, подотчетные... то есть если что — в следующем рейде она останется без них. Да когда он будет еще, тот рейд, и будет ли... и вполне возможно, ничего такого в нем и не понадобится. А даже если... справится как-нибудь.

Иллис покосилась на своего пациента и подумала, что ему эти подробности знать точно ни к чему. Знал бы, голову бы оторвал. Ну, то есть пить не стал бы, это точно! А потому — меньше знает, крепче спит. Теперь понятно, что имела в виду матушка Маниса, когда про женскую дипломатию говорила...

— А я думал, «золотой набор» выдается только перед боем... — задумчиво поведал Кириан, прислушиваясь к себе и ощущая, как боль уходит, словно вода в песок. Обрывки прочитанного когда-то про Орден всплывали в памяти. Вообще говоря, он не был уверен, что Иллис использует именно «золотой набор», но отвлечь ее разговором не помешало бы.

— Не перед боем, а просто разовая доза в расчете на следующий ре... — машинально ответила девушка и спохватилась:

— Что?! А ты откуда знаешь?!

— Ты что, истратила на меня свой разовый запас?! — на этот раз Киру удалось вскочить и натянуть рубашку без проблем, боль действительно отступила.

— Ну куда подпрыгиваешь?! С ума сошел — в таком состоянии? — Иллис была очень недовольна. Знающий какой, на ее голову! Вот откуда ему известно про то, что вне Ордена не знает никто? — Ложись, буду дальше лечить... Да сними ты свою тряпку ну что ты в нее вцепился как в родную! — она попыталась отвлечь Князя от опасной темы.

— Если бы я знал, что ты такое творить станешь, и в первый раз не лег бы! — Кириан содрогнулся. Представил, как Иллис в рейде получает ранение, а у нее нет «золотого набора».

Живое воображение на этот раз обернулось против него — перед глазами возникло видение, как любимая погибает где-то у торка на рогах из-за того, что вовремя не сможет оказать себе помощь... Ее рейды сами по себе были для него большой темой, а уж тут...

— У тебя что, совсем мозги отключились?! На такие пустяки тратить разовую боевую дозу! А если с тобой что случится?!!

— Вот про мозги я на твоём месте молчала бы! — потеряла терпение Иллис. — За каким торком ты вообще влез во все это? Я сама бы разобралась!

От неожиданности Кир сел прямо на пакет с травами, оставленный на кровати.

— Сама бы разобралась? — медленно переспросил он. — С кем бы ты сама разобралась? С Инспекторским Надзором?

— Да хоть с самим Торком! Что теперь, ты все время будешь за меня подставляться под всякое де... — от ругательства она все же удержалась, но не от дальнейшего выяснения отношений, — под всякие неприятности? Даже не думай! Не смей больше так делать!

— Ты что же, думаешь, я мог по-другому поступить? Как тебе такое вообще пришло в голову?! Буду! Подставлялся и буду подставляться. Всегда, поняла?

Мальчишки за ширмой уже какое-то время честно пытались спать. Правда, раздеваться полностью никто не стал, только форму сменили на более удобные штаны и рубашки и прилегли прямо поверх застеленных покрывал.

Но спать, естественно, не получалось. Уснешь тут... Последние слова Князя из-за ширмы вообще заставили всех поднять головы и переглянуться. Уважительно.

Что такое спорить с Иллис, они хорошо знали. И не просто спорить, а заявлять ей такое! Силен Кейрош.

— А я сказала, не смей! — Иллис окончательно вышла из себя и уже не сдерживала голос. — Да я чуть не умерла, когда увидела, как тебя там... С какой стати ты пытаешься...

Закончить Кириан ей не дал:

— С такой! Я мужчина, и все твои проблемы — МОИ проблемы. Пока я с тобой, другому не будет.

«А я буду с тобой всегда, пока жив», — мысленно закончил он.

Иллис даже замолчала на секунду, опешила. Открыла рот, закрыла, глядя на парня ошалелыми глазами. Ничего себе заявочки!

— Ах, мужчина... — девушка прищурилась, и стало понятно: все, вышла на тропу войны. — Ну вот что, мужчина! Имей в виду мужчина... завтра я иду к ректору и в Надзор. Мне плевать, что они там себе навывдумывали, я заставлю их разобраться, как все было на самом деле! Я не позволю, чтобы с тобой творили такое безнаказанно!

Теперь настал черед Кира разинуть рот. Пойдешь в Надзор, значит... Заставишь разобраться...

— Никуда ты не пойдешь! — заорал он не своим голосом. — Даже если мне придется тебя связать по рукам и ногам и запереть в подвале! И мне все в этом помогут, можешь не сомневаться!

— Пойду! — в запале Иллис тоже продемонстрировала, что голос у нее вполне себе громкий. — Я тебе не девчонка, и... я мастер Ордена! Я и могу, и умею... — что она там может и умеет, ей опять не дали высказать.

— Да хоть магистр! Ты все равно моя девушка. Моя любимая девушка. И это мое право — защищать тебя от всего на свете. Не смей отнимать его у меня! — уже без крика, но неожиданно жестко припечатал Князь.

Иллис несколько секунд смотрела на него большими недоверчивыми глазами. Потом они стали еще больше, до краев заполнившись слезами. Нижняя губа, обиженно припухшая, задрожала, и она вдруг закрыла лицо руками, отчаянно всхлипнув.

— Илли... ты чего?.. — Кириан моментально растерял всю свою решительность. Осторожно потряс ее за плечо. Он почему-то до ужаса испугался ее слез.

Но она уже вовсю рыдала, сотрясаясь от плача и не отнимая рук от лица. Страх и напряжение ужасного дня наконец нашли выход, просачиваясь сквозь сжатые пальцы горько-солеными каплями.

Больше не раздумывая ни минуты, он сгреб ее в охапку.

— Ну прости, маленькая! Прости меня!

Иллис не сопротивлялась — позволила себя обнять, но рыдать не перестала, только делала теперь это в его рубашку.

— Ну все, все... — он нежно гладил ее по волосам и по вздрагивающей спине. — Ну я все сделаю, все что хочешь, только успокойся! Ну не плачь! Илли, у меня рубашка промокнет насквозь такими темпами! А другой нет. Ну что мне сделать, чтобы ты перестала?!

Видя, что слова помогают не особо, Кириан начал действовать, вернее попытался. Поднять себя на руки Иллис категорически не дала.

— Ну куда?! — всхлипнула она, выворачиваясь из его объятий. — Сам едва на ногах стоишь! Иди... ложись сейчас же...

— Бегу! И даже рубашку сам снимаю, видишь? Только не плачь больше!

То ли он действительно спешил, то ли теснота была виновата, а может, нарушилась после всего координация, но зеленая ширма опрокинулась в самый неожиданный момент, открывая «спящей» публике неподражаемую картину.

Вздрогнув от грохота, Иллис на пару секунд застыла, глядя на рухнувшую ширму, застывшего в процессе разоблачения Кира, подскочивших от неожиданности мальчишек...

И вдруг прыснула, зажав рот ладошкой. А потом не выдержала и зашлась заразительным, хотя и немного нервным смехом.

И не она одна. Вряд ли кто-то из всей академии мог похвастаться, что видел надменного Князя с таким ошарашенным лицом.

Впрочем, оправился тот быстро.

— Ну и денек... — ворчливо вздохнул Кейрош, рывком натягивая рубашку на место.

— Майс, ты не можешь придумать мне автоматическую снималку и надевалку этого балахона?

Но тут же, глядя на хохочущую Иллис, не удержался от улыбки.

— Тебе-то чего смешно? Я знаю, что неотразим в нижнем белье, но чтоб стены падали! Иди ко мне...

Вскоре они смеялись уже обнявшись.

А когда чуть успокоились, привставший на своей кровати Льен за спиной у Иллис незаметно подмигнул Князю и показал оттопыренный вверх большой палец. Потом встал окончательно и поставил ширму на место.

«Когда ты смеешься, мне нравится гораздо больше... — Кириан взял ее лицо в свои ладони. Губы скользнули по лбу по глазам, чмокнули в кончик носа. — Гораздо больше».

Ее губки были припухшими, чуть солеными. На какое-то время весь мир исчез.

И вернулся на место только минут через пять, чтобы опять стать другим.

Смех, казалось, позволил сбросить если не весь груз этого не самого простого дня, то как минимум половину.

Так что на кровать Кириан улегся вполне добровольно и в хорошем настроении, хотя и поворчал опять по поводу многострадальной серой арестантской рубахи.

Иллис, все еще улыбаясь, уже без душераздирающих переживаний, почти спокойно смазывала его вербеной, уверяя, что сегодня привезла из Ордена почти бочку этого бальзама, потому что старшие мастера все же сходили в рейд и экономия отныне отменяется. Кириан лежал и млеял, едва не мурлыкал. До того самого момента, когда Иллис попробовала еще раз прощупать почву:

— Но все же с ректором я на эту тему поговорю завтра... Он тут же приподнялся на локте и обернулся к ней.

— Нет Если ты меня любишь, обещаю, что не станешь этого делать.

Девушка тяжело вздохнула. Посмотрела ему в глаза. Вздохнула еще раз. И скрестила за спиной пальцы.

— Обещаю... — она прилегла рядом, так, чтобы ему не приходилось напрягаться и выворачивать шею, чтобы смотреть ей в лицо.

Парни за ширмой в очередной раз обменялись потрясенными взглядами. Решительно, Князь за сегодняшний вечер вырос 8 их глазах даже больше, чем за сегодняшнее утро!

А Кириан почувствовал, что его в очередной раз захлестывает волна острой, щемящей какой-то нежности.

— Люблю тебя, — сказал он одними губами, наклоняясь над ней. — Ты даже не представляешь себе, как я тебя люблю...

Ее лицо как будто светилось изнутри. Губы, приоткрытые и казавшиеся такими беспомощными... Последнее, что зафиксировало сознание Князя, были тихие слова Маиса из-за ширмы:

— Пойдем, что ли, на дерево, рессы хорошие? Раз в коридор нельзя. На полчаса! Эй, вы там слышали? Полчаса у вас!

Угу, наивный Майс.

— Ну и? — Габриэль со стоном попытался устроиться в развилке. Проклятый сучок, оставшийся от неосторожно сломленной веточки, с каждой минутой становился все тверже и мстительно впивался в то, что парень так старательно умащивал поудобнее. — Долго мы еще будем изображать тут семейство несчастных кукушек? Уже час прошел!

— Скорее уж несчастных филинов, — откуда-то снизу и не менее уныло отозвался Майс. — Если я так влюблюсь — пристрелите меня, — повторил он слова, недавно уже сказанные Габриэлем.

— Да с удовольствием! — пообещал автор высказывания. — Еще одну ночь на дереве я не выдержу! Льен! Ну что там?

— Ничего, — меланхолично раздалось из темноты. — Целуются.

«Семейство полуночных кукушек» дружно застонало, действительно больше подражая филинам.

Еще через пять минут оттуда, где угнезвился Норр, послышался треск и несколько крепких выражений.

— Чего? — встревожились остальные «птички».

— Ничего! Уснул и чуть не свалился, — с досадой отозвался Норр. — Слушайте, надо что-то делать!!! Эти... влюбленные днем выпались, в отличие от нас, они же так до утра могут... общаться!

— Ладно. — Льен решительно зашелестел листьями в сторону окна. — Раз такое дело, пойдем на крайние меры...

Глава 30

А за ширмой, казалось, прошло всего несколько минут. Правда, пару раз они честно сделали попытку уgomониться. Мол, спим? Спим!

И через минуту кто-то снова не выдерживал, шепот, а потом и поцелуи возобновлялись. Причем справедливости ради стоит заметить, что оба были хороши.

— Знаешь, я тебя, пожалуй, все-таки привяжу на веревочку. И отпускать буду только на занятия и в столовую.

— Угу, а еще навесишь пар... пор... мешок на голову, как в Ханганатах?

— Хорошая идея! Они, кстати, своим дамам этот мешок знаешь почему надевают? Потому что под ним кроме собственно дамы еще только пара лоскутков и веревочка! М-

м-м-м... Ай!

— Агай. Хорошая идея, говоришь?

— Уже и помечтать нельзя...

— Можно, только я тогда тоже буду мечтать. Вот, скажем, на Фрикландских островах, говорят, у тамошних дам по три мужа, и все тоже с веревочками вместо одежды... причем без никаких мешков, представляешь?

— Ну вот еще, представлять такое... и вообще! Чего-то вы, ресса, много разговариваете! Надо занять вас делом... маленькая... люблю тебя...

Какое-то время не слышно ничего, кроме поцелуев, потом тишину снова нарушает тихий смешок:

— Вот кто бы знал, что в твою постель нужно пробираться таким способом. Давно бы уже... уй! Ну что такое, в самом деле! Что за отношение к раненому!

— Сейчас я тебе твое раненое место еще раз пораню, паразит такой! Я тебе дам способ! Только попробуй еще раз так меня напугать!

— Нет, пожалуй, я лучше воспользуюсь тем, чего уже добился.

Льен, который уже пару раз деликатно покашлял за ширмой и один раз даже тихонько в нее постучал, мученически вздохнул и полез в тумбочку.

Сами не угомонятся, факт... Где у нас тут травы были... Главное, не прислушиваться к тому, что там происходит, за ширмой.

— Ой, больно? Прости, я нечаянно задела... хороший мой, любимый... что же эти сволочи с тобой сделали?!

Кириан тихо и счастливо засмеялся.

— Не больно. Но если ты заденешь так еще пару раз... виновата будешь сама. Потому что тогда меня вряд ли что-то удержит, даже опасность помереть в процессе...

Иллис не выдержала и хихикнула. Завозилась, устраиваясь поудобнее и глядя ему в лицо невинными глазками. Теплые пальчики словно невзначай скользнули под рубашку, прошлись по его ребрам вниз, вниз... погладили...

— Ну ты нарочно, что ли? — сдавленно возмутился Кир, непроизвольно выгибаясь вслед за ее рукой. — Я ведь могу и ответить...

— Кхм... — оба вздрогнули и обернулись.

— Извините, что прерываю... кхм... вашу беседу... — Льен все-таки решился войти.

— Но спать на дереве мы пока не научились. Да и спать-то осталось не так уж много.

— Все-все, возвращайтесь, мы уже паиньки! — попыталась заверить его Иллис и демонстративно закрыла глаза. Уткнулась носом Кириану в шею и не выдержала, тихо-онечко подула.

-Ай-с-с-с-с-с... — Князь с трудом втянул воздух сквозь стиснутые зубы и едва не застонал. Ну что она творит?! Неужели не понимает...

Тут он разглядел лукавый отблеск из-под вроде бы смиренно опущенных ресничек и вздохнул еще раз — понимает, паразитка, и еще как! И пользуется тем, что может дразниться безнаказанно.

— Ладно, хулиганка! Я тебе припомню это издевательство. И не хихикай! — Кир, кивнув Льену который демонстративно стучал пальцем по часам, пожал плечами: ну что я могу с ней поделаться?

Льен изобразил зверскую рожу и даже погрозил кулаком. И сунул Князю две кружки с

чем-то горячим.

— Сначала ты, — Кейрош взял обе кружки и одну поднес Иллис прямо к губам. — А то вдруг твои приятели отравить меня задумали, откуда мне знать? — В ехидно сощуренных глазах таились искорки смеха.

— Это что за гадость? — девушка тут же открыла глаза и отпрянула, забавно пошевелив носом, когда горячий пар коснулся ее лица. Она посмотрела в кружку с заметным подозрением. — Я сама не уверена, между прочим!

Льен закатил глаза к потолку и застонал. Потом уставился на Кириана в упор, словно говоря взглядом: что хочешь делай, но чтобы она выпила и через пять минут спала!!!

Князь изогнул бровь. Вздохнул. И сказал девушке:

— Тогда давай одновременно. Умрем, если что, в один день.

— М-да? — Иллис косилась в сторону напитка все еще с заметным подозрением. Хотя, собственно, давно поняла, что это такое. Как и то, что да, надо выпить — нервное напряжение дня обернулось для обоих неугомонной разговорчивостью и даже боязнью заснуть — и перестать чувствовать друг друга рядом. А отдохнуть нужно, особенно ему...

— Ладно, уговорил. Но имей в виду! — она на секунду остановилась, отведя кружку ото рта. — Только попробуй умереть хоть на пять минут раньше, я тебе такую веселую загробную жизнь устрою, что оживешь уже через полчаса! — И выпила.

Они и вправду умерли одновременно. Во всяком случае, так выглядело почти мгновенное погружение в сон. Кириан спал, расслабленно откинув голову на подушку, даже чуть улыбаясь во сне. И надежно обхватив уткнувшуюся ему в плечо девочку рукой, то ли защищая, то ли для гарантии, что не сбежит... непоседа!

Льен хмыкнул и пошел к окну:

— Кукушки, за-алетай! Заснули.

— О-о-о... наконец-то!

— Торк! С-с-с... этот сучок во мне уже дырку проковырял... синяк будет...

— А-аоаоа... какое счастье, крова-а-а-ать!

Кириан проснулся оттого, что его кто-то активно тряс за плечо. Он не сразу понял, где он находится. Зажмурился и слегка помотал головой, возвращая зрение.

— Тс-с-с-с!

Льен. Что ему надо в такую рань? Договорились же, что утром их разбудят уже после начала занятий и потихоньку переправят Кейроша в карцер, пока коридоры пусты.

— Не разбуди! — Льен предупреждающе повел глазами в сторону свернувшейся калачиком под боком у Кириана девушки. — Вставай, только тихо!

Что-то в тоне Льена заставило Князя моментально стряхнуть с себя сон. Он бросил на Иллис взгляд, полный нежности и сожаления.

«Кажется, сегодня я не увижу, как ты просыпаешься...»

Он аккуратно снял руку, обнимавшую Иллис. Очень хотелось провести пальцем по нежным губам, по щеке, но он не решился, боясь ее разбудить.

— То-о-орк! — вчера он и думать забыл про боль, а сегодня она вернулась. И от этого казалась еще сильнее. По всей видимости, действие «золотого набора» кончилось. Надо предупредить Анеллу, что эта... поросюшка натворила.

Льен моментально подставил плечо. Помог встать так, чтобы не побеспокоить

маленькую соню, и выбраться за ширму.

— Тебя надо срочно вернуть в карцер, — вполголоса пояснил он, пока Кейрош слегка ошарашенно наблюдал процесс выковыривания курсанта ди Реара из постели. Габриэль один не справлялся, так что подключился Норриан и без лишних церемоний вытряхнул сплюшку на пол прямо из одеяла, в которое тот замотался как в кокон.

Майс коротко ойкнул, шлепнувшись на холодный пол, и ему тут же зажали рот. Он попытался что-то промычать и отчаянно затряс головой, но подсунутый под нос кулак, а потом кружка с чем-то горячим живо ликвидировали протест.

Майс, не вставая с пола, присосался к парящему напитку, мрачно зыря из-за кружки на окружающих сонными глазами.

Льен тем временем коротко обрисовывал ситуацию. Инспектор заявился в академию ни свет ни заря. Хотя обещал быть только к обеду. Обманул, зараза. Да торк его знает почему! Их с ректором заметил дежурный и прислал с вестью малька. Так что придется пробираться обратно. Через холл нельзя — могут заметить. Придется через служебные помещения. Тоже риск, но меньший. Времени мало. До подъема они в карцер точно не сунутся, а вот потом...

Через минуту уже одетый Габриэль отработанным движением выдернул у Маиса кружку, сунув вместо нее форменные брюки. Майс, уже почти проснувшийся к этому моменту, принялся быстро одеваться, не задавая лишних вопросов.

— Это у вас специальный ритуал разработан? — несмотря на кризисную ситуацию, Кейрош не терял чувство юмора. — А ледяной водой окатить было бы быстрее.

— Но громче, — невозмутимо отозвался Норриан. — Иллис разбудим. А так... Льен ей вчера двойную дозу заварил, есть надежда, что проспит до обеда, а там тебя уже выпустят, особенно если надзорник к тому времени уберется.

— Хорошо бы... — Кир поставил на стол чашку, которую ему тоже дали выпить. — И... спасибо.

— На здоровье, — хмыкнул Гай, метко запуская под ноги уже заметавшемуся в поисках обуви Маису второй сапог.

— Если не проследить, будет собираться до завтрака и перевернет всю комнату, — пояснил он свои действия вопросительно приподнявшему бровь Кейрошу. — «Арсенал» и прочие воспитательные меры вплоть до сапогом по башке не помогают.

— Мы семь лет бились и плюнули в конце концов, — Норриан был сосредоточен и собран, как перед боем, но все же нашел нужным объяснить. — Проще проконтролировать, если надо срочно. Все, двинули. Льен остается с Иллис, он единственный с ней справится, если что. Я впереди, вы трое за мной.

Глава 31

Они опять почти тащили его на своих плечах. На этот раз Князь без колебаний признал, что так будет быстрее. Норр шел впереди. В некоторых местах им приходилось останавливаться за углом в ожидании сигнала, что можно двигаться дальше.

По дороге то и дело попадались «часовые». Надо же! Пол-академии вовлечено в процесс.

Спецоперация в лучших традициях рейнджеров, ни много ни мало. Мастер ди Хасс остался бы доволен. Кир в очередной раз подивился слаженности четверки и... возможно, это ненадолго, но сейчас он словно один из них.

Сколько раз он задумывался, как все сложилось бы, если бы им удалось подружиться тогда, на первом курсе. Ведь мечтал же об этом, мечтал! И завидовал. А теперь... глупо как-то, вот так, мысленно охая от острой боли в спине и рискуя заработать дополнительные неприятности, сдерживать расплывающуюся по физиономии улыбку. Особенно когда тебя еще на ходу развлекают такими подробностями:

— Норриан первое время с ума сходил. Сам с вечера следил, чтобы это недоразумение сложило все вещи аккуратно на стул, все вроде как положено... а утром снова-здорово! — шепотом рассказывал Габриэль, пока они с Майсом, закинув на плечи руки Кириана, почти бегом перемещали его по коридору до очередной лестницы, где и остановились, дожидаясь знака от Норра. — Техномагический гений непобедим!

— Да, я такой, — совершенно невозмутимо подтвердил Майс и словно в подтверждение зевнул. — Ненавижу инспекторов... Какого торка он приперся в такую рань?!

— Стоп! — Норр прервал увлекательное повествование резким шепотом. — Опоздали... В обход, бегом!

Кириан мысленно выругался. В обход... Да там лестниц до торкового дедушки!

— Ты как, сможешь? Надо бы ускориться... — выразил Норр всеобщее беспокойство.

— Ну, если ди Реар не заснет на ходу, тогда шансы есть, — фыркнул Кейрош, кивая в сторону отчаянно зевающего технического гения, которого Гай тут же пихнул в

бок.

Ох, осуществить задумку с обходным маневром оказалось не так-то просто.

— Милая прогулочка, — процедил Князь сквозь сжатые зубы, когда они преодолели очередной лестничный пролет. — Надеюсь, на стену нам забираться не придется? Что ты на меня так смотришь, ди Майрис?

— Думаю, как тебя огорчить поделикатнее, — усмехнулся Норриан. — У нас остался единственный возможный путь, Кейрош: окно на лестничной клетке, там, где эти фикусы в горшках. Утешает одно — стена там невысокая. Зато окно... не слишком большое.

— Каэрхова бабушка! Боюсь думать, как это должно выглядеть в «неделикатном» варианте. Другого маршрута точно нет? Ну пошли тогда, пока и там не перекрыли.

До окна они добрались без приключений, «огородами» протащили свою ношу к самой стене.

— Это не окно, а форточка, — недовольно констатировал Майс, критически прикидывая соотношение собственных габаритов и размер окна. — Но пролезть должны. Я пошел... Гай, давай ты с этой стороны его пропихнешь, а я с той ловить буду

— Лезьте вдвоем, — возразил Норриан. — Один пусть ловит, а второй к повороту в коридор — и смотреть в оба. А я его отсюда подсажу.

Кириан почел за лучшее промолчать. Только сопровождал обоих альпинистов прищуренным взглядом. Потому что все, что он сейчас мог сказать, звучало чересчур непристойно, да и сил на ругательства не было. М-да... угораздило влипнуть.

Парни протиснулись в маленькое окошко и исчезли внутри здания. Когда пришла его очередь и Норр беззвучно присел, подставляя плечи, чтобы Кириан мог залезть, тот не удержался:

— Ди Майрис... я всегда знал... что сумею подняться выше тебя... Видишь, я оказался прав!

— Прав, прав, успокойся, — совершенно непривычно отозвался Норриан. Напряжение от необходимости балансировать с грузом мешалось в его голосе с усмешкой. И она была не злой. — Ты, главное, не застрянь там, на этой своей высоте.

Вот зря он это сказал. Накаркал...

Кир уже сумел просунуться в окошко наполовину, уже отдышался, готовясь к последнему, самому трудному рывку, сжал зубы... как вдруг...

— Чего? — нервным шепотом испугался Майс, глядя в ставшие квадратными глаза Князя.

— Ничего! — не менее испуганно моргнул тот. — В смысле... не идет... застрял!

— Не может быть!!! — совсем переполошился Майс и вцепился «застряльцу» в предплечья. И дернул!

— Уй! Стой! — шепотом, но завопил Кир. — Больно, черт!

— Щас выдернем, погоди... погоди... я соображу только, что ему мешает... — засуетился Майс.

— Мозг, — мрачно предположил снаружи Норриан и попытался со своей стороны утрамбовать не вместившееся.

Майс пыхтел где-то под боком и обещал, что вот-вот, но не успел, из-за поворота вылетел Габриэль, не менее квадратными глазами охватил диспозицию и рывком сдвинул с места стоявшую у стены огромную бадью, где жил развесистый — целое дерево — фикус. Кириану прямо по лицу хлестнули зеленые ветки с крупными листьями.

— Замри! — прошипели листья голосом горца, предупреждая уже готовые вырваться крепкие выражения. — Опасно! Не дыши даже! И сразу вслед за этим другие голоса.

— Да, инспектор, помещение достаточно просторное. Прошу, — донесся до Кириана голос генерала Грарарда, и он похолодел. По легкому шороху Князь понял, что Габриэль и Майс вытянулись по стойке смирно. Оставалось только надеяться, что их спины и фикус укроют его в достаточной степени...

— Что тут делают эти курсанты? — осведомился инспектор после традиционного приветствия, внимательно вглядываясь в подтянутых парней. — Насколько мне известно, свободно перемещаться по дисциплинарной части может только дежурный.

— Инспектор Блейр, я дал поручение курсантам выпускного курса провести общую инвентаризацию всех помещений академии. И поиск слабых мест в системе охраны. Кто, как не выпускники, успели изучить этот вопрос? Последний инцидент показал, что этому нужно уделить особое внимание, — сухо проинформировал генерал. — Именно эти курсанты, — он выделил фразу голосом, — к вечеру подготовят мне письменный отчет о состоянии дисциплинарного крыла и его слабых местах. Не будем им мешать, мы еще не осмотрели хозяйственные помещения этажом выше.

— Хм, — оценил ректорский спич инспектор. После чего развернулся и двинулся в указанном генералом направлении.

Ребята еще не успели перевести дух, как ректор Грарард обернулся к ним, строго указал глазами на фикус и вдруг озорно, совершенно по-мальчишечьи, подмигнул.

Только минуты через три после того, как шаги инспектора и его сопровождающего затихли вдали, парни поймали упавшие челюсти. Потом выдохнули. Но фикус отодвигать они не спешили, видимо из соображений безопасности.

Кириан вдруг представил лицо инспектора, если бы тот увидел его в таком положении, и тихонечко фыркнул. Приходилось ли сухарю встречать курсантов, жаждущих попасть в карцер настолько, чтобы проникать туда через слуховое окно?

Прошла еще примерно минута, и фикус от его физиономии отъехал, негодуя трясая листьями. Кириан проводил его глазами и ни с того ни с сего почувствовал

— стояло растение, никого не трогало все семь лет, что он тут учится... а тут налетели, растолкали... хорошо, что не уронили. Бедный... фикус...

Князь почувствовал, как его начинает потряхивать от сдерживаемого смеха.

— Чего вы тут застряли?! — между тем накинудся на них с Майсом Габриэль. — Я думал, меня сейчас под этим фикусом и закопают! После разрыва сердца! Ну чего он висит, тащи его, пока он там не прирос!

— При...рос уже... — выдавил Князь и не выдержал — зашелся в беззвучном хохоте.

— С вами... всегда так... весело? — всхлипнул он.

— Шок? — предположил Майс, нервно глядя на трясущегося как в припадке Кейроша. — Нервный шок на почве слегка нестандартной ситуации?!

— «Слегка нестандартной»? — застонал Кириан. — Слегка?! Боюсь представить... себе... те, которые «не слегка», — его опять затрясло от хохота.

— Истерика, — мрачно констатировал Габриэль, оценивающе присматриваясь к застрывшему. — Майс, где нам теперь взять воду?

— Зачем? — не понял Майс.

— Оденем ведро ему на голову, и он сразу перестанет хихикать.

— Светлые Эйро! — взвыл снаружи Норриан. — Да тащите уже его!!!

Через пять минут спасательные работы увенчались успехом. Кириана из окна выдернули, оставив на нем ошметки его «серости». И даже Норр успел проскользнуть следом. А Князь все никак не мог успокоиться. Смеялся до слез и подкашивающихся коленок.

— Чтоб я еще раз взялся перетаскивать это хихикающее бревно! — в сердцах ворчал Габриэль, перекидывая руку Кейроша себе на плечо. — Ну шевели же ты ногами! Ладно, хочешь ржать — торк с тобой, но на ходу на ходу!

Как они добрались до карцера, волоча трясущегося от смеха арестанта, как договорились с дежурным и просквозили в камеру — отдельная история.

Парни были уже в дверях, когда Кириан вдруг резко перестал смеяться:

— Майрис, подожди...

Глава 32

Ну и денек сегодня... Одно возвращение в карцер чего стоило! Кириан чувствовал себя так, как будто все произошедшее за последние сутки ему приснилось.

В том числе эта его истерика, когда он трясся от хохота и все никак не мог остановиться. Это точно был он? Или опять тот двойник из зеркала? Разве он когда-нибудь в жизни так смеялся? Так, что остановиться не мог, даже когда его сгрузили на жесткую лежанку. Впрочем, как раз это его немного отрезвило. Уткнувшись носом в тощую подушку и втянув через нее слегка затхлый воздух карцера, Кир вдруг вспомнил, что подспудно не дает ему покоя — Вайрис. Он не видел гада на плацу, и вообще тот больше никак не проявлял себя. Это очень настораживало. Гадину нельзя списывать со счетов!

С ним так или иначе придется что-то делать. И Кейрош вовсе не был уверен, что не попытается снова убить мерзавца при встрече. Как только вспоминал, что этот урод посмел приблизиться к Иллис, мир начинала застилать пелена ярости. Поэтому Князь поспешно оторвал голову от подушки и окликнул уходящего последним Норриана:

— Майрис! — тот обернулся уже в дверях и чуть приподнял бровь, обозначив вопрос. — Журнал мы подправили, но этот...

Серебряный Принц понял его сразу. Даже удивительно, насколько им оказались не нужны слова.

— Не волнуйся. Ближайшие две недели он никому ничего не расскажет, это точно,

— улыбка Норриана на его вечно холодном, словно мраморном лице вышла такая безмятежно-людоедская, что теперь уже Князь удивленно выгнул бровь. — А потом уже поздно будет.

— Кхм... — только и смог выдавить Кириан, глядя на закрывшуюся за Майрисом дверь.

Норриан шел по коридорам академии вслед за тихо переговаривающимися Маисом и Габриэлем и вспоминал. Прошло-то меньше суток, а как все изменилось!

Вчера утром, перед самым рассветом, Норр все же не выдержал и пошел к генералу Гоарарду Потому что это все неправильно! Несправедливо! И пусть у них нет доказательств...

Он думал было через парк добраться до преподавательского крыла и разбудить ректора, но, проходя мимо административного здания, заметил, что окна в кабинете генерала светятся. То есть он тоже не спит?

Была не была. Значит, все верно. И Норриан решительно зашагал сначала по дорожке, а потом по лестнице и по коридору, через канцелярию, к двери в ректорский кабинет. Что удивительно, секретарь тоже был на месте, и он пропустил ар'гарда, не задавая лишних вопросов, только глянул внимательно и что-то там сам для себя явно отметил.

Полчаса спустя генерал Грарард сидел за столом, обхватив голову руками, и молчал. Вытянувшийся напротив него по стойке смирно Норриан ди Майрис смотрел куда-то поверх головы ректора и тоже не издавал ни звука.

О чем говорить? Главное он рассказал. И о подставе Вайриса, и о том, что этот мерзавец посмел подкатывать к девушке. И как решил отомстить за отказ.

Норриан даже не подумал скрывать, что уже «побеседовал» с гадом и без особого труда выяснил, как тот провернул свою гнусную месть. Надо отдать должное скоту — дураком он не был. И подменил амулеты на полосе не просто так, с умом. Взял разряженные из той коробки, куда Иллис их сложила, и вставил на место тех, что на полосе. То есть создал полное впечатление, что Иллис по небрежности забыла сменить эти, последние, амулеты на полосе. Поленилась, понадеялась на авось. Абсурд для тех, кто знает ее лично. Но абсолютно недоказательно для тех, кто не знает...

Разве что Вайрис сам публично покается.

Жаль, не было возможности сразу выволочь гаденыша на плац перед всеми, пока он от боли и испуга ничего не соображал и кололся как сухое полено. Еще бы! Если бы Норр увидел себя в зеркало в тот момент, когда нависал надо перепуганным са Дайрошем, сам бы испугался ледяной жестокости в своих глазах.

Но поганец довольно быстро опомнился и прямым текстом послал всех подальше. Не докажете, и все тут.

Так что если бы не Кейрош... Норр произвольно скрипнул зубами. Несправедливость, творящаяся по вине мерзавца, продолжала нестерпимо жечь где-то в груди, и теперь ди Майрис с надеждой смотрел на генерала Гоарарда — может быть, он что-то придумает? Спасет? Разрешит ситуацию?

Увы. Все оказалось именно так, как сам Норр и подозревал. Ничего толком сделать нельзя, тем более сейчас, когда до наказания остались считанные часы. И опровергнуть слова Кириана нельзя тем более — это ударит в первую очередь по Иллис.

Потому что Блейр наверняка затеет подробное расследование с опросом всех кадетов поголовно, и кто-то обязательно проболтается. А дальше, как по ниточке, вскроется и подделка журнала, и сговор с целью выгородить «виноватую»... Страшно подумать, к чему все это может привести.

— Я попытаюсь... — голос ректора впервые на памяти Норриана так откровенно сорвался, — попытаюсь облегчить его участь. Но...

Они оба одновременно посмотрели на копию приказа, так и лежавшую у ректора на столе. Генерал невнятно рыкнул что-то сквозь зубы и смял бумагу в кулаке. Потом посмотрел на парня:

— Порка будет публичной, и... я надеюсь, кадеты моей академии покажут себя настоящими товарищами.

— Об этом не беспокойтесь. Совет ар'гардов уже извещен, более того, ра Сайеш прямо сейчас проводит разъяснительную работу среди остальных, — твердым голосом доложил Норриан. — Кейроша мы не бросим.

Ректор кивнул, как будто и не ожидал от него другого ответа.

— Хорошо... Это хорошо. Но что насчет Вайриса? Он может попытаться снова донести на Иллис инспектору Блейру, и тогда...

— Вайрис в лазарете. Я сам отвел его туда, и в ближайшие две недели ар'гард са Дайрош не выйдет из палаты и вряд ли что-то сможет кому-то объяснить.

— Кхм... — ректор уставился на Норриана с недоумением. — В каком смысле?

— Я ему челюсть сломал, — мстительно пояснил Норриан. Немного подумал и добавил: — В двух местах.

Ректор открыл рот. Закрыл. Снова обхватил голову руками, немного посидел молча и, наконец, разродился:

— Прекрасно, ди Майрис, вы понимаете, что теперь я вас должен исключить? Не говоря уже о том... руки вы этому... тоже сломали, чтобы он не написал донос?

И поперхнулся, заметив в глазах Серебряного Принца острое сожаление и нехорошую задумчивость. Воскликнул торопливо:

— Вы этого не слышали'. И вообще... идите, ар'гард, идите отсюда. В канцелярию. Скажите секретарю, что раз уж он все равно не ушел с рабочего места, то пусть готовит приказ об отчислении...

Тут генерал сделал паузу, глядя прямо в глаза Норриана, но, не заметив там и тени беспокойства — похоже, Норр предполагал такой исход и был к нему готов,

— закончил со вздохом: — Об отчислении Вайриса са Дайроша. В связи с тем, что его поведение несовместимо с высоким званием выпускника академии Рандар. И по ходатайству совета ар'гардов. Не сомневаюсь, что такое ходатайство будет.

Вот теперь Норриан вскинулся, посмотрел на ректора изумленно, потом кивнул и стремительно вышел.

Все это сейчас вспомнилось ему, пока он шел по коридору в свою комнату, оставив Кириана отбывать остаток срока в карцере. Но уже совсем скоро Князя переведут в отдельную палату. Что ж... все самое поганое вроде бы позади.

А вот руки подонку он зря не догадался переломать, жаль, что уже поздно. Ну да ладно. Когда Вайрис долечит сломанную челюсть, он из лазарета напрямик отправится за ворота академии, и уж совет ар'гардов постарается, чтобы репутация слизняка оказалась втоптана в грязь раз и навсегда.

Норр снова на ходу улыбнулся той самой, слегка шокировавшей Кириана улыбкой. Он всегда был холоден не только внешне, но и по своей сути, всегда слушал свой рассудок и неохотно откликался на эмоции. И эта небрежная совершенная холодность, которая всегда так бесила Князя и служила предметом его же зависти, вдруг преобразовалась в нечто иное. Появление Иллис разбудило в душе Норра ранее неведомый гейзер, который, в свою очередь, сдвинул непробиваемые ледяные пласты, и, оставаясь снаружи почти той же ледышкой, Норриан обнаружил в себе новую способность.

Почти неконтролируемую ярость и даже жестокость к тем, кто посмел напасть на близких ему людей. На «семью», которую он выбрал сам. На тех, кто стал дороже собственной жизни.

Вот только как получилось, что в этот узкий круг попал торков Кейрош?

Окончательно выпроводив инспектора, генерал Грарард поднялся к себе в кабинет и усталое упал в кресло. Посидел так несколько минут, прикрыв глаза, потом взял с подноса серебряный колокольчик и позвонил, вызывая секретаря.

— Приказ об отчислении курсанта са Дайроша готов? И ходатайство совета ар'гардов уже у вас на столе? Отлично, принесите, я подпишу. И сделайте мне кофе, пожалуйста. По вашему фирменному рецепту.

Получив свой кофе, щедро сдобренный глорисской спиртовой настойкой, генерал сделал первый глоток и откинулся на спинку кресла. Ну что же... с отчислением мелкого мерзавца вроде бы все улажено. Конечно, придется еще выдержать бой на заседании попечительского совета, куда отец вышеназванного гаденыша обязательно явится с громогласными жалобами и протестами. Еще бы не явился! Подобное отчисление — это крест на карьере. Ну и пусть себе! Положение в стране сейчас столь не просто, что большинству попечителей будет наплевать на вопли Дайроша-старшего.

Тем более что совет ар'гардов — это весомый аргумент не только для нынешних кадетов, но и для тех, кто входил в него много лет назад, когда сам учился в академии.

Общим открытым голосованием Вайрис са Дайрош лишен звания ар'гарда. После этого ему не место в академии, это понимают все.

Эх. Если бы и другие проблемы решались так легко... То есть, конечно, ситуация с Вайрисом оставалась неприятной, но все остальное было еще хуже.

А что, если вся эта история с инспектором не просто так?

Попечительский совет, вставший у власти после гибели последнего короля, рвали на части разные политические течения и партии. Плелись интриги, организовывались заговоры, заключались и разрывались союзы. Орден, все эти годы служивший сдерживающей силой и поддерживающий равновесие, понес тяжелые потери и почти лишился своего влияния на трон.

Разом зашевелились все, кому Полуденный мешал наживаться на редких ингредиентах из пограничья, те, кто был недоволен бесплатными школами для бедняков, бесплатными лечебницами и странноприимными домами. Высунули головы «доброжелатели» всех мастей, давно мечтавшие прибрать к рукам государственные приюты для сирот и одиноких стариков — такая кормушка!

Отец ар'гарда ра Сайеша вместе с главой службы внешней разведки собрали обширную информацию об этих жаждущих, отследили многие ниточки, тянущиеся за границу, но пока даже им не удалось выявить единый узор заговора, поэтому рвать паутину силовыми методами было опасно. Приходилось крутиться и лавировать.

И прятать Иллис. Прятать, прятать, уводить ее присутствие в тень обыденности, пресекать опасные сплетни и вбрасывать другие. Отвлекать внимание и напускать туману.

Лишь бы дать возможность девочке дожить до совершеннолетия. И не просто дожить, а собрать свою звезду. Это шанс для империи. Шанс, которого ждали сотни лет. И который чуть было не потеряли.

Конечно, генерал Грарард никогда не позволил бы никакому инспектору приблизиться к Иллис. Даже если бы девушка была на территории академии, когда все это безобразие произошло, он своим приказом приостановил бы любое расследование и увез принцессу в безопасное место.

Но на этом игре конец. Ему самому пришлось бы уйти в отставку, и это не самое страшное! Главное, инцидент привлек бы пристальное внимание к личности Иллис и сорвал последний этап формирования ее связи с лучами.

Вот почему признание Кириана выбило генерала из колеи настолько, что он наговорил парню лишнего. Очень уж горьким оказалось разочарование в том, кого он уже считал частью будущей Звезды наследницы. И только спустя время, трезво оценив ситуацию, Грарард засомневался в произошедшем. Он сам уже хотел пойти в карцер и поговорить с Кейрошем, когда в дверь его кабинета постучал Норриан ди Майрис.

Признаться, когда Серебряный Принц «выложил на стол» все факты, ректора на секунду охватил суеверный ужас. Мелькнула дикая мысль о том, что сама судьба подстраивает этой пятерке парней испытания, пробуя на излом.

Жестокие испытания. Каких порой и взрослому человеку не познать за всю жизнь.

Но, глядя в ледяные глаза Норриана, сейчас готового снести полмира ради спасения бывшего врага, ректор уже не был так уверен в «происках судьбы». Может быть, они просто сами сломали эту дурацкую вражду и соперничество? Просто потому что оказались достаточно сильны?

Он хотел бы вмешаться. Очень хотел! Торк! Это его мальчишки, он за них в ответе. А сейчас одного из них приходится буквально принести в жертву обстоятельствам.

И он связан по рукам и ногам! Потому что вмешательство разрушит ту хрупкую связь, которая только-только начала между ними устанавливаться. И ребята должны разобраться сами, без посторонней помощи. Либо они сумеют это, либо нет. Впрочем, кое-что он все-таки сделать может...

Грарард как мог задержал распространение сплетен об инциденте, а также пошел на кое-какие договоренности с инспектором Блейром, выторговав у того не послабление, но обещание не предавать случившееся огласке, пока не будет закончена проверка остальных учебных заведений и не обнародован отчет.

Это даст Кириану немного времени, чтобы собраться с силами для решающего разговора с отцом. А то, что этот разговор состоится, сомнению не подлежит. Парню хватило воли и мужества, чтобы защитить свою любовь от несправедливого наказания, но хватит ли сил защитить ее от лорда Эса ди Кейрош?

Вопрос... вопрос. Ничего еще не кончилось. И в этой битве ректор Кириану не помощник. Ему остается только надеяться...

Признаться, очень хотелось сходить в лазарет, куда после отъезда инспектора перевели Кириана, поговорить с ним, объяснить, поддержать. Но ректор усилием воли подавил этот порыв. До выпускного испытания Звезды чуть больше полутора месяцев, а у ребят и Иллис все еще только-только начало, наконец, выстраиваться. А ведь связь уже должна была не просто установиться, но и окрепнуть. Успеют ли они? Все так непрочное, зыбкое, паутинки связи такие тонкие, что кажется — подуй, и рассыплется это хрупкое равновесие.

Он оградит их от внешних угроз, насколько сможет. Но и только.

Письма, отправленные Вайрисом, дальше академии не уйдут, он проследит лично. Так что у Кириана будет время на то, чтобы прийти в себя до того момента, когда обо всем узнает старший Кейрош.

Как бы только дать ему знать, что это время у него есть?

Глава 34

Кириан пока ничего не знал о размышлениях ректора. И об отце не думал — было просто не до того. Сначала к нему в карцер притащился инспектор Блейр собственной персоной. Старый маразматик минут пятнадцать мучал Князя нотациями. Стоило трудов не вскочить и не послать его к торку! С его нравоучениями и с его инспекцией в целом.

Зато после его отъезда сразу перевели в лазарет. Лучше бы, конечно, опять к Иллис... но самому не выбраться. На новой постели в отдельной палате Кириан лег щекой на скрещенные руки и размечтался. Он почти почувствовал, как ее рука проводит по его волосам, а потом нежные пальчики пробегают по плечу...

— Илли... что? Это ты или мне снится?

— Понятия не имею, — хитро улыбнулось видение, и ласковые пальчики еще раз пробежались по волосам, по плечу, ниже, по руке, до самой кисти...

— Ох... — Кириан блаженно улыбнулся в подушку. — Если это сон, то лучший за последнее время. Как ты проникла?

— Вопрос, конечно, интересный, — видение не собиралось облегчать ему угадывание. — Если я сон, то... — все это время легкие прикосновения не прекращались ни на мгновение, более того, одеяло потихоньку поползло со спины. Арестанскую дерюгу он оставил в карцере и был одет только в пижамные штаны — в лазарете было тепло, —то прилетела на крыльях любви. А если не сон... даже не знаю. Может, в окно залезла, как думаешь?

Пальчики скользнули по шее и слегка пощекотали.

— М-м-м-м... Я не могу думать, когда ты так прикасаешься. К тому же мне больше нравится версия про крылья любви.

— Крылья так крылья, — коварные пальчики тем временем оставили 8 покое шею и как-то непонятно как добрались до пояса пижамных штанов. — А думать тебе сейчас вовсе и не нужно, это лишнее... совсем-е-ем лишнее... — одной рукой она продолжала его гладить по штанам, а другой скользнула вдоль талии под живот, чтобы развязать пояс.

— Эм... радость моя... Ты что делаешь?! Между прочим, все мои ранения выше, а там... м-м-м-ф-ф-ф... у меня ничего не задето! И я не думаю... Иллис!

— Вот и не думай дальше, — радость перестала коварствовать и отвлекать внимание и схватилась за штаны с решительностью уличного грабителя, собравшегося обчистить припозднившегося прохожего до последней нитки.

Князь совершенно ошалел от этого ее неожиданного хода, поскольку не понимал, что она собирается вытворить, и потому даже не сопротивлялся.

Иллис ловко избавила своего Кейроша от штанов и выпрямилась над ним, закусив губу. Она сама не знала, что делать дальше. Просто ей давно и ужасно хотелось посмотреть на него голого, а тут такой случай. А у нее нервы. И вообще.

Кириан какое-то время изучал ее реакцию с искренним любопытством. Потом, кажется, что-то для себя понял, потому что картинно повернулся на бок, чуть согнув ногу в колене и принимая нарочито кокетливую позу.

— Нравлюсь? — осведомился он тоном ребенка, которому очень хочется, чтобы его похвалили.

— Д-да... — невольно выдохнула Иллис. — Ты... очень красивый...

— Что ж... звучит недурно...

— Только лучше отвернись! — она вдруг по-хозяйски повернула его обратно.

А потом, не очень понимая сама, что делает снова склонилась над лежащим парнем, накрыла ладонками его ягодицы, обрисовала окружности и медленно-медленно провела руками вниз, вдоль стройных гладких бедер тренированного бойца и фехтовальщика. Ощущение бархатистости его кожи под кончиками пальцев просто завораживало, Иллис окончательно перестала соображать, где она и что делает.

Надо сказать, Князя тоже нешуточно накрыло. Все это было безумно непривычно и в то же время так... по-настоящему и искренне, что пробрало до мурашек. Кир забыл обо всем, забыл о раненой спине и попытался резко перевернуться, чтобы вскочить, поймать, обнять и...

— Нет-нет-нет! — Иллис с легким вскриком прижала его за талию обратно к постели, а потом, словно для верности, еще и сама уселась ему на бедра, не давая перевернуться. — Лежи так... тебе нельзя! И вообще, я еще не закончила.

— То-орк, да что ж ты со мной делаешь?! — буквально простонал парень, чувствуя, как любопытные и нежные пальчики рисуют узоры на его коже, щекоча, поддразнивая, исследуя. — Иллис! Ты же меня так... в гроб загонишь!

— Еще чего, — шепотом хмыкнула девушка, наклоняясь вперед и дотягиваясь ладонями до его шеи и затылка. Она почти лежала на нем, при этом нигде не касаясь пострадавшей от кнута спины. — Никакого тебе гроба. Только если двухспальный!

— Ох...

И именно в ту секунду, когда Кириан понял, что он сейчас либо умрет, либо взорвется от переполняющих ощущений, дверь в отдельную палату «государственного преступника», как в шутку уже окрестили Кейроша курсанты, резко открылась, и через порог ввалились о чем-то оживленно спорящие Габриэль и Майс.

Все четверо на пару секунд застыли, образовав необычную скульптурную группу, а потом донельзя смущенный увиденным Гай, чтобы хоть как-то справиться с неловкостью, ляпнул:

— Кх... кхм! Майсй, мне кажется или в этой картинке что-то неправильно? По-моему, они перепутали верх и низ, нет? И это... направление тоже.

— Мало ли какие бывают извращения, — красный, как спелая клубника, Майс спиной вытолкнул друга обратно за порог и возмущенно фыркнул в сторону Кейроша, прежде чем закрыть дверь: — Я так и думал, что ты ее плохому научишь!

Кириан аж рот открыл от такого наглого заявления, зато у Иллис, все еще сидевшей на нем верхом, приключилась истерика.

— Между прочим, мы ужин принесли! — раздалось из-за закрытой двери. — И это лазарет! Здесь недалеко всякие еще лежат... мелкие с простудой. Отпусти давай приличную девушку и хватит безобразия нарушать!

— Да я... да... кто кого тут еще отпустить должен! — совсем возмутился Кириан, а потом вдруг фыркнул от смеха и бессильно уткнулся лицом в подушку.

Через какое-то время Иллис очень осторожно сползла с Кириана и даже вернула ему пижамные штаны. Но при этом смотрела с таким сожалением, что Кир не выдержал и снова рассмеялся:

— Испорченная девчонка! И это меня обвиняют в развратности!

— Сам виноват, нечего было отращивать такую... такое все! — Иллис смущенно потерла нос и посмотрела на Князя исподлобья. И вдруг призналась: — Я еще не сделала все, что мне хотелось... но ты ужинай! Тебе надо поправляться. А я пошла. Отсюда. От греха. Подальше!

— От греха, от греха, — проворчал Кир, натягивая хлипкую защиту от ее любопытства и собственного возбуждения. — От греха ты можешь на любое расстояние отбегать, а вот от меня не надо.

Он все же встал с кровати, причем довольно бодро, Иллис от него такой прыти не ожидала, и поэтому ему удалось поймать слабо пискнувшую девушку у самого окна, через которое она и собиралась ретироваться.

— Теперь моя очередь... — прошептал Кейрош, притягивая хулиганку к себе и легонечко целуя в губы.

Впрочем, легким этот поцелуй был совсем недолго и прервался только тогда, когда оба почти задохнулись. Иллис высвободилась из его объятий, но тут же снова сама приникла, как маленький ребенок, обхватила его предплечье обеими руками, притягивая к своей груди, словно игрушечного мишку, прижимая... потерлась мокрой щекой о его плечо, в которое уткнулась... и затихла в объятиях. На пару минут ведь можно... а потом она уйдет!

Кириану нравился непокорный, своевольный нрав Иллис, ее живой, острый ум, но, когда в его объятиях она вдруг становилась такой вот растерянной, смущенной и открытой до самого доньшка, он испытывал ни с чем не сравнимую радость.

— Илль, ты... Какая же ты... — пробормотал Кир, неожиданно чувствуя комок в горле.

Какая? Что касается Иллис, у него уже давно были проблемы с подбором эпитетов. Смешная, маленькая, трогательная... Всех их не доставало, чтобы описать его ощущения. Новые ощущения, почти каждый раз новые. И вот сейчас... почему он вдруг почувствовал, что держит в руках хрупкий огонек, который нужно оберегать изо всех сил, чтобы не дать ему погаснуть. В нем тепло, в нем — жизнь. Его жизнь.

А еще ее хотелось сравнивать с бабочкой, доверчиво присевшей на ладошку Села и радуется глаз своей хрупкой красотой. Так и хочется накрыть второй ладонью, чтобы никогда не смогла улететь! Но одно неосторожное движение — и можно обломать нежные крылышки...

Глава 35

Жизнь постепенно возвращалась в свое русло. Затаившаяся после инспекции академия начала понемногу оживать.

Почти две недели безмятежного счастья. Две короткие недели, как затишье перед бурей, когда надо взахлеб наслаждаться тем, что так неожиданно наполнило его жизнь. Две недели, пока идет проверка других академий и отчет инспектора не обнаружен. И отец ничего не знает. Две недели полета сквозь рай...

Во всяком случае, именно так Кириан воспринимал эти стремительно улетающие дни, каждый из которых по отдельности мог длиться вечность, но все вместе они таяли с ужасающей быстротой, рождая в его душе тоскливую дрожь — скоро... скоро все кончится.

Он не хотел об этом думать. Гнал от себя любые мысли об отце, о засевшем в лазарете Вайрисе, не смевшем даже нос высунуть из палаты, о будущем выпуске и испытании звездой... о неизбежной разлуке.

Днем не думать и не вспоминать было легко. Даже если отставить в сторону напряженную подготовку к экзаменам, которая отнимала почти все время. Жизнь вдруг стала такая насыщенная, что терзаться и грустить было просто некогда.

Одни только свидания с маленькой хулиганкой чего стоили!

Вслух Кириан возмущался и отпускал ироничные замечания, но на самом деле наслаждался тем, что творила выздоровевшая и окончательно осмелевшая Иллис. Как же он наслаждался!

В тот самый первый раз, когда они встретились после его выхода из лазарета, этой девчонке снова удалось шокировать Князя. И это несмотря на весь его опыт и искушенность в плотских утехах. Такой коктейль из естественности, чувственности и оригинальности оказался именно тем, что ему было нужно. И все это поднимало его к самым вершинам неведомого раньше наслаждения.

А дело было в том, что Иллис в глубине души все еще побаивалась... зайти слишком далеко? Позволить себе и ему что-то большее, чем поцелуй? Но ей ведь самой хотелось снова увидеть его обнаженным, хотелось касаться его тела не просто руками, но и всем телом, и... и было страшно. Причем непонятно отчего!

И она нашла выход. Да такой, что Кириан поначалу просто онемел, когда после приветственного поцелуя под любимым деревом девушка решительно развернула его носом к стволу, обняла сзади, прижалась и начала... кхм... исследовать. Для начала — что у него там под рубашкой.

Вообще-то Кириан привык следовать своим желаниям во всем, что касалось женщин, но с Иллис все было по-особому. Каким-то внутренним чутьем он понял, что ей нужно именно так, и позволял творить с собой все, что вздумается.

А вздумывалось ей многое...

Это не укладывалось ни в один шаблон, но вот странно, при этом Кир совершенно не чувствовал себя ущемленным, наоборот! Иллис становилась при этом такой... — он

подглядывал исподтишка — такой, что его разум отключался окончательно, а с ним и способность анализировать.

— Ох... Да что же ты творишь... — простонал он уже через пять минут, доведенный почти до крайности, но не смеющий обернуться, потому что любая попытка тут же заканчивалась возмущенным писком исследовательницы и ее попытками сразу удрать на безопасное расстояние. — Иллис, так не честно!

— Все честно, — сосредоточенно пропыхтела девушка ему между лопаток, а ее проворные ладони прошлись сверху вниз от его ключиц до ремня на поясе. — Я не виновата... что ты такой... приятный на ощупь... но страшный!

— Да почему страшный-то?! — обалдел Князь. — Вообще, я привык считать себя красивым, между прочим... м-м-м-м-м! Иллис!

— Конечно, красивый, — с придыханием соглашалась она. — А страшный — это потому, что я боюсь. В смысле... если мы оба будем так... исследовать... то можем... слишком...

— А! — Кириан вроде как понял ее мысль, но озадачился еще больше. Ему в принципе было трудно сейчас думать. — То есть... только тебе можно...

— Ага, — согласилась паршивка. — А потому помолчи. Я еще не все... что хотела... нащупала.

И вот так почти каждый раз! Зато она ни разу больше не замкнулась, не закрылась от него, не ушла в себя. Разве это не победа? Впрочем, поцелуи «лицом к лицу» он все же выторговал и был этим очень горд.

Возвращался после свидания Князь к себе в комнату в таком состоянии, что об него спички можно было зажигать. И потом вертелся в постели, не в силах сразу заснуть... Вот тут и пытались его настигнуть разные тяжелые мысли. Но даже они в такие моменты словно отскакивали, не проникая внутрь, ударяясь об его собственный радужный щит, состоящий из эйфории и еще таких разнообразных чувств, о существовании которых он никогда и не подозревал. Кир снова и снова перебирал в памяти каждое волнующее мгновение их встречи.

Ну разве мог он предположить, что позволит девчонке вот так управлять собой? И, что еще более странно, даже вот это — что он не был в такие моменты главным, нравилось ему!

Но, Хеллес! Как же ему трудно было удержаться, не развернуться, не ответить ей так, чтобы эта маленькая хулиганка поняла, наконец, до чего его довела!

Впрочем, судя по лихорадочному румянцу, звездочкам в глазах и слегка хмельному состоянию, в котором она уходила к себе, ей тоже было... многое понятно.

А еще днем у них был совместный проект, и тут все складывалось весело. Для дипломатии и политики Иллис была слишком честной. Ну как, скажите, как может вести политические интриги человек, который заявляет, что нельзя заключать договор, когда вторая сторона не полностью осведомлена об условиях!

— Это же политическая стратегия! Тут все средства хороши!

— А по-моему это жульничество чистой воды!

— Ну и что, что жульничество, зато эффективно!

Они спорили до хрипоты. И как ни странно, в эти моменты тоже чувствовали себя счастливыми! Иллис даже уставать стала не так сильно, как раньше.

Кириан все равно старался делать часть работы за нее. И уже одно это было недурной дипломатической практикой. Провернуть все надо было так, чтобы она не поняла и не заметила, а то не миновать бы ему скандала. Что-что, а суть Иллис ухватывала мгновенно. Так что Кир непроизвольно оттачивал навыки поиска компромиссов, использования двусмысленных выражений и ведения переговоров с несогласной стороной. Ну и... жульничество, да! Потому что порой оказывалось, проще убедить

каэрхи в том, что он святая Эйро, чем убедить Иллис!

В общем, две недели промелькнули слишком быстро. И конец безмятежному счастью пришел именно в тот момент, когда Кир меньше всего этого ожидал. Он просто забыл, что именно сегодня из лазарета выписывают Вайриса и что тот перед отбытием из академии еще должен собрать вещи и «попрощаться» с советом ар'гардов.

Впрочем, прощания-то от изгоя как раз не ждал никто. В его положении логичнее всего было тихо испариться, не показываясь никому на глаза. Но у Вайриса на этот счет, видать, было другое мнение.

Как назло, именно в этот момент Кириан с Иллис были в библиотеке, где по традиции собирался этот самый совет Правда, большинство учащихся сейчас были на занятиях, но выпускники почти все время проводили здесь. И наверняка этот торков урод не просто так решил устроить последнее выступление именно тут, при большом стечении народа.

Кириан расслабился настолько, что даже не сразу поднял голову от книги, которую они вдвоем с Иллис сосредоточенно читали, устроившись за угловым столиком у самого дальнего окна. Вроде бы услышал, как стих негромкий гул голосов, даже отметил краем сознания шаги, но все же появление Вайриса стало для него сюрпризом.

— Решила, что поймала птицу удачи за хвост, да, девочка из Ордена? — Вайрис выглядел бледным, осунувшимся, но глаза горели болезненной злобой и каким-то предвкусием. — А зря... Твой Князек пользуется тобой как подстилкой и даже не скрывает этого.

Кириан подскочил с места и зарычал, готовый убивать. Но Вайрис, очевидно, предвидел это, потому что не дал ему приблизиться.

На стол, прямо поверх разложенных книг, шлепнулась пачка распечатанных конвертов, и оба, Кириан и Иллис, вздрогнули одновременно.

— Почитай-ка! Узнаешь почерк? Что, не хочешь читать? Так я тебе помогу!

В библиотеке стало очень тихо. А Вайрис резко выдернул из конверта один лист, помаhal им чуть ли не у самого лица девушки, а потом демонстративно чуть отнес руку 8 сторону, прищурился и начал с апломбом читать:

— «Дорогой отец, ты совершенно прав. Это всего лишь небольшая интрижка, развлечение и способ немного сбросить напряжение перед экзаменами. Очень удобно, что для этого не приходится даже ездить в город, поскольку одна достаточно доступная девица оказалась под боком...»

Глава 36

Кириан даже не успел удивиться, откуда у Вайриса все эти письма.

Первым его желанием было схватить все, до последнего листка, разорвать на мелкие кусочки и засунуть сволочи в глотку так, чтобы давился, пока не сдохнет Жаль, Норр не дал придушить его еще тогда, в карцере! Но, сорвавшись, он лишь сыграл бы Дайрошу на руку, доказал бы его правоту. Равно как и если бы начал оправдываться. Поэтому Князь остался стоять, тупо глядя на белую стопку, перечеркивающую все, что было у него дорогого, и навсегда отрезавшую его от права на счастье.

«Иллис, это все неправда!» — отчаянно выкрикнул он и понял, что не произнес ни звука. Слова комом встали в гортле, отказываясь выходить наружу.

Что бы он ни сказал сейчас, что бы ни сделал, все будет работать против него. Иллис была его слабостью, его болевой точкой, удару в которую он совершенно не мог противостоять. И Дайрош ударил именно в нее.

Кириан тихо опустил, почти упал, обратно в кресло.

Замедленно, словно во сне, он видел, как Иллис машинально берет в руки письмо, всунутое ей Вайрисом. Как белый лист дорогой тонкой бумаги, исписанный его

почерком, выпадает у нее из рук. Как дрожат эти самые руки, закрывая лицо.

Кажется, именно в этот момент он умер.

И... Стойте! Она что? Смеется?!

— Торкнуться можно, какой «гениальный» ход! — всхлипывая, сказала девушка, отняв ладони от покрасневшего лица и поворачиваясь к Кириану В глазах у нее действительно стояли слезы — оттого, что она сдерживала смех. И сейчас она посмотрела на Князя, приглашая разделить это веселье.

Ну правда же! На что он вообще рассчитывал, этот Вайрис, подсовывая ей дурацкие письма? Даже если их действительно писал Кириан, мало ли какие у него были для этого причины?! Всем понятно, что такой дешевый трюк заранее обречен на провал.

Всем, кроме глупого Князя, у которого в глазах такая обреченность, словно его голову уже положили на плаху. Впрочем, если бы Иллис знала Кириана чуть похуже, она бы этого не заметила. Все-таки он слишком хорошо владел собой. Но теперь-то она понимала, куда смотреть, и ее дурной Кейрош не был больше для нее закрытой книгой. Хотя как раз сейчас эта книга грозила захлопнуться наглухо. О-о-о, торк, ну и что ты с ним будешь делать?! Губы белые, глаза ввалились...

— Ща как дам в лоб! — вполголоса сказала девушка, подавшись к Кириану почти вплотную. — Идиот ты, Князь! Такой идиот иногда! Эти бумажки он может себе в за... м-м... в ухо засунуть!

Маленькая рука с коротко подстриженными овальными ноготками и свежей царапиной между большим и указательным пальцем скользнула по рукаву Кириана и крепко сжала его кисть. И все... больше слов не понадобилось. Она всегда это умела — заменить сложные слова простыми прикосновениями.

Хотя, конечно, ругаться на него и вправлять мозги у нее тоже хорошо получалось.

Кириану в этот момент показалось, что из груди резко выдернули огромную ледяную пику, пробившую сердце и легкие так, что невозможно было ни вздохнуть, ни двинуться. Вот просто взяли и выдернули, и жизнь вернулась, словно не было этого кошмара несколько секунд назад.

А Иллис тем временем, никого не стесняясь, села к Князю на колени, обняла, обхватила его лицо ладонями, еще раз заглянула в глаза и... поцеловала.

В ее глазах было что-то такое, чему он не мог подобрать названия, но при виде этого внутри вдруг возникала твердая уверенность, что все будет хорошо. Сегодня. Завтра. Всегда.

Пару минут библиотека ошалело молчала, переваривая все случившееся, а потом вдруг взорвалась аплодисментами. Парни смеялись и хлопали, глядя на самозабвенно целующуюся парочку, искренне радуясь за этих двоих.

Все... будет... хорошо...

Каким-то краем сознания Кириан находил тому подтверждения.

Вон Льен стоит в простенке между двух окон и смотрит слегка насмешливо, но добродушно, и никакой Вайрис, никакие письма не изменят этого взгляда.

Майс. Его же вообще не было в библиотеке! У него на носу зачет по артефакторике, и он сутками сидит в мастерской, как он тут оказался?

Кир, словно по наитию, бросил взгляд в сторону двери и тут же наткнулся на уже знакомо-крокодилию ухмылочку Серебряного Принца. Торк, что же сломалось в голове у ди Майриса, что он стал таким кровожадным? Впрочем, про сломалось не ему говорить...

А еще Кейрош готов был поспорить, что там, где-то в полутьме коридора за плечом Норриана, мелькнули прищуренные черные глаза и выдающийся нос горца.

Все здесь. Словно так и надо. Словно... всегда будут рядом.

А самое смешное, что всего минуту назад Кейрош хотел, жаждал, просто горел желанием убить Вайриса, а теперь просто... забыл о нем. А Иллис, судя по всему, забыла еще раньше. Как будто кто-то большой и всесильный взял ластик и стер силуэт са Дайроша с картинки, оставив бледный грязноватый след среди ярких красок.

Причем не только для Кира!

Для всех присутствующих Вайрис словно стал прозрачным. На него никто даже не смотрел. Хотя грязное пятно, оставшееся после его «стирания», вроде как замечали. Все присутствующие в библиотеке ар'гарды очень подчеркнуто отстранились, чтобы даже краешком брюк не задеть это «нечто», разом для всех присутствующих переставшее быть человеком. Окончательно переставшее.

Да и торк с ним, в самом деле! Кому он нужен? Всем гораздо интереснее было поближе подобраться к везучему Кейрошу, отхватившему лучшую девчонку в мире, хлопнуть его по плечу, поулыбаться Иллис, что-то сказать, спросить, пошутить, посмеяться...

А неудачливый мститель, про которого все забыли, с трудом подавив желание заорать и броситься с кулаками на первого попавшегося человека, по стеночке пополз к двери, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания.

Ему не оставили даже этого последнего утешения.

Потому что кинуться с кулаками на кого-то одного и отхватить потом от всех — сомнительная радость.

Вайрис выбрался бы из толпы никем не замеченный, но у самого выхода вдруг наткнулся на ледяной насмешливый взгляд Норриана. Ди Майрис стоял, прислонившись к косяку, сложив руки на груди, и смотрел. Смотрел!

Са Дайрош почувствовал, как по спине потек холодный пот — во взгляде Серебряного Принца буквально светилось желание убивать. Радостное! Предвкушающее!

— Да ну, не трогай ты эту падаль, — сказал Гай, действительно появляясь из-за спины Норриана. — Пачкаться еще об него. Пусть проваливает Нагадить он уже не сможет, ему даже должность младшего золотаря теперь не доверят, после того как решение совета ар'гардов в письмах разошлось по всей стране. Ни один порядочный человек ему больше руки не подаст и слушать не станет, даже если этот гаденыш начнет орать, что солнце встает на востоке, а садится на западе. Считай, его больше нет

— Да пусть идет, кому он нужен, — Норр презрительно скривил губы, но взгляда от прижавшегося к стене Вайриса не оторвал. — Но помнит, что у меня много знакомых и слух всегда был хороший. Если чей-то поганый рот не захлопнется, одной гнидой на свете станет меньше.

Глава 37

Кир знал, что этот день наступит. Но старательно гнал от себя эту мысль, все время умоляя какие-то неведомые силы: «Пусть только не сегодня!»

И до поры до времени эти силы словно берегли хрупкое счастье; день просыпался, цвел и выцветал в ночь, а известия от отца все не было. Потом наступало новое утро, и Кириан просил опять.

Не сегодня, только не сегодня... пожалуйста...

И когда эта молитва не сработала, ему показалось, что на голову обрушилось небо. Хотя на самом деле его всего лишь неожиданно окликнул в холле знакомый холодный голос.

— Кириан, подойди сюда.

Князь замер, как пораженный громом. Еще секунду назад он летел из библиотеки к

кабинету мастера ди Лиссона, чтобы отдать свои выкладки по будущему зачету и сбежать наконец в парк к Иллис. Он так торопился, что даже не обратил внимания на то, что в холле присутствует не только толпа таких же занятых своими делами курсантов, но и генерал Грарард.

Время замедлилось, и Кириан за какую-то короткую долю мгновения успел не только охватить взглядом всю картину, а словно посмотреть короткое, но очень выразительное представление.

Это странно, ведь он заметил отца только после того, как тот его окликнул. И тем не менее Кириан с точностью до мгновения и шага мог сказать, когда и как старший Эса ди Кейрош вошел под своды академии.

Он увидел кинжально-острый обмен взглядами, произошедший между отцом и ректором, и даже понял его смысл! Лорд Валериан был очень недоволен тем, что его «старый друг», который на самом деле был скорее «старый верный враг» еще с юношеских времен, скрыл от него происшествие с сыном, несмотря на давнюю договоренность.

А генерал Грарард не впечатлился полыхающей яростью в глазах одного из самых влиятельных политиков страны и ответил прямым непреклонным взглядом, спокойным и чуть-чуть... вот этого оттенка Кириан не понял. Впрочем, уже через секунду ему стало не до того.

— Иди за мной, — ледяным, не оставляющим выбора тоном коротко бросил отец и, развернувшись, твердой уверенной походкой вышел за дверь. Даже не оглядываясь и не сомневаясь, что сын идет следом и не смеет отстать ни на шаг

Кириан, весь какой-то словно окаменевший изнутри от привычного ужаса перед отцом, действительно шел как привязанный. В голове не было ни одной мысли, только панический туман, как когда-то в детстве. И тяжелое, давящее предчувствие чего-то ужасного и неизбежного.

Они ушли вовсе недалеко — в парк, куда сам Кир стремился еще пять минут назад. По иронии судьбы лорд Валериан остановился под тем самым деревом, где когда-то его сын услышал страшную новость о том, что Иллис ушла за щит.

Старший Кейрош резко обернулся к сыну, пригвоздив того взглядом к тропинке. Лицо его сохраняло каменную неподвижность. Несколько минут он молчал. Молчал. Молчал.

Держал эту жуткую паузу, которую с самого детства Кириан не умел переносить спокойно. Ему начинало казаться, пусть что угодно — ударит, наорет, прогонит, но только не эта наполненная тяжелым ужасом тишина.

— Значит, легкое увлечение? — через бесконечно долгое молчание задал вопрос лорд Валериан, и от его вкрадчиво-невозмутимого тона у Кира по спине побежал холодок, а губы онемели. — Легкодоступная девчонка, развлечение перед выпуском, ничего серьезного?

Князь закусил губу, чтобы она перестала дрожать. Все его напускное спокойствие вдруг куда-то улетучилось. Хотелось шмыгнуть в одну из боковых аллей и бежать до тех пор, пока не найдется уголок, в который можно забиться и где его никто не найдет.

Но он тоже молчал, из последних сил, и не пытался оправдываться. Во-первых, бесполезно и даже опасно, отца его попытки всегда бесили еще больше. А во-вторых... что говорить? Снова лгать, что Иллис — это легкая игрушка на пару дней и вообще всем все показалось? Этого Кириан больше не мог. Не мог, и все!

— Молчишь? Прекра-асно! — в голосе лорда Валериана проскользнул ядовитый сарказм. — Восхитительно. Превосходно. Спустил в отхожее место семь лет упорной работы и моих усилий, лгал мне и теперь просто молчишь.

Кириан закусил губу так, что во рту появился солоновато-медный привкус крови. Если бы он мог, он бы еще и зажмурился. Но что-то мешало, и Князь просто смотрел под ноги, внимательнейшим образом отслеживая путь одинокого муравья среди молодой травы.

— Впрочем, я сам виноват, — вдруг сказал старший Кейрош, и младший вздрогнул,

неверяще вскинув глаза на отца. Но продолжение снова заставило его заледенеть:

— Надо было убрать эту орденскую девку из академии еще осенью, когда я получил первое письмо с вестью о том, как мой сын превратился в слюнявого идиота и таскается хвостом за безродной кокоткой.

Лорд Валериан окинул сына взглядом с головы до ног и презрительно скривил губы:

— Мальчишка. Слизняк. Совсем не умеешь держать себя в узде, что касательно завязок на штанах, что умения отвечать за свои поступки. Даже глаз теперь поднять не смеешь... Да что с тобой говорить? Ладно. Завтра же я зарегистрирую в попечительском совете договор о твоей помолвке с Эрилиной Роса ди Лерой, и через неделю вы поженитесь. Хотел отложить до того момента, когда ты займешь достойное место в Звезде, тогда ее отец был бы сговорчивее. Но придется пожертвовать некоторыми выгодными пунктами брачного контракта, чтобы замазать эту гадкую сплетню со шлюшкой из Ордена и твоей драной у всех на глазах задницей.

Лорд говорил, словно вколачивал гвозди-слова в гроб, Кириан настолько окаменел, что даже слышал их с трудом. И тем более едва понимал.

— С этого момента ты переходишь на домашнее обучение, тем более до экзаменов осталась всего пара недель, подготовишься в поместье. Иди, собирай вещи. А я пока займусь тем, чтобы твоя... пассия не распускала язык. По-хорошему вообще надо устроить излишне шустрой девице вылет с волчьим билетом. Тем более Орден сейчас не в том положении, чтобы за нее заступаться. Пусть довольствуются тем, что им позволяют подвести одного из своих мастеров в охрану короля. И конечно, этой вертихвостки близко не будет от тебя и от дворца. Я об этом сам позабочусь, а еще больше — семья твоей будущей жены.

Высказав все это, словно завалив пространство вокруг Кириана неподъемными обломками скал, старший лорд Эса ди Кейрош повернулся и собрался уходить, несколько не сомневаясь в том, что сын в точности исполнит его приказ. У него, собственно, повода не было сомневаться — Кир всегда боялся его почти до обморока и никогда не смел проявлять непокорность, тем более открыто. А то, что натворил без контроля... ну что делать, мальчишка — идиот. В его возрасте...

— Нет

Лорд Валериан резко остановился, будто налетел на стену, и неверяще обернулся:

— Что ты сказал?

Глава 38

— Я сказал нет. Я никуда не поеду

Лорд Эса ди Кейрош недоуменно приподнял брови и на секунду потрясенно замер, мысленно попеняв себе за невнимательность. Он в последние минуты разговора на Кириана даже не смотрел, а потому не сумел заметить резкой перемены в облике сына.

Когда это случилось? Почему?

Но сейчас перед ним был совсем другой человек. Испуганный мальчишка исчез без следа. Вообще ничего не осталось от привычного Кириана, не смевшего в присутствии отца поднять глаз.

Теперь на лорда в упор смотрели серые льдины, в которых помимо непоколебимого спокойствия было еще что-то. Что-то знакомое такое.

Лорд Валериан еще раз вздрогнул, внезапно осознав, что этот взгляд он уже не один раз видел. Именно сейчас Кириан, всю жизнь раздражавший его своим сходством с беспутной и слабовольной матерью, вдруг стал похож на него самого, словно отражение в зеркале.

— Я никуда не поеду, — спокойно, не повышая голоса, повторил младший Кейрош.

— И не советую тебе затевать это дело с помолвкой, потому что я не собираюсь жениться на Эрилине Роса ди Лерой. Если не хочешь потом оплачивать неустойку по брачному контракту, который я не подпишу, то не начинай переговоры.

— Во-от как, — лорд Валериан прищурился и осмотрел сына с ног до головы так, словно увидел его впервые. — Неужели у тебя, наконец, прорезались зубы, щенок? Ну-ну... Ну-ну.

Старший Кейрош недобро прищурился.

— Только ты не учел, что скалить зубы мало, если не можешь их по-настоящему применить. А для этого надо иметь силу. У меня ее достаточно, чтобы заставить тебя подчиниться.

— Попробуй, — почти безразлично пожал плечами непокорный сын, не отводя глаз, и закаленная сталь взглядов с неслышным лязгом скрестилась в поединке. — Знаешь, как говорят: можно привести лошадь к водопою, но нельзя заставить ее пить.

— О, ты ошибаешься, сын, — лорд Валериан вместе с поднимающимся со дна души бешенством ощутил вдруг еще одно странное чувство: азарт. Впервые на его памяти мальчишка посмел проявить характер, и вдруг оказалось, что он у него есть! И, торк побери, этот характер он унаследовал явно не от матери. Но тем интереснее сломить сопротивление!

— Есть множество способов заставить непокорную лошадь пить. Можно не поить ее несколько дней, можно загнать в воду по шею и заставить плыть, пока она не начнет захлебываться. В твоём случае я просто перестану платить. И предупрежу поверенных, что твои расписки более не принимаются. Посмотрим, чего ты стоишь без моих денег.

Кириан только пожал плечами. Страх больше не было. Он исчез, испарился, достигнув, видимо, своего максимума 8 тот момент, когда отец стал угрожать Иллис. Это было... как озарение. Как глоток воздуха в глубине омута, где он уже почти перестал бороться и шел ко дну.

Его тогда так потрянуло, что оцепенение слетело само собой, а вместе с ним куда-то подевались почти восемнадцать лет сковывающего ужаса перед гневом и неодобрением старшего лорда Эса ди Кейрош. И желание во что бы то ни стало добиться одобрения отца тоже словно волной смыло.

Кириан впервые в жизни поднял голову, огляделся и... изумленно выдохнул. Торк побери, да он уже столько испытал. И плевать на недавнее происшествие, это ерунда. Гораздо страшнее были те дни, полные неизвестности, когда он думал, что Иллис может не вернуться, когда был далеко от нее, когда безнадежное ожидание буквально выедало из него жизнь... Да разве может быть на свете вообще что-то страшнее этого?!

Пф-ф-ф, смешно. Правда смешно.

Кириан не удержался, улыбнулся, глядя отцу прямо в глаза, и озвучил то, что мучило его с детства, но о чем он никогда не смел даже заикнуться:

— Я для тебя лишь выгодное вложение капитала. Всегда так было. Ты и оставил-то меня только потому, что процент Эйро в моей крови оказался слишком высок, так ведь? — он не спрашивал, он утверждал. И это знание больше не причиняло ему боли. — Если бы не этот факт, если бы не мои шансы попасть в Звезду ты просто вышвырнул бы меня вместе с матерью?

— Никогда не поздно это сделать, — так же спокойно и холодновато улыбнулся лорд Валериан. — Если ты не приносишь пользу роду зачем ты нужен?

— Ага, — согласно кивнул Кир. — Низачем. Вышвыривай.

— Ты такой смелый только потому, что не понимаешь, на что идешь, — насмешливо резюмировал старший Кейрош. — Мозгов толком нет, а похоть на их зачатки уже давит, раз готов променять шанс всей жизни на безродную девицу. Ну посмотрим... посмотрим,

на сколько тебя хватит. Только имей в виду. Если ты поломаешь мои планы, я в долгу не останусь и сумею сделать так, чтобы ты об этом пожалел.

— Тронешь ее — и я опубликую письма от угландского посланника, — Кириан склонил голову к плечу. — Да-да, отец. Тайник давно пуст. Я все же твой сын. Во всех смыслах этого слова.

— О как. Шантаж? — лорд Валериан сам не видел себя со стороны, а Кириану было не до таких подробностей, но жест, каким он сопроводил эти слова — наклон головы и движение плечом, —слоено в зеркале повторяли жест наследника.

— Я твой сын, — повторил Кириан. — Деньги и имя меня не волнуют. Но если тронешь ее...

— Ладно, посмотрим, — старший Кейрош насмешливо дернул уголком рта. — Будет даже забавно проследить за твоими трепыханиями. С этой минуты тебе отказано в поддержке рода. И приставка «Эса» больше не про тебя, ты не наследник. Побултыхайся в одиночку, щенок, а когда надоест — приходи. Подпишешь подготовленный мной брачный договор и будешь делать, что велют, а я подумаю, может, и прошу тебя.

С этими словами лорд Валериан развернулся и быстро ушел по дорожке куда-то в сторону ворот академии.

А Кириан остался. Какое-то время он смотрел отцу вслед, а потом бессильно сел прямо на траву. Запрокинул голову и взгляделся в чистую синеву, проглядывающую среди резных листьев.

Чудно... руки дрожат

Князь вдруг засмеялся и откинулся навзничь на траву не обращая внимания на то, что пачкает парадный китель. Что он только что сделал? Это что... теперь... свобода?!

Глава 39

С ума сойти, как быстро и непредсказуемо меняется жизнь.

Ведь если вспомнить, за неполный год она у Кириана уже несколько раз буквально становилась с ног на голову, летела в бездну к торку и в последнюю секунду выныривала обратно, чтобы тут же взлететь под самые облака.

После разговора с отцом он остался сидеть на траве в парке в полной прострации и растерянности. В голове не было ни одной мысли, и снова стали подкрадываться страх и неуверенность.

Он разорвал эту кошмарную сеть, которая всю жизнь удерживала его в плену. Но что дальше?

Когда он разговаривал с отцом — это было как прыжок в пропасть, на отчаянии и решимости, оттолкнулся, и...

А теперь что? Торк с ними, с расписками, слава Хеллес, долгов у него не осталось. Правда, и наличных тоже. Это не так страшно, пока он в академии, тут деньги особо не нужны. Но до выпуска уже меньше месяца, и... что дальше?

Если он останется и пройдет испытание Звездой, то почти наверняка станет одним из лучей. Если не королем. Это не самоуверенность, не гордыня — трезвый расчет. Не зря же отец сделал на него ставку. Процент крови Эйро в нем правда один из самых высоких в королевстве. Так сложилось, что его легкомысленная мать, выбрав путь странствующей актрисы, на самом деле несла в себе сильное наследие. Возможно, она была дворянкой, ударившейся в бега с любовником, или просто ее род обеднел настолько, что ничего иного ей не оставалось. Этого он никогда не узнает. Как же ненавидел он сейчас эти свои «племенные показатели», не оставлявшие ему выбора! Если он останется, от испытания не отвернется.

Несмотря на происшествие во время инспекции, оставившее пятно на его репутации, все равно он один из лучших выпускников. Все условия для испытания Звездой соблюдены.

Если он станет лучом или, не дай Хеллес, королем, то... то отец выиграл. Сколько бы ни противился этому сам Кириан. Надев корону, он взвалит на себя неподъемный долг — заботу о благе Амонтильера, об основании новой династии. И жену надо будет выбирать не по сердцу, а по тем самым показателям крови... Скорее всего, ту самую особу, которую ему уже нашел отец. Наверняка у нее тоже сильное наследие.

Только это будет уже не приказ главы рода, а долг перед страной.

Придется учитывать политику, искать союзников, лавировать, идти на компромисс... но Иллис рядом не будет ни при каком раскладе. Даже в качестве охраны. Ее и на пушечный выстрел не подпустят к нему. Те, с кем придется считаться, постараются убрать ее как можно дальше. И прежде всего об этом позаботится новая королева.

Кириан зажмурился и вдруг понял, что давно сгреб пальцами траву и редкие упавшие листья с земли и сжал так, что в ладонях осталась одна колкая труха.

Нет Потерять Иллис он не может. Все, что угодно, только не это... Нет.

Поймав себя на том, что вот уже несколько минут он смотрит в одну точку, Кир резко втянул воздух сквозь сжатые зубы и поднялся на ноги. Значит, у него один вариант — на испытание Звезды не попадать. Он должен уйти из академии раньше. А диплом он потом может получить заочно. Но...

Додумать Кир не успел, легкие стремительные шаги по тропинке заставили его обернуться, и он только и смог, что поймать в раскрытые объятия вылетевшую из-за кустов девушку.

Иллис неслась со всех ног. Весть о том, что к Князю приехал отец и увел его для серьезного разговора в парк, застала ее в коридоре академии, и девушка едва сдержалась, чтобы тут же не броситься следом. Но все же смогла остаться на месте, у окна, как раз выходящего в сторону двора и главного входа. Когда оба Кейроша вернутся, она их увидит и сразу поймет... что поймет, Иллис пока не могла додумать. Она боялась, что Кир... впрочем, беспокойство было таким неопределенным и смутным, что его нельзя было оформить в слова.

Но вот лорд Эса ди Кейрош уехал из академии один. А Кириан так и не появился ни во дворе, ни в холле, куда Иллис спустилась сразу же, как только надменный политик скрылся за воротами.

Тревога сжимала сердце все сильнее. Девушка даже сама себе не смогла бы объяснить, чего она боится. Все было слишком сложно... Ее собственная тайна висела на душе тяжким грузом — она не могла даже намекнуть... А ведь хотела, очень хотела рассказать Кириану правду. Но клятва наследницы не давала ей этого сделать. Физически.

Чем меньше оставалось времени до испытания, тем больше Иллис тревожилась. Она была почти уверена, что Кириан станет ее лучом, и тогда все будет хорошо! Но... почти — это же не точно, а вдруг?! Это страшное «вдруг»... Ведь приняв корону, она уже не будет властна над собой и своей судьбой. У нее будет ее долг перед Амонтильером, и... кто знает, ну кто знает, как все может сложиться?!

Поэтому так жалко было упускать даже минуту времени, пока они еще оба свободны, и так страшно было даже думать о будущем. И сейчас Иллис вылетела из здания академии и понеслась через парк куда глаза глядят, чтобы найти, чтобы обнять, чтобы... пока еще можно.

Интуиция безошибочно привела ее под их любимое дерево, и девушка с разбегу влетела в любимые объятия, сама обхватила его обеими руками, прикинула, спрятавшись у него на груди.

Кириан, в сбою очередь, молча притянул ее к себе, прижался щекой к волосам и застыл, почти не дыша.

Они так и стояли неизвестно сколько времени, изо всех сил держась друг за друга, как

утопающие за обломок доски, случайно найденный в бурном море. Ни о чем не говорили, не целовались, не смотрели в глаза, как обычно. Просто вместе, просто рядом, чтобы слышать дыхание друг друга, чтобы стук сердца отдавался под ладонями, чтобы чувствовать тепло.

Так их и застал Габриэль, который уже некоторое время разыскивал Иллис по всей академии. Ей надо было сдать последние зачеты по выезде, хотя это была и чистая формальность. А Гай уже давно подрабатывал берейтором, поскольку обожал лошадей и вообще животных с детства и умел находить с ними общий язык в течение нескольких минут. Он и специализацию будущую выбрал с таким расчетом, чтобы работать с тем, к чему душа лежит. Правда, после академии придется отслужить три года на одной из пограничных застав, зато потом можно получить направление на курсы военных ветеринаров. Лошадей и прочего тяглового скота в армии всегда хватало, без работы не останется.

Какое-то время парень стоял на тропинке, не решаясь окликнуть этих двух. Таким отчаянным желанием быть вместе от них веяло. Торк! Аж ком в горле. И сразу вспомнилось, что его самого никто так не ждет, а с друзьями, которые заменили семью, совсем скоро придется расстаться.

Он сам уедет на границу служить, Майс уже зачислен на высшие военно-инженерные курсы, Норриан отправится в столицу принимать наследство, Льен... ничего толком не говорит о своих планах, но, скорее всего, исчезнет в недрах службы разведки на долгие годы.

— Кхм! — наконец, Гай собрался с мыслями и все же решил прервать затянувшуюся сцену. — Иллис... прости, но мастер са Вист ждет тебя на манеже уже почти пятнадцать минут. Зачет, помнишь? Прости, но...

Влюбленные вздрогнули и неохотно разомкнули объятия. Иллис виновато улыbnулась, а Кириан, еще секунду назад не имевший ни одной связной мысли в голове, вдруг вскинулся и посмотрел на Габриэля так, словно ему пришла в голову какая-то идея.

— Беги, сдавай зачет, — быстро поцеловав в губы Иллис, он отпустил ее и подбадривающе кивнул. — Я тоже сейчас займусь кое-какими делами. Вечером встретимся... беги.

А когда девушка с неохотой оторвалась от него и пошла по тропинке в сторону центрального корпуса, то и дело оглядываясь, вполголоса окликнул ее спутника:

— Габриэль, можно тебя задержать на минуту... У меня пара вопросов. Я правильно помню, ты сразу после выпуска на границу едешь? Прости, ты не мог бы рассказать мне об этом немного подробнее? Зачем? Ну, видишь ли... я больше не наследник Эса ди Кейрош.

Глава 40

— Послушайте моего доброго совета, молодой человек, — седенький сутулый канцелярист поправил потертые нарукавники с чернильными пятнами разной степени свежести и посмотрел на Кириана поверх толстых круглых очков, делавших его похожим на пожилую добродушную черепаху — Найдите время и сдайте квалификационный экзамен на секретаря-переводчика при нашем отделении попечительского совета. Я могу записать вас на удобное время.

Он придержал Кириана за рукав и доверительно закивал, еще более понизив голос, словно сообщал какой-то страшный секрет:

— Ваше знание языков и умение составлять прекрасные ходатайства — это верный кусок хлеба для небогатого дворянина и младшего офицера в пограничной крепости. Тем более если вы собираетесь увезти с собой в глушь молодую жену — поверьте, деньги не будут лишними. Да, это небольшая прибавка к жалованию, но вы знаете три языка, вы молоды и честолобивы, а также, несомненно, умеете трудиться, раз в таком возрасте накопили столь солидный запас знаний. Если хорошо себя зарекомендуете, уже через полгода

сможете претендовать на повышение в чине. А это уже другой уровень, другое жалование и положение в обществе, это стабильность. Не боги весть как, а семью прокормите, сможете и детишек завести и выучить.

Кириан слушал его, почтительно кивал и думал, что раньше никогда не догадывался о том, что долгие нудные часы с репетиторами, особенно в каникулы, когда-нибудь пригодятся. Ему казалось, что это все... не то чтобы блажь, но просто еще одна неприятная обязанность, которая прилагается к высокому титулу и положению в обществе. Ну, и дипломатическая работа в перспективе... хотя давно не принято разговаривать или вести переписку напрямую с иностранными послами, как раз для этого и существуют специальные сертифицированные переводчики, но знать языки все же считалось хорошим тоном и преимуществом.

И вот, пожалуйста, в тот момент, когда он меньше всего ожидал, все эти часы зубрежки и языковой практики вдруг пригодились. Да еще как!

Он пришел в канцелярию при округе два часа назад и принес свое заявление о переводе в действующую армию для службы в одной из приграничных крепостей. Габриэль, совершенно ошарашенный новостями об изменившемся положении Князя, дал ему слово не распространяться на эту тему, пока сам Кириан не решит всем об этом объявить, и подробно расписал, что и как надо сделать.

Это был выход! Станный, трудный, такой, о котором Кир еще вчера даже подумать не мог.

— Если вызов будет срочный, может, даже придется уехать чуть раньше выпускного, — растолковывал ему Гай, все еще слегка диковато косясь на Князя, внезапно вроде как переставшего быть Князем. Тьфу в смысле Кейрошем. — Надо только пораньше сдать все зачеты и проект успеть закрыть, сам диплом позже тебе вышлют. Но это реально шанс для таких, как... э... — тут он слегка споткнулся, почесал свой выдающийся нос и со вздохом продолжил: — Для таких, как мы, голоштаных. Три года на границе — и можно просить перевод с повышением или уходить на какие-нибудь профессиональные высшие курсы. Жалование очень скромное, но это казенная квартира, обмундирование, стол. На круг не так плохо выходит. Можно даже жениться, говорят... вот. Сейчас я провожу Иллис и принесу тебе бланк заявки, у меня остался запасной.

Кириан благодарно кивнул, подумав вдруг, что вспыльчивый горец в очередной раз повернулся к нему какой-то новой гранью своей натуры. Кто бы мог заподозрить в неуклюжем и взрывном брюнете такую спокойную рассудительность и житейскую смекалку? В этом Гай сто очков вперед даст самому Киру, решавшему все бытовые неурядицы с помощью денег и не привыкшему по этой причине заботиться о всяких мелочах. А теперь ведь придется, и не только за себя, но и за нее...

В результате примерно в два часа пополудни Князь оказался в приемной при канцелярии округа, где сидел и ждал, пока его заявление подпишет начальник отдела.

Тот явно не торопился, тяжелая дубовая дверь в его кабинет была закрыта, и Кир, которого глубоко внутри всего трясло мелкой дрожью от волнения и осознания грандиозности перемен, скоро готов был на стену кидаться от невыносимости этого бесполезного ожидания.

Проклятая бюрократия! А ведь раньше он входил в такие кабинеты, чуть ли не пинком открывая двери, и бесился, если канцелярские крысы смели на лишнюю минуту задержать какую-то бумажку. Вот так вот, с первых шагов, начнешь понимать, что имел в виду отец, сказав, что без денег и без имени его мятежный сынок далеко не убежит.

Кириан упрямо сжал зубы и глубоко задышал, изгоняя из груди и головы нетерпеливое раздражение. Он сможет. Главное — спокойствие.

Чтобы занять себя, Князь стал украдкой оглядываться. В душноватой канцелярии было тихо, немного сумрачно, пахло пылью от тяжелых бархатных штор на окнах, разогретым сургучом и копченой селедкой от свертка с бутербродами, который старенький секретарь начальника торопливо припрятал в верхний ящик стола, когда Кир только пришел сюда.

Теперь этот линиялый дедок что-то едва слышно бормотал себе под нос, чуть ли не водя этим самым носом по строчкам какого-то документа и огорченно вздыхая.

Князь всмотрелся внимательнее и понял, что секретарь пытается прочесть какое-то официальное послание на руванском языке. Судя по тому что пару абзацев старик уже перевел-переписал на чистый лист, кое-какие знания у него были, но такими темпами он до завтра провозится.

Кир сам не знал, что его толкнуло на этот поступок. Может быть, то, что полчаса назад дедок был на удивление приветлив к молодому посетителю, даже предложил Князю чашечку дешевого взвара и газету двухнедельной давности, чтобы не так скучно было ждать резолюции от начальства. Но теперь Кириан встал, подошел к секретарскому столу и протянул руку:

— Разрешите? Я немного знаю руванский, могу вам помочь.

Ну и вот. Слово за слово... и будущий младший офицер пограничных войск не только помог с переводом и составлением грамотного ответа на письмо, но и получил в ответ искреннюю признательность старого, опытного и знающего канцеляриста.

— Давайте, молодой человек, давайте сейчас же и оформим заявочку на сдачу экзамена, — суетился дедок, добродушно шурясь сквозь толстые стекла очков. — Конечно, это тоже стоит денег, но уверяю вас, совсем небольших. У вас есть кому ссудить вам нужную сумму? Ну и прекрасно. Значит, записываю. Хиллеш, вальендо и руванский, верно?

Кириан коротко кивнул:

— Еще даккайский и синдиди, но их я знаю не столь хорошо, поэтому писать не надо пока. Да, и родной язык, конечно.

— М-да... внушительно. Но давайте все же внесем в списочек. Поверьте моему опыту, чем больше пунктов в вашем личном деле с пометкой «имеет навык», тем лучше. Правда, боюсь, у нас недостаточно специалистов, чтобы проверить их все на должном уровне. Но мы можем отправить ваш экзаменационный перевод в столицу... да! Ответа придется ждать несколько месяцев, но вам пока и трех языков хватит, чтобы получить хорошее место, а там и другие сертификаты подоспеют, м-да... Кстати, с такими навыками вам прямой путь не просто в пограничную службу, а в таможенную. Это труднее, но перспективнее. И начать сможете не в глухих горах, а на одном из островов внешнего пояса. Тоже не столица, но это портовые крепости, много людей, событий, товаров с разных концов мира. Скучно не будет ни вам, ни вашей супруге, если что. Вот здесь распишитесь... отличненько. Сегодня же и отправлю.

Идиллию прервал резкий звон укрепленного над столом латунного колокольчика.

— Ну вот и хорошо, вот и ваше заявление рассмотрено, — обрадовался секретарь.

— Подождите еще одну минуточку, я сам зайду в кабинет и отрекомендую вас своему начальнику. Все же не часто на службу к нам просятся такие прилежные и знающие молодые люди!

Так и вышло, что минутный порыв Кириана помочь пожилому человеку обернулся вдруг полезным знакомством и новыми перспективами. Может, не все так плохо, как ему виделось еще несколько часов назад?

Глава 41

Кириан вернулся на территорию академии уже под вечер, усталый и задумчивый. Сегодняшний день казался невероятно длинным и отчасти нереальным, как прыжок со скалы в ледяную купель, когда то ли жаром обожгло, то ли холодом, барахтаешься, дыхание перехватило... вроде выплыл, но еще сам не понял куда.

Вот так и он — разрыв с отцом, заявление о приеме на службу, новые, совсем неожиданные перспективы, необходимость думать о деньгах совсем в других масштабах... ведь жалованье младшего офицера он раньше счел бы смешной суммой

даже на карманные расходы!

А теперь надо было четко планировать очень скромный бюджет, выгадывать, искать варианты. С одной стороны — раздражающе непривычно, а с другой — его разобрал азарт, и Кир впервые ощутил еще один странный феномен: радость от удачной покупки, удовлетворение от правильно потраченных и сэкономленных денег. Это было... свежо и занятно.

Конечно, он понимал, что, когда прелесть новизны схлынет, необходимость жесткой экономии снова будет действовать на нервы. Но до этого надо, во-первых, дожить, а во-вторых, есть надежда заработать побольше. Самому заработать! Своим умом, своими способностями и волей. В этом был странно притягательный момент. Во всяком случае, Кириан был очень доволен, что часть тех денег, которые без лишних вопросов одолжил ему Льен, пошла на оплату сертификационного экзамена. Хорошее вложение. В ближайшие дни он продаст кое-что из дорогих безделушек, эти деньги можно будет пока отложить на экстренный случай. А Льену отдаст с первого жалованья...

Вот только одна мысль не давала ему покоя — Иллис... Он ведь даже не знал, согласится ли она поехать с ним. И прямо спросить не мог, пока нет стопроцентной уверенности, что все получится.

Самое смешное, что там, в секретариате при канцелярии, он так уверенно заявил старику-советчику, что собирается жениться и обязательно увезет молодую жену с собой. Даже, повинувшись порыву, признался, что избранница его — мастер Ордена, и спросил совета.

Дедок поцокал, покачал головой и со вздохом просветил своего молодого протеже: мастера Полуденного в отставку выходят только в деревянном мундире, увы. Это значит, что будущая жена молодого офицера не сможет оставить свою собственную службу. Кириан сначала аж помертвел, но старик тут же успокоил его заявлением, что семейному счастью это не помеха, хотя им обоим придется непросто. Но не они первые, не они последние.

Вон многие рейнджеры вполне успешно женаты на своих Полуденных странницах, и дети есть, и дом. Правда, хранить очаг, скорее всего, придется самому Кириану, потому что Иллис будет уезжать на миссии, а также отсутствовать по делам Ордена минимум один месяц из трех. Дом, дети, хозяйство — конечно, женщина не оставит без внимания, но основной груз ответственности достанется ее мужу. Впрочем, если молодой человек к этому готов и достаточно сильно любит свою воительницу, то никаких препятствий для счастья нет. Кир был согласен! И, кстати, таможенная служба в таком разе прямо то что нужно! Стабильность, четкий график, прислугу можно будет нанять за недорого в портовых-то крепостях... С прибавкой переводчика вполне неплохо молодые люди устроятся, дескать, вот увидите!

Порядком ошеломленный такими перспективами Кириан забежал к себе в комнату, оставил папку с документами и пошел искать Иллис. Ему было просто физически необходимо ее увидеть. И спросить...

Он застал ее все еще на конюшне — после того как девушка сдала отчеты, она осталась, чтобы почистить кобылу и навести порядок в деннике, а потом все находила и находила себе какие-то занятия, чтобы убить время.

Гай сказал, что Князь все еще где-то бродит, на территории академии его нет, и надо было как-то справляться с тревогой и волнением. Они ведь так толком и не поговорили, Иллис даже не знала, что там произошло между Кирием и лордом Валерианом.

Когда Князь все же возник на пороге конюшни, Иллис бросила скребок, которым чистила уже пятого или шестого коня за вечер, и не раздумывая бросилась к своему ненаглядному гуляке. И опять, как назло, все слова и вопросы куда-то подевались, пока она бежала эти несчастные пять шагов ему навстречу.

Кириан поймал ее в объятия и поцеловал так, словно они не виделись минимум полгода. Они целовались как ненормальные, как в последний раз, забыв обо всем.

За дощатой стеной денника вкусно похрустывал сеном большой добродушный битюг,

которого в академии использовали по хозяйственной части, в основном, чтобы возить огромную бочку с водой. В соседних стойлах мирно и немного сонно пофыркивали остальные лошади. Пахло свежими опилками и сухой травой, а также дегтем и металлом от развешанной по стенам сбруи.

Парочка влюбленных устроилась на сене в одном из пустых денников. Они уже немного опомнились от первого безумного натиска чувств и сейчас просто сидели рядышком, прижавшись друг к другу, как два озябших воробья.

— Что случилось, Кир? О чем ты молчишь? Что произошло? - спросила Иллис через какое-то время, нарушив молчание.

— Отец, - Князь довольно безразлично пожал плечами и замолчал, как будто это короткое слово могло все объяснить. Иллис слегка нахмурилась и посмотрела на него, пытаясь понять, увидеть, но он снова был непроницаем.

— Мы с ним немного... поспорили... но ничего серьезного, не волнуйся! — и поспешил сменить тему: — Я все хотел тебе сказать... про те письма. И все никак момент не мог выбрать. Все время... ну, знаешь... ты еще «исследования» сбои... и у меня все мысли из головы сразу вылетали. Знаешь, Вайрис, похоже, их с начала года крал, каждое третье-четвертое. Вот и накопил. Но я не об этом, — он заторопился. — Те слова, они... понимаешь... мне надо было усыпить бдительность отца, и...

— Забуди! — Иллис закрыла ему рот ладошкой, а потом потянулась погладила по щеке. И от этих простых прикосновений по телу прошла волна дрожи. — Ты не должен оправдываться. Мне достаточно того, что я знаю правду о тебе, а все остальное неважно, понимаешь?

Кириан откинул голову на дощатую стену, за которой переступал подковами и умиротворенно сопел гнедой конь, и облегченно выдохнул. Вот вроде хотел сказать, объяснить, слова подобрал уже, и все равно трудно было их выговорить. Как хорошо, что Иллис понимает его без слов!

Кириану вдруг до одури захотелось рассказать ей о своих планах. Услышать, убедиться, что она готова все бросить и поехать с ним! Но он не мог. Не мог все это вываливать на нее сейчас, пока у него у самого нет уверенности, что дело выгорит. Зачем вообще волновать ее раньше времени? Она и так едва оправилась после ранения, у нее экзамены на носу, и вообще... Но и действовать вслепую, без уверенности, что она последует за ним, он не мог тоже.

— Ты меня любишь?! — с нескрываемым напряжением и тревогой спросил он о самом-самом главном.

Иллис очень серьезно кивнула и потянулась за поцелуем, и он ответил, а потом, задыхаясь, задал еще один вопрос:

— Ты же будешь со мной... всегда? Что бы ни случилось?

Иллис зажмурилась, на секунду прикусила губу и отчаянно, резко кивнула. Ей в этот момент стало вдруг страшно, потому что... потому что проклятое наследие и Звезда. И клятва. И дурацкое «вдруг», которое опять лезет на поверхность. И невозможность обо всем этом даже намекнуть ему...

— Это самое главное, — Кир притянул девушку к себе и зарылся лицом в ее распущенные волосы. — Остальное ерунда... правда же?

— Конечно, — Иллис снова кивнула, быстро вытерла у него за спиной дурацкие слезы, неизвестно с какой стати выступившие на глазах, а потом вдруг вывернулась из рук Кириана и села прямо перед ним на колени.

Что ж за день сегодня такой! Все не так, как обычно. Вот и Иллис. Смотрит на него так, как будто запоминает. Как будто в последний раз они вместе!

— Илль...

Сердце сжалось и забилося неровно, как птица в руке. Иллис на секунду зажмурилась,

сдерживая слезы. Вся ее тревога перед будущим, вся нежность к Кириану все отчаяние неизвестности — все это вылилось в какое-то почти болезненное, острое желание. Не давая ему опомниться, она тряхнула волосами, откидывая их назад, и, глядя слегка напрягшемуся и удивленному Князю в глаза с шальным вызовом, стала расстегивать пуговицы на своей рубашке.

Кир настолько оказался поражен происходящим, что даже слова вымолвить не смог, когда девушка сбросила легкий хлопок с плеч и взялась за пряжку форменного ремня на своих брюках.

— Иллис, ты что... что ты де...

— Молчи, — прошептала она, наклоняясь над сидящим парнем. Ее глаза, потемневшие от смущения и сдерживаемой страсти, вдруг оказались близко-близко, и от одного этого взгляда его накрыло горячей волной.

Все вопросы и ответы, все сомнения и страхи остались где-то далеко-далеко, почти в другом мире. А здесь были только эти глаза, руки, хрупкие обнаженные плечи, голубая жилка под тонкой кожей у основания шеи... А еще была цепочка, высвободившаяся из-под рубашки, на которой повисло и закачалось перед лицом Кириана кольцо. То... самое... кольцо.

Князь застыл на секунду, не веря своим глазам. У него по-настоящему перехватило дыхание от переполняющих чувств. Поймав качающееся кольцо в ладонь, он пару секунд ощупывал его, будто желая убедиться в реальности происходящего, потом улыбнулся дрожащими губами, расстегнул замочек на цепочке и надел освободившееся кольцо на палец девушке.

Глава 42

Иллис спала, доверчиво положив голову Кириану на плечо, укрытая его кителем поверх своего, а он все не мог заснуть. Случившееся сегодня было слишком большим, слишком невероятным, и...

И он окончательно понял, что больше ничего не имеет значения, кроме нее. Он просто не сможет жить, если Иллис не будет рядом. Совсем не сможет, в буквальном смысле слова.

А значит, все правильно. И надо идти до конца. Отец с его интригами, Звезда, корона — это все только помехи на единственно верном пути.

Иллис чуть слышно вздохнула, во сне потерлась щекой о его плечо, уткнувшись носом в шею, и уютно засопела. Кириана буквально затопило ощущением пронзительной нежности и благодарности. Его сокровище, его королева, его Иллис... Он очень осторожно и бережно поправил сползающий китель, и тут его взгляд зацепился за почти залеченный шрам на бедре у девушки.

Он знал, что увидит там этот шрам, но такой... Страшно было себе представить, какой же тогда должна была быть рана! Кириану еще никогда не приходилось видеть ничего более его испугавшего. Он опять со всей остротой прочувствовал, как близко Иллис соприкоснулась с гибелью и какое чудо, что она лежит сейчас перед ним, сопит, совсем как ребенок. Какое счастье, что она ЖИВА! И эти шрамы — вечное тому напоминание. Судорожно вздохнув, он провел дрожащими пальцами по уродливой красной кривой, контрастно выделяющейся на гладкой нежной коже.

С плечом было не лучше. Толстый рубец тянулся от плеча до самого горла, растекаясь в тех местах, где кости прорвали кожу. У Кириана между бровей залегла глубокая складка. Как же ей было больно с этим двигаться, когда она так упорно тренировалась во время восстановительного курса!

Но эта мысль вернула его в реальность. Для того он тут и находится, чтобы ей больше никогда не было так больно. И ничуть не жалко тех денег, что он ухнул в вербену и различные снадобья, опустошив собой счет, который как раз сейчас мог бы ой как пригодиться.

Да ерунда! Именно сейчас Кир вдруг почувствовал в себе силу и уверенность свернуть горы. Он всю жизнь считал, что без отца, его связей, денег, без его наследства, сам по себе ничего не стоит. Но сегодняшний день что-то бесповоротно изменил.

Мысли, мысли, мысли! Они хороводом крутились в голове, подсовывая разные картинки из прошлого и гипотетического будущего. Но это больше не пугало Князя, он даже с удовольствием погрузился в обдумывание планов. Своих! Только своих планов, расчетов, ответственности. Ну и пусть поначалу денег будет немного, он уже придумал, как сумеет рассчитаться с Льеном, хотя тот сразу предупредил, что с возвратом долгов можно не торопиться, и вообще.

Должность на таможенном острове — может, это вообще не так плохо и даже интересно... Главное, чтобы Иллис не уезжала е своей Полуденный слишком часто и... нет, думать о рейдах за стену он сейчас не будет

Кириан забылся только под утро, все еще продолжая прижимать к себе свое сокровище и оберегать его от рассветной прохлады и сырости даже во сне.

Проснулся он оттого, что какая-то нахальная мошка упорно протаптывала у него на щеке пешеходные дорожки и время от времени, судя по ощущениям, принималась водить хоровод сама с собой то на его щеке, то в ухе. Несколько раз сонно отмахнувшись от настырного насекомого и поняв, что это бесполезно, Князь открыл глаза.

— Ах вот кто тут хулиганит, — сказал он, стараясь сдержать расплзающуюся по губам счастливую улыбку и отбирая у Иллис соломинку Она в ответ тихонечко рассмеялась и откинула голову ему на плечо.

Они лежали на застеленном попоной сене, слегка ошарашенные случившимся с ними и невозможно счастливые. Иллис рисовала что-то ноготками на груди Кириана, а он зарывался пальцами в ее разметавшиеся волосы и нежно целовал кончик носа и уголки губ.

— Как же мы раньше с тобой друг без друга? — задумчиво спросила девушка, не поднимая головы с его руки. — Ты помнишь? Мне кажется, что раньше это кто-то другой вместо меня жил, а не я.

— Ну уж, кто-то другой! По-моему, такая же сладкоежка и любительница шоколада,

— привычно пошутил Кир, но тут же тон его стал серьезным. — Ты... — он подбирал слова, чтобы спросить главное. — Я не сделал тебе больно?

Иллис нахмурилась в попытке вспомнить, но быстро сдалась:

— Не помню... слишком было хорошо! — она вдруг смутилась и спрятала лицо у него на груди.

— Ты совершенно ненормальная! — с облегчением рассмеялся он, нежно прижимая ее к себе. — Клянусь Хеллес, я в первый раз сталкиваюсь с таким.

— Сам ненормальный, — девушка улыбалась ему куда-то в подбородок. — В первый раз, в первый раз... и в последний!!! — она прижалась к нему еще теснее, ей было так уютно в его объятьях.

— В первый и в последний, — тут же согласился Кир. — Ох, кажется, идет кто-то!

— Ой-ой! — Иллис подскочила и зашарила вокруг в поисках своей одежды. — Торк, ты сидишь на моих... м... слезай, короче!

Как жаль... как жаль, что эта волшебная ночь так быстро кончилась. Как жаль, что не было возможности ее повторить ни завтра, ни через день, и вообще ни в один день почти до самого выпуска. Столько дел навалилось, что оба едва по вечерам доползали каждый до своей кровати и падали почти замертво. Иллис надо было наверстывать все, что она пропустила из-за экспедиции к башне и ранения, Кириану... он твердо решил сдать зачеты и экзамены досрочно, причем по максимальному количеству предметов. А еще общий проект — там он тоже старался выложиться по полной, чтобы сберечь свое сокровище от переутомления, с одной стороны, и заработать самый высокий балл, с

другой.

Квалификационные экзамены при округе он тоже сдал на отлично и уже получил сертификат на три языка. Письменные проверочные переводы ушли в столицу, и, хотя Кейрош немного волновался по их поводу, старичок-секретарь уверил его, что там тоже все будет в порядке.

Время летело стремительно, выпуск и испытание Звездой все приближались, распространяя в среде ар'гардов особую нервозность и суету. Кириан ждал письма из канцелярии и тоже нервничал, не решаясь рассказать Иллис о своей аванюре. Гай молчал по его просьбе, Льен тоже, хотя и качал головой. Сам Князь старательно уходил от этой темы в разговорах с девушкой, и Иллис не настаивала, только о чем-то своем вздыхала. Ей, кажется, не нравилось, как он словно отстраняется в эти моменты, она чуть заметно хмурилась, закусывала губу, отворачивалась. Но не настаивала.

Иллис тоже заметно нервничала все последние дни, видимо поддавшись всеобщему настроению. Кириан маялся, не решаясь сказать ей о том, что уже все решил, что все будет у них хорошо. Надо было сначала получить назначение, убедиться, что его планы реальны, и тогда...

И конечно, этот день настал неожиданно, буквально перед самым выпуском. Письмо принесли сразу после полудня. Распечатав конверт с казенной печатью, Кир вчитался в ровные аккуратные строчки и почувствовал, как начинают трястись руки. Вот оно!

Значит, время пришло. Сегодня он расскажет Иллис, сегодня задаст последний и самый главный вопрос: поедет ли она с ним туда, на второй в цепи пограничный остров в Западном море, в старую крепость на острове Торглейн?

Глава 43

— Уехать? — растерянно повторила девушка, глядя на Кириана ставшими вдруг огромными глазами. — Завтра? То есть... подожди. Еще раз. — Она сжала виски пальцами и проговорила: — Ты отказался от рода и наследия Эса ди Кейрош, подал прошение о службе, и тебе выделили место... и ты хочешь, чтобы я уехала с тобой до того, как начнется испытание Звездой?!

— Прости, что я тебе сразу не сказал. Прости! — Кириан схватил ее за плечи и привлек к себе, с наслаждением зарывшись лицом в пахнущие свежескошенной травой волосы. — Я не знал, вдруг не получится? Но все устроилось, представляешь! Даже дипломы нам с тобой вышлют сразу туда, на остров. Теперь главное — уехать до испытания, чтобы мне не попасть в эти торковые лучи, а то и еще похуже! Ты ведь сможешь собраться до завтра, да?

Кириан старался не показывать ей, как его трясет от волнения. Может, и правда надо было сказать раньше, вот он идиот, совсем не оставил девушке времени на сборы и прощание. Торк, надо будет что-то сделать, чтобы загладить вину Самое главное — уехать рано-рано утром, как раз перед тем, как весь выпуск строем проследует к порталу, который срабатывает раз в поколение, чтобы привести всех достойных в Звездную Крепость.

Именно на этой мысли он вдруг понял: что-то не так.

Иллис в его объятьях будто закаменела. Опустила голову, пряча взгляд, и отстранилась.

— Прости... — почти беззвучно прошелестел ее голос. — Прости, я не могу...

Кириан почувствовал, как где-то в районе солнечного сплетения лопнул сосуд с пустотой и эта пустота стремительно заполняет его всего. Во рту пересохло, даже в ушах, кажется, зазвенело.

— Илль? Иллис!

Иллис окончательно освободилась из его рук и отступила на шаг все так же не поднимая головы.

— Кир! — последнее слово вдруг прозвучало как вскрик, и девушка вскинула на него глаза, в которых отражалась непонятная боль и страх. — Что ты наделал?!

— Что я наделал? — растерянно переспросил Князь, чувствуя, как совсем недавно обретенная под ногами твердая почва стремительно проваливается куда-то в бездну. — Иллис...

— Я не могу поехать с тобой, — девушка обняла себя ладонями за плечи, слоено пытаясь согреться. — Не могу, Кириан.

— Почему? — горло перехватило мучительной судорогой, и голос внезапно осип.

— Я не могу тебе сказать, — Иллис опять спрятала глаза, даже немного отвернулась. Она была бледной как мраморная статуя, и три одинокие веснушки на щеке казались на этом фоне почти черными. — Я не могу! Кир! Зачем?! Зачем ты это сделал?! Тебе нельзя отказываться от испытания! Нельзя, понимаешь?!

— Нет... — мертвым голосом выговорил он, глядя на нее неверящими глазами. — Не понимаю. Я ведь... я только хотел, чтобы мы были вместе. А отец никогда и ни за что бы этого не позволил, тем более если бы эта торкова проклятая звезда выбрала меня! Я от всего отказался ради тебя... и я не понимаю... почему ты теперь отказываешься от меня?! — последние слова он уже прокричал, сам не веря в них, не желая верить.

«Теперь, когда я стал никем, ты... — холодный голос в голове озвучил страшную мысль. — Неужели тебе на самом деле был нужен только этот дурацкий титул и мое место в Звезде?!»

— Я не отказываюсь от тебя! — прокричала в ответ Иллис и закрыла лицо руками.

— Это ты хочешь уйти! А я просто не могу! Не могу, понимаешь?!

— Да почему?! Объясни! Почему ты не можешь сказать? Я с ума сойду, я... Почему, Иллис? Просто ответь!

— Не могу... — у нее бессильно опустились плечи, а руки, прижатые к лицу, заметно дрожали. — Не могу уйти... и не могу сказать... Кир... пожалуйста! Пожалуйста, не уходи! Ты должен пройти испытание, если любишь меня!

— Тебя подкупил отец? — онемевшими губами эту фразу было трудно произнести, но еще труднее осознать. — Иллис... как ты... как ты могла?., я...

Кириан резко развернулся и бросился прочь, не глядя под ноги, не разбирая дороги. Он слышал, как кричит ему вслед девушка и как крик переходит в громкое рыдание, но не мог остановиться.

Встревоженный Льен нашел подругу только поздно вечером, когда все четверо, непонятным образом почувствовав, что случилось нечто страшное, прочесали весь парк. Как оказалось, Иллис забилась в самые заросли в дальнем углу, за прудом, там, где стена, огибая какое-то препятствие, выгнулась небольшой нишей.

Иллис совершенно обессилела от слез, лежала на траве под ветвями густо разросшегося кустарника, свернувшись клубочком и обняв подтянутые к груди колени. Недавно прошедший дождь вымочил ее до нитки, в мокрых волосах запутались мелкие веточки, травинки и даже какой-то настырный жук. Девушка не обращала на это внимания, не чувствовала ничего, как окаменела.

— Иллис! Что с тобой?! — не на шутку перепуганный Льен подхватил ее на руки, попытался встряхнуть, похлопать по щекам и замер, наткнувшись на совершенно осмысленный, трезвый, но полный безысходности взгляд.

— Он уехал... — проговорила она очень тихим, безэмоциональным голосом, и Льен в ужасе увидел, как бессильно мотнулась ее голова, откинувшись ему на плечо, как у сломанной куклы. Опять были судороги?! — Я хотела его догнать, объяснить, но он не стал слушать, он... а я не смогла.

— Торк, опять все не слава богам, — Льен со всех ног кинулся сквозь заросли в сторону

корпуса. — Иллис, родная, успокойся, никуда он от тебя не уедет, идиот этот. Мы его найдем и притащим к тебе хоть из-под земли, веришь?!

— Он не захочет, — девушка на секунду зажмурилась, и всего одна слезинка медленно поползла по щеке. — Он решил, что я его предала... он...

Выслушав короткий, прерывистый рассказ Иллис о планах Князя, Льен едва за голову не схватился и мысленно тысячу раз обругал Кейроша. Да если бы! Если бы этот конспиратор торков хоть намекнул, что собирается делать, он бы ему мозги вправил! И Гай тоже хорош, наверняка это его советы использовал безголовый придурок, собравшийся служить в таможне, торк его за пятку...

— Он не уехал еще, Илль, поверь! Все вещи на месте, Майс уже проверил, — торопливо соврал Льен, про себя мысленно уже раздавая команды друзьям и малькам из барсов и соколов первым делом проверить на месте ли вещи Кейроша.

— А значит мы его найдем и приведем!

— И что? — тихо переспросила девушка, которую уже бегом протащили через весь корпус в комнату и усадили на кровать, укутали в одеяло по шею. Сопrotивляться и даже просто пошевелиться сил у нее не было. — Я не могу сказать ему правду. Никому не могу! Ну ты, ты же понимаешь?!

— Понимаю, — Льен сел рядом и прижал девушку к себе. — Я... догадался. Так что не говори ничего.

Иллис вдруг вскинулась, и в ее глазах мелькнула тревога:

— Догадался?! Тогда поклянись, что не расскажешь! Никому! Это очень важно, Льен, если не хочешь, чтобы я... чтобы меня остановили. Никому вообще, даже...

— она прикусила губу и всхлипнула.

— Клянусь! — твердо глядя ей в глаза, проговорил парень. — А еще я тебе клянусь: твой Князь будет стоять на луче Звезды как миленький, даже если мне придется его оглушить и принести туда в мешке. Обещаю, слышишь? А сейчас выпей вот это и спи. Тебе нельзя так волноваться, забыла?

— Льен

— Поверь мне. Просто поверь. Я его верну, и все будет хорошо. Пей, малышка. Завтра ты должна быть в форме, несмотря ни на что. Вот так. Вот так...

Когда два часа спустя четверо собрались на совет возле дверей своей комнаты, Норриан мрачно констатировал:

— Вещи здесь, но сам придурок как сквозь землю провалился. Мог и уехать... что делать будем?

Глава 44

Вообще-то Кириан вовсе не собирался напиваться, тем более в хлам. Но он был в таком состоянии, что толком не соображал, куда несется и что делает. Боль и растерянность были слишком сильные, и разум просто выключился. Одна мысль билась в голове — почему?! Как она могла?!

Трактир просто был по дороге и оказался первым местом, которое вдруг попало ему на глаза после двух часов безумной скачки. Кир и сам не понял, как он тут очутился, еще пять минут назад ему казалось, что он уехал очень далеко от академии. И вот на тебе — придорожный трактир всего в миле от того городишки, где они привыкли проводить увольнительные. Кругами носился? Возможно... Он бы и дальше предпочел скакать вдаль, не думая ни о чем. Но конь устал, а это первое подходящее место, где можно было спешиться, привязать коня, сесть самому...

Кир не знал, что случилось, — то ли он сам по ошибке не то заказал, то ли трактирный подавальщик чего напутал. Но когда Князь, не глядя, махнул целый стакан «вина», который ему принесли за самый дальний столик, стало поздно разбираться.

Угу, вино в стакане тоже было, ложки две. А все остальное — чистый спирт. Сначала Кириан едва не задохнулся и долго кашлял, а потом его стремительно развезло. Видимо, сказались нервы, напряжение и бессонные ночи, когда он готовился к экзаменам.

Что было дальше, он помнил смутно. Кажется, он рыдал и пил еще. С каждым стаканом крепленого мир все больше погружался в мутную дымку Боль не уменьшалась, но становилась все менее четкой и понятной, и оттого казалось, что вот еще глоток — и она, наконец, совсем расплывется и исчезнет.

Зря надеялся. Исчезло все остальное, а боль осталась. Боль и темнота.

В этой убогой забегаловке и нашел Князь Норриан, заглянув сюда уже просто на всякий случай. Заглянул, да так и остановился в дверях, шокированный тем, что увидел.

Кириан сидел за дальним столиком и бурно жестикулировал, очевидно разговаривая со стенкой. Он был в стельку пьян.

И это Князь, который никогда не пил ничего, кроме игристого и вина, причем только изысканных сортов, и умел контролировать себя в любой ситуации. Набрался как последний бродяжка и останавливаться, судя по всему даже и не думал. Норриан решительно подошел к столу и положил ему руку на плечо.

— Пойдем, — коротко сказал он.

Князь скользнул по нему мутным взглядом, и Майрис даже не был уверен, что тот его узнал. Но Кир нараспев произнес:

— А-а-а-а, мой с-с-стрый дбрый дру-уг Но-о-о-орр-р... или, врнее — враг.

Тут он принялся раскачиваться из стороны в сторону, чуть ли не напевая. Весьма невнятно:

— А вдь с тобой тоже из-за нее! Все из-за не-е-е... Но я ей тперь не нужн. Не ну-у-жен! Пнимаешь ты?!

Кейрош снова пьяно качнулся на стуле, да так, что чуть не упал, и Норру пришлось поймать его за рукав.

— Да уж, все ясно, — кивнул своим мыслям Серебряный Принц, обошел стол, примерился и взвалил пьяного в дымину «врага» на плечо. Бросил возле его стакана пару золотых монет, пресекая попытку трактирщика что-то сказать, и спокойно вынес лыка не вяжущего Кейроша из зала.

В себя Князь пришел резко и очень странно, оттого, что кто-то держал его за ноги и планомерно макал головой в поилку для лошадей. Холодная вода, к тому же попавшая за шиворот, стремительно вернула его миру четкость и ясность, да такую хрустально-звонкую, что Кириан взвыл и попробовал сопротивляться.

— Не дергайся, — сказала темнота голосом ди Майриса, и Кириана снова макнули головой в поилку. А когда вынули и он отфыркался-отплевался, тем же голосом спокойно закончили: — А то воды наглотаешься. Если можешь уже — дыхание удержи. Видимо Князю было уже настолько все равно, что он покорно позволил макнуть себя еще пару раз, а потом влить кружку какой-то совершенно тошнотворной гадости и, только проглотив ее, понял, что это было, торк его побери, специальное очищающее зелье для выпивох, которых надо срочно протрезвить. Все-таки ди Майрис гад, он всегда это знал!

Память милосердно завесила все, что происходило дальше, тонкой кисеей дурнотного беспамятства, и Кир совершенно не хотел эту завесу отдергивать. Такое лучше не помнить!

Тот момент, когда его одинокий мучитель вдруг размножился и их стало уже четверо, тоже выпал из сознания Кейроша, как и то, куда подевался из конюшни при трактире

его конь. Сам Кириан вообще не помнил ничего с этим связанного, а взятый за грудки конюх бормотал только, что ресс сам продал своего коня, чтобы купить еще выпить.

Главное, проверить этот бред никакой возможности не было, потому что Кириан сам не мог с уверенностью утверждать, что такого быть не могло. Но как только он протрезвел и физически ему стало лучше, вернулась память, и...

— Майрис, какого торка? — простонал Кир. — Зачем ты все это сделал?

— Очухался? — вместо ответа поинтересовался изверг. — Или добавить?

— Не надо, — Кириан потер лицо ладонями и покачнулся. То-орк, что ж так плохо-то? — Кто тебя просил? Лучше бы я ничего не помнил...

— Давай все же еще очищающего дам, — спокойно как-то и даже сочувственно предложил Норриан, не давая Князю осесть в угол денника. — Должно стать легче. Нет? Ну и зря.

— Зачем? Что это поменяет? Не трать время, Майрис, возвращайся обратно. Тебе надо на Звезду...

— Это тебе надо на Звезду! — Норр начал закипать, но Князь не обратил на это никакого внимания. Только по привычке приподнял одну бровь, да тут же сморщился от головной боли.

— Правда? Тебе-то я зачем там нужен? Или вас тоже подкупил отец? Как и ее?

— Дал бы в морду, да некогда, — ледяным тоном проговорил Норриан. — Ты не охренел ли, Князь?! Кого подкупили? Иллис?! Сам-то веришь в то, что говоришь?

Кириан, уже открывший было рот, застыл. Но... но... Майрис был прав. Кир действительно внутри это чувствовал.

Илль, его Илль не могла предать! Но ее могли запугать! Отец на такие штуки мастер. Угрозы в сторону самой девушки не подействовали бы, это он знал точно. Но что стоит отцу убедить Иллис в том, что опасность грозит не ей, а ему? Что его убьют, например, не явись он на Звезду? Если она поверила во что-то подобное... Как она должна быть напугана! Теперь все слова Иллис, все ее поведение обрело совсем иной смысл.

— Ты даже не дал ей возможности объясниться, — жестко завершил его размышления Норр. — Она тебе поверила, когда все факты говорили против тебя! Как ты смеешь не верить ей?!

Кир молчал, ожесточенно кусая губы. Потом решительно поднялся.

— Поехали!

— Поехали, — как всегда лаконично, резюмировал Норриан.

Честно говоря, произнося все эти правильные, умные слова, Норр глубоко в душе сам не был уверен, что на месте Кейроша поступил бы иначе. Ему тоже непонятен был отказ Иллис и... Впрочем, времени на рассуждения совсем не было. Портал, должно быть, уже открылся, а значит, у них часа три, максимум три с половиной, чтобы успеть.

— Что, мозги на место встали? — сказал Льен, появляясь из темноты. — Давно бы так. Ладно, к торку разговоры, времени в обрез. Давай ко мне в седло. У меня самая выносливая лошадь. Довезу как нежную деву, бережно.

— Иди к торку, — огрызнулся Кириан, но быстро уселся на коня перед ра Сайешем и даже стерпел его далеко не нежные объятия, когда Льен перехватил его за пояс.

— Помолчи уж лучше, — ехидно подколот Льен. — Горе он в вине топил, тьфу на тебя, Кейрош, ты банален, как дамский роман в сортире. В следующий раз надо будет сдать тебя коновалам из купеческого отрезвителя, говорят, они очищающее клиентам вливают с обоих концов, чтобы наверняка подействовало.

— Попрошу без пошлых намеков! — возмутился Кир, стараясь во время скачки удержать

собственный желудок от срочной эмиграции куда подальше от такого хозяина.

— Майс, ты мешок взял? — не унимался ехидный демон, которого Князь семь лет по наивности считал однокурсником. — Это зеленое нечто все же надо будет упаковать и так доставить.

— Взял, — непривычно мрачно отозвался белокурый ар'гард, скакавший рядом. — И веревку взял, на тот случай, если придется оглоушить и везти как выюк.

Кир промолчал. У него вся жизнь на кону — до шуток ли? Что-то смутное не давало ему покоя. Нет, он по-прежнему был далек от мысли, что ему надо быть на испытании. Но его не оставляло ощущение, что он упускает что-то важное, какое-то ключевое звено в цепи. Он должен найти Иллис и выслушать! И только это сейчас по-настоящему имело значение.

— Сайеш, потом будешь блистать остроумием, если так нейдет. Твоя кляча способна вообще передвигаться или нет? Уй, торк! Ну не так же резко!

Рассвет медленно вливал прозрачную синеву в густые чернила ночи, и парни мчались во весь опор — если они опоздают к порталу...

Глава 45

Ректор Грарард метался по опустевшему холлу как тигр в клетке. Чего ему стоило держать себя в руках и не начать крушить все вокруг от беспокойства — знал только он сам.

Святые крылья! За что?! За что все это детям?! Они через столько прошли, у них уже практически сформировалась связь, и тут... Когда полумертвая от переживаний девочка, перед тем как уйти в портал, рассказала ему, что случилось, Грарард был готов лично сию секунду мчаться на поиски, отловить излишне шустрого и предприимчивого младшего Кейроша и всыпать ему пару сотен горячих. От излишнего ума. Но тут выяснилось, что на поиски торкова мальчишки уже подняли чуть ли не всю академию, совет ар'гардов на ушах, и вроде бы по наводке четверо друзей Иллис среди ночи сорвались куда-то, чтобы притащить умника обратно.

Прелестно. Прелестно! Теперь и эти четверо опаздывают, портал вот-вот закроется, и...

Ректору даже подумать об этом было страшно. Ведь если они не явятся на испытание, Звезда выберет для королевы других хранителей, которые подойдут под нужные параметры. Они будут не менее достойными, в этом генерал не сомневался, но...

Весь год, что Иллис провела в академии, коту под хвост. Уже установившиеся связи придется рвать по живому, а новые, с новыми хранителями, образуются не скоро. И не будут такими крепкими, как эти, что возникли сами, прошли через трудности и испытания, закалились общей болью. Кроме того, неизвестно, как такой разрыв переживут парни и сама королева. И это опять поставит под удар...

Да где же эти паразиты?! Отсчет уже пошел на минуты!

Слава Хеллес, хоть Иллис ушла в Крепость сразу после полуночи, самая первая, как только открылся портал. Там она в безопасности. Физически по крайней мере.

У Грарарда болезненно сжималось сердце, когда он вспоминал, какие тоскливые в момент перехода были у нее глаза. Она все еще надеялась, но надежда эта таяла с каждой прошедшей минутой. И она ничего не могла сделать, только ждать. Ее долг перед наследием и королевством был слишком велик, чтобы позволить ей самой сбежать в ночь на поиски любимого идиота. А может, виной тому слабость, сковавшая девушку после сильного потрясения...

Торк! Время! Время почти истекло!

Ректор в отчаянии уставился на медленно мерцающий в центре холла портал. Ему кажется или по столбу света уже пошли легкие волны, означающие, что проход вот-вот закроется?..

Тяжелые двустворчатые входные двери с грохотом распахнулись, и вся честная компания во главе с Кейрошем ворвалась в холл, едва не снеся те самые двери к торку.

— Убью! — от полноты чувств прорычал ректор, стремительно кидаясь навстречу.

— В портал! Бегом!

Парни молча и не рассуждая пролетели последний десяток шагов и один за другим исчезли в голубоватом мерцающем столбе, а Грарард едва удержался от нестерпимого желания ускорить последнего из пятерки пинком и торопливо шагнул следом.

Кириан, еще не отойдя от бешеной скачки, наложившейся на весьма своеобразное самочувствие после выпитого алкоголя и очищающего зелья, даже толком не понял, как пролетел знаменитый портал и оказался в Звездной крепости. А ведь столько раз представлял этот торжественный момент и думал, что запомнит его на всю жизнь. Волновался, рисовал себе, как это будет. И на тебе... Сейчас было странно вспоминать собственные мечты и откровенно до торка плевать на торжественность момента. Нет, то, что запомнит, это точно — усталый, помятый, с полным сумбуром в душе и сомнениями в голове. Истинный правитель...

Он не стал сопротивляться, когда во время бега по коридорам крепости парни по очереди пытались привести его в порядок; Майс сунул расческу, Льен с невнятными ругательствами пытался кое-как отряхнуть и одернуть на Князе мятый, все еще влажный и вываленный в соломе китель, Норр молча знаками показал заправить рубашку. Один Габриэль сочувственно сопел и не лез улучшать Киру внешность.

А Кейрошу было все равно, он внутренне впал в какое-то эмоциональное оцепенение. Живой была только одна мысль, и она настойчиво билась под толщей: найти Иллис! Надо найти Иллис! Навстречу попадались какие-то люди, и он все время искал ее глазами, вскидываясь каждый раз, когда видел форменный китель своей академии. Все тщетно.

Уже перед дверями в главный зал, куда ректор, кажется, намеревался их втолкнуть в прямом смысле этого слова, Кир вдруг резко затормозил.

— Где Иллис?

Но ректор вместо ответа только нетерпеливо нахмурил брови.

— Некогда! Все будут на своем месте в свое время, ар'гард! А сейчас в зал. Живо! Это приказ!

И, видя, что Кириан и не думает двигаться с места, добавил уже другим тоном:

— Будешь своевольничать, погубишь ее.

Вообще-то генерал хотел сказать немного другое: Иллис может не выдержать разрыва связи, выгореть изнутри, и как это скажется на едва-едва оправившейся после серьезного ранения принцессе — предугадать невозможно. Но из-за спешки и волнения сказал, как сказал. И пожалел тут же, так побледнел Кейрош прямо на глазах. Но исправлять и объясняться времени уже совсем не осталось, и ректор махнул рукой.

Кир хотел еще что-то спросить, даже дернулся ректору вслед, но тот уже исчез в людском водовороте.

— Пошли, — Норр сжал его плечо, а Майс взял под руку с другой стороны. И это было бы до чертиков смешно в любой другой ситуации, но только не сейчас!

Они пробирались к своему месту под взглядами всего зала, здесь собрались выпускники всех восьми высших академий Амонтильера. Слаженная четверка невольно ежилась, ощущая столь пристальное и не всегда доброжелательное внимание и слыша волнами

расходящиеся по залу шепотки. Одному Кейрошу было на это глубоко наплевать. Ему было абсолютно безразлично, что именно его потрепанный, далеко не парадный и вовсе не подходящий к торжественному случаю вид вызывает всеобщую ажитацию. В голове билась только одна мысль: где она?! Где?!

— Не паникуй, — почти не разжимая губ, попытался успокоить Гай, торопливо становясь рядом с Кирианом. — Наверняка где-то здесь, в строю. Сейчас спрошу,

— и он что-то вполголоса сказал стоящему слева от него ар'гарду. Тот быстро кивнул и в свою очередь повернулся к следующему соседу.

— Найдем! — попытался обнадежить Кириана Норр, уже пустивший такую же волну расспросов в другую сторону строя.

Ох, хорошо бы... но сколько Князь ни оглядывался, Иллис среди застывших на своем участке светлого паркета ар'гардов он не находил. Ее не было... не было!

Взгляд скользил по лицам, машинально отмечая величественное и в то же время очень сдержанное убранство зала. Сразу было понятно, что эта крепость построена очень давно и на века. Мощные стены, высоченные своды, узкие окна-бойницы. Дубовый паркет, набранный так, чтобы весь пол оказался расчерчен на секторы, в каждом из которых сейчас ждали решения старинного артефакта выпускники этого года. У дальней от входа стены — небольшая трибуна, где присутствовали немногие избранные, допущенные к наблюдению за церемонией.

И врезанная в паркет пятилучевая звезда из простого серого камня в центре зала. Большая, размах лучей шагов на десять.

Кириан упорно избегал взглядом эту очень своеобразную каменную мозаику и вглядывался, вглядывался в лица присутствующих, чувствуя, как сердце наливается болью и безнадежностью.

И именно в этот момент он заметил на трибуне отца. Просто наткнулся глазами на его взгляд. Лорд Валериан смотрел на сына в упор, и хотя в первую секунду губы его недовольно скривились, выражая отношение отца к такой явной потрепанности и небрежности в одежде, но уже в следующий момент глаза старшего Эса ди Кейроша польхнули победным торжеством.

И Кириан понял, что Иллис в зале нет.

Глава 46

Несколько томительно долгих мгновений Князь стоял как ледяная статуя, пораженный этим открытием. Потом резко обернулся, увидел генерала Грарарда и понял, что на его лице написано то же самое беспокойство. Еще один поворот головы — чертов вбитый в подкорку рефлекс в строю стоять навтыжку и не двигаться резко, что бы ни случилось, — и Кириан увидел глаза Льена, такие же встревоженные и постепенно наполняющиеся настоящим страхом.

Где она?! Где?!

Еще один взгляд, брошенный на лорда Эса ди Кейроша, заставил того вздрогнуть и едва заметно нахмуриться. Он не ожидал увидеть в глазах сына такую черную, разъедающую все вокруг ненависть и решимость. Валериан, тренированный придворными интригами, легко прочел по губам Кириана беззвучный вопрос: «Где она?!» — и надменно вскинул подбородок.

И снова обветренные губы чуть шевельнулись:

«Я все равно ее найду, и ты мне не помешаешь!»

Ха! Если этот щенок решил...

Додумать лорд не успел, потому что прозвучал полуденный гонг. Странно, там, откуда

пришли курсанты, было разное время суток, в Рандаре — только-только занималось утро. Но здесь, в Звездной крепости, был полуденный гонг, и солнечные лучи сквозь фигурные прорезы в куполе упали точно в центр каменной звезды, заставив ее вспыхнуть.

— Время пришло!

Кириан дернулся и дикими глазами уставился на возникшего прямо у противоположной стены глашатая. Высокий сухощавый мужчина в белом балахоне, абсолютно седой и при этом смуглый, спокойно, с кажущейся медлительностью поднялся на невысокое возвышение и остановился, глядя в зал поверх сияния звезды, переливающейся в лучах солнца.

— Хранители Амонтильера, те, что встанут рядом с королевской кровью нерушимой стеной, займите свои места.

Его гулкий баритон плыл над головами курсантов, и все в зале на секунду затаили дыхание. Даже Кир, который с ужасом понял в этот момент, что стоит на светлом квадрате паркета как приклеенный и не может сдвинуться с места, не может бросить к торку это безумие и бежать на поиски... ничего не может.

Столб света отделился от одного из лучей звезды и ударил где-то рядом. Князь выдохнул — не в него! И тут же изумленно распахнул глаза, когда громовой голос служителя произнес ритуальное имя первого хранителя королевской крови:

— Воин!

И Серебряный Принц академии Рандар, Норриан ди Майрис, коротко охнув и оглянувшись на друзей в поисках поддержки, шагнул из строя, следуя за ведущим его лучом.

— Строитель!

Майс где-то слева поперхнулся воздухом, ошарашенно моргнул, но послушно пошел на свое место. Ну и что, что слегка деревянной походкой?

— Мастер жизни!

Габриэль?! Что?! Сон какой-то... но...

— Повелитель тайн!

Льен... Кто бы сомневался? Льен.

Кириан почувствовал, что его бьет крупная дрожь. Боги... только не это... не надо... Иллис...

— Посланник!

Ослепительный свет ударил в глаза. Кириан задохнулся. И остался стоять на месте, не делая даже шага в сторону луча Звезды, который он должен был занять. Прокушенная до крови губа онемела, и во рту стоял неприятный привкус, в ушах звенело, и голова кружилась. Секунды капали в напряженную тишину одна за другой, свет осязаемо давил на плечи, звал, подталкивал...

«Кир!»

Послышалось?! Ее голос! Но...

Он только на мгновение потерял концентрацию, и проклятый луч увлек его за собой. Князь пришел в себя, только уже стоя на сером камне Звезды, и едва не взвыл от отчаяния. Но, может, еще не все потеряно?! Он ведь еще не король! И Норриан вполне может...

Вот-вот должен раздаться еще один удар гонга, и четыре луча над головами хранителей потеряют свою яркость, останется только один, который и укажет короля. Но время тянется и тянется, как дешевая конфета из плохо проваренной патоки, которая липнет к зубам вязкой приторной сладостью. Ну же... Ну!

Боги, если вы есть, пусть это будет Норр!

Кириан стиснул зубы и зажмурился, стараясь этим глупым, детским способом спрятаться, стать невидимым. Только не меня, только не меня... Ну и что, что я раньше об этом мечтал?! Ну и что?!

— Тысячи лет мы выбирали своего правителя из тех, кто встал на один из лучей, — заговорил вдруг тот самый глашатай Звезды.

Кир вздрогнул, не понимая, что происходит, вроде в тех книгах, что он читал о церемонии, никаких таких речей не предусмотрено.

Но глашатай продолжал:

— Тысячи лет Амонтильер преклонял колени перед королем, несущим кровь Эйро в своих жилах. Только такой король мог управлять древним артефактом, защищающим нашу страну от вторжения кархов.

«Ну да, — невесело подумал Кириан. — Иначе сильные кланы и лорды давным-давно свергли бы королевскую власть и сами стали у руля. И никто не искал бы наследников, не хранил и не пестовал династию... нашлось бы, кому править. И сейчас все это происходит только потому что без "подзарядки" защита истончается. Не зря же рухнула башня...»

— Тысячи лет мы ждали и надеялись, что наступит момент, когда кровь древних возродится в их потомке, чтобы в мир снова пришло сердце Звезды, которое раз и навсегда уничтожит угрозу и защитит наши земли.

Все замерли. Зал, кажется, перестал даже дышать. А Князь снова прикусил истерзанную губу, но глаз не открыл. К чему все эти разговоры?! Ну быстрее уже... невыносимо! Сколько пафоса! А ему еще надо найти Иллис, и пусть все катится к торкам!

— Тысячи лет хождения по лезвию меча, когда королевская кровь почти исчезала. Восемнадцать лет назад Амонтильер едва не потерял надежду окончательно. И тем не менее... сумел ее сберечь.

Глашатай сделал паузу и торжественно провозгласил:

— Надежда вернулась на эту землю вместе с тобой, Крылатая Королева. Займи свое место и стань нашим сердцем!

Шаги. Легкие, уверенные, без лишней торопливости.

Кириан узнал бы эти шаги из тысячи. Именно поэтому он, почти задохнувшись, распахнул глаза и...

Она шла по широкому проходу между рядами затаивших дыхание курсантов, в перекрестии абсолютно всех взглядов, но смотрела только на него одного. Столько всего в ее глазах было... тающий в глубине зрачков страх, легкое смущение, облегчение, лукавство, радость, нежность, обещание... и любовь. Главное — любовь, такая ясная, солнечная и огромная, что Кириан почувствовал, что тонет в ней.

Князь сам потом не мог понять, как умудрился разглядеть сразу все, что происходило в зале, если глаз не мог оторвать от своей королевы. Но тем не менее.

Конечно, изумление и благоговение преподавателей и курсантов буквально разливалось по залу, но для Кира важным было другое. Усталая тихая радость на лице генерала Грарарда, например. Князь за одно мгновение понял, что генерал знал, кто такая Иллис... знал, что потерянный наследник на самом деле наследница, и ужасно за нее боялся... А вон Анелла, и для нее статус подопечной тоже не был секретом. Как же трудно им было. А труднее всего самой принцессе! Она ведь не могла рассказать, не могла даже намекнуть, так действует хранящая магия Звезды, Кириан об этом читал столько раз, но даже подумать не мог!

А вот отец. И да, он тоже, впервые в жизни наверное, выглядит потрясенным и буквально онемевшим. Все его расчеты пошли прахом, надо же! Один из самых

влиятельных политиков разом оказался отодвинут от власти - он и сам это прекрасно понял, а уж когда вокруг него сомкнули ряды стоявшие до этого момента позади всех мастера ордена... ха!

Отец не замешан в заговоре кучки аристократов под руководством иностранных агентов, о котором ему сегодня по дороге вполголоса поведал Льен, но на пару вопросов ему придется ответить!

Все эти мысли, такие сложные и пространные, промелькнули на самом деле в какие-то доли секунды, пока Иллис шла к своему месту в центре звезды. Шла и купалась в его любящем взгляде, успев, однако, улыбнуться и каждому из четырех других своих хранителей. Они тоже выглядели слегка... м-м-м-м... пришибленными, но радости было больше!

Девушка в курсантской форме встала в перекрестье лучей, и под куполом снова ударил гонг. В ту же секунду колонны света, что падали на каждого хранителя, преломились и устремились в центр Звезды, и Иллис оказалась прямо в вихре этих ослепительных потоков сияния.

Она, не отводя взгляда от Кириана, еще раз улыбнулась, легко и свободно, как никогда, и вдруг на секунду словно растворилась в этом свете.

И возникла вновь высоко под куполом, укутанная только в солнечный свет. Раскинувшиеся за ее спиной полупрозрачные крылья искрились алмазной крошкой и легко держали девушку подтверждая ее настоящий титул — Крылатая Королева.

Кир потерял счет времени, он не понимал, на каком свете находится, это не имело значения. Сейчас он как никогда чувствовал единение со своей королевой и с остальными хранителями. Отныне и навсегда они — одно целое.

Звезда Амонтильера впервые за тысячу лет сияет в полную силу!

Эпилог

— Кхм!

Кириан вздрогнул и словно очнулся. Где-то рядом точно так же выныривали из транса остальные хранители, он видел их краем глаза, а больше чувствовал. Ощущал, что у Норриана затекла шея, Майс, как всегда, слегка растерян, Габриэль так совершенно ошарашен, а Льен... вот жук! Он знал! Точнее, догадался. И не сказал! Не мог...

В зале Звезды, кроме них пятерых и Иллис, никого не было. Когда все ушли? Куда? Какая разница.

— Кхм!!!

Спохватившись, Князь перестал просто любоваться парящей под куполом

королевой и наконец обратил внимание на то, что Иллис как будто чем-то озадачена и недовольна.

— Иллис?

Крылатая королева там, наверху недовольно повела плечом, потом попыталась закинуть руку за спину и подергать себя за крыло. Посмотрела со своей высоты на парней по очереди, потом на Кириана...

— Кто-нибудь знает, как эта штука выключается? — жалобно спросила она и зябко обняла себя за плечи. — Я не могу спуститься!

Хранители дружно открыли рты на такое заявление и несколько секунд молча тарачились на девушку. Первым не выдержал и хихикнул Майс. А потом...

— Ох, Иллис, — простонал сквозь смех Кириан. — Это только ты... на такое способна!

— Ну и чего вы ржете? — нарочито мрачно пробурчала королева, сама сдерживая расплзающуюся по губам улыбку — Снимайте меня давайте! Хранители, торка вам в пятку

Когда все отсмеялись, Норриан дернул за китель Маиса:

— Ты у нас инженер-строитель по знаку луча, тебе и карты 8 руки.

— Я строитель, а не сниматель, — тут же возмутился светловолосый парень, но уже через секунду озадаченно чесал в затылке, превращая кое-как приглаженную шевелюру в свой обычный всклокоченный одуванчик. — Не знаю, может, встанем пирамидой, кто-то залезет на самый верх и...

— И сдернет меня отсюда за ноги, — мрачно согласилась из-под потолка Иллис. — Торковы крылья...

— Точно, строитель, — под общие смешки резюмировал Габриэль.

— Молчал бы уж, повелитель жизни, или как там тебя! Крылья вон явно живые, повелевай давай.

— Сидеть! Место! — выдал в потолок Гай и наморщил лоб: — Не-а, не выходит

— Это ты вообще кому: мне или этим чокнутым леталкам? — ехидно переспросила сверху Иллис.

— Понятно, леталкам. Непослушные они у тебя. Ничего, выдрессируем.

— Да кто бы сомневался... я так понимаю, ты у нас в королевстве ответственный за животноводство, — подколот Кириан.

— Молчи уже, ресс жулик! Посланник он, всё с тобой ясно. Будешь иностранные делегации за нос водить и заключать с ними договора, по которым они нам все еще и должны останутся.

— Пф-ф-ф, это слишком мелко для меня. Я гений дипломатии, а не какой-то мелкий торгаш, ты забыл?

— Угу, крупный. Норриану придется везде за тобой ходить и делать зверскую рожу, чтобы тебя не укокошили. У него хорошо получается, помните, как Вайриса напугал? Воин, что с него возьмешь. Прибьет и не заметит, — хмыкнул Льен.

— А ты вообще молчи, повелитель шпионов. Тихоня, торк тебя... я всегда догадывался, что ты не так прост. Контрразведка, да?

— Эй! — Иллис в очередной раз возмущенно напомнила о себе переругивающимся внизу хранителям. — Я тут замерзла вообще-то. Эти лучи с горем пополам чего-то прикрывают, но ни фига не греют. Чхи! Ну вот...

— Так, хватит галдеть! — тут же встревожился Кириан. Хотя солнечный свет все еще наполнял его душу и настроение пенилось искристыми пузырьками, отчего все казалось чудесным и возможным, это котеночье «чхи» из-под потолка ему не понравилось. Не дай боги, и правда простудится. — Властью короля объявляю себя главным. Льен и Норр, как самые тяжелые, — внизу, Майс и Гай им на плечи, а я по вам уже наверх.

— Ты женись сначала, король, потом будешь нам по головам прыгать. Тьфу... да лезь уже. Майс, торк, ну куда в сапогах?! Разувайся.

— Э-э-э... у меня в носке дырка, — засмутился новоиспеченный «строитель королевства». — Неудобно как-то.

— Ма-айс! — хором простонали остальные, включая Иллис. — Что мы, за семь лет твоих дырявых носков не видели? Разувайся давай!

— Да... торк... Кейрош, разве можно столько жрать?! Тяжелый, как... где только помещается? Тощий же, как жердь.

— Ай... на голову не наступай, придурок! На плечо!

Иллис сверху вниз с интересом наблюдала за строительством живой пирамиды. Даже мерзнуть и чихать забыла. Вот Кириан взобрался на самый верх и протянул ей руку:

— Лети сюда, любовь моя.

Иллис, чуть извернувшись в воздухе, дотянулась до его ладони кончиками пальцев, секунда, и...

— Апчхи! — раздалось откуда-то снизу — Ох, торк!

Пирамида из парней вдруг зашаталась, пару секунд отчаянно балансировала, а потом с грохотом и воплями рассыпалась.

Один Кириан остался висеть в воздухе: Иллис успела вцепиться в него обеими руками.

— Мама! Ай! Держись, а то разобьешься! — испуганно вскрикнула королева и... мягко спланировала на пол, не выпуская своего будущего короля.

— Во, в следующий раз надо с ходу Кейроша ронять, она испугается и сама спустится, — внес рацпредложение «добрый» после падения Габриэль, морщась и потирая ушибленное плечо.

— Хорошо наше правление начинается, весело, — хмыкнул Льен, стягивая с себя китель и набрасывая его на плечи Иллис. Ниже груди она уже была укутана в китель Кириана, но тут лучше перебдеть.

— Нормально начинается, — радостно заявила девушка, целуя своего главного спасителя 8 нос. — Все хранители на месте, крылья надрессируем, заговор этих... торгашей и мелких дворянчиков, которые то ли со шпионами спелись, то ли с кархами, уже почти раскрыт, а кто не раскрыт, тех Льен выкопает Все хорошо. Правда же?!

— Правда, — Кириан привлек ее к себе и поцеловал уже по-настоящему — Правда...

— Угу, одно точно отлично: мы теперь вместе навсегда, — подытожил Майс, когда четверо хранителей деликатно отвернулись, давая влюбленным побыть наедине. — Дел, конечно, будет... мама дорогая! И дальнейшую учебу нельзя отменять.

— Выучимся, — усмехнулся Норр. — Надо мне дополнительные уроки тактики и стратегии взять, раз уж я Воин. И боевых искусств.

— Теперь это будет проще, — улыбнулся Льен, покосившись через плечо на увлеченно целующуюся парочку. — Мы теперь по-настоящему семья. Кстати, когда жениться надумаете, придется спрашивать одобрения у королевы и остальных хранителей, ведь в правящую семью введете жену, не в дальний гарнизон!

— Жену?! — ужаснулся Майс. — Опять жену?! Нет уж! Хранителям жениться не обязательно! Дел по горло, а они жену... У меня вон стратегическая баллиста не обсчитана. Теперь-то точно пригодится, на пограничных островах особенно!

— Кто о чем, а Майс о катапультах, — заржал Габриэль. И тут же вдруг с криком кинулся куда-то в сторону короля и королевы: — Куда опять?!

И правда, влюбленные слегка увлеклись поцелуями, а королевские крылья на это блаженство и эйфорию отреагировали по-своему: затрепетали и начали поднимать обоих над полом.

— Опс! — Льен на всякий случай перехватил слегка ошалевшего Кейроша за пояс.

— Ну что, друг. Поздравляю. Во время брачной ночи придется вас к кровати за ногу привязывать, а то улетите.

Дружный взрыв хохота был ему ответом.

Сегодня все было так хорошо, что даже несанкционированные полеты не могли ничего испортить.

Конечно, они разобрались, как управляться с крыльями. И Иллис научилась эффектно падать на руки своему королю, и они целовались как ненормальные, и остальные хранители деликатно оставили их наедине... Все это было.

А потом было вообще много чего. Вступление в наследство, свадьба по протоколу, от которой хотелось взвыть и убежать, чтобы опять просто целоваться (и не только), торкова куча сложностей, политика, дипломатия... союзы, переговоры, шпионы, заговоры... счастье, свой, только свой дом, семья, дети, обновленная силой королевы стена, медленно, но верно двинувшаяся на север, освобождая новые земли из-под власти кархов.

Все было.

Но это уже совсем другая история.

Конец